Константин Сомов

одна жизнь

(Повесть)

Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет...

Николай Заболоцкий

Барнаул 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сомов К.К.

С-616. Одна жизнь. Повесть. — Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2013. — 224 с.

Повесть «Одна жизнь» является составной частью задуманного автором романа «Усобица», повествующего о Гражданской войне в Сибири и, в особенности в ее Алтайской губернии. О людях одной земли, оказавшихся по разные стороны баррикад.

Один из его героев студент-доброволец Первой мировой войны подпоручик Ненашев оказывается в горниле искалечившей его душу братоубийственной бойни. Он больше не хочет никого убивать, ни тех, ни этих, но не властен жить по своему усмотрению. Нужно выбирать...

ББК-... © К. Сомов, 2013

ISBN

Глава первая

Вечером 1 сентября 1918 года к дежурному по славгородской тюрьме подпоручику Игорю Ненашеву зашел его приятель, начальник местного гарнизона штабс-капитан Михаил Киржаев. Ненашев скучал и перед приходом штабс-капитана пытался развлечься тем, что мучил долгими расспросами о взглядах на жизнь бывшего павлодарского стражника, а ныне тюремного надзирателя Жадова. Высокий и грузный стражник, с рыжими, подковой усами на мясистом лице, на вопросы подпоручика отвечал односложно и, как казалось Ненашеву, насмешливо. «Да кто ж его знает», «про то одному богу ведомо», «жисть она разная бывает». Застывшие, как густой кисель, глаза Жадова, похоже, не выражали никакой даже самой малой мысли, а разобрать под «подковой», усмехается он в действительности или нет, было невозможно. И это раздражало подпоручика особенно сильно.

Офицером студента филологического факультета Московского университета Игоря Ненашева сделала германская война, на которую он, презирая любого рода насилие, пошел добровольцем. В студенческой среде высокий, чуть сутуловатый, близоруко шурившийся — очки он не носил, считая их одним из символов ущербности — Ненашев слыл интеллектуалом и задавакой. Одно время он посещал считавшийся революционным кружок, но, пожалуй, больше из желания слыть прогрессивным человеком, чем из искреннего интереса и душевной революционности. К идеям, озвучиваемым его товарищами на собраниях, относился равнодушно, испытывая порой во время самых жарких споров немалую скуку.

На германской войне, воочию убедившись в хрупкости человеческой жизни, в прямой каждодневной, а то и ежеминутной ее зависимости от превратностей судьбы, он и вовсе перестал

интересоваться политикой и в армии Временного сибирского правительства оказался, по сути, случайно. Движимый волей все того же провидения.

По старой университетской привычке он любил поболтать. Однако собеседник ему в этот раз попался уж очень неудачный, определить его жизненную позицию Ненашеву никак не удавалось, и считавший себя знатоком человеческих душ подпоручик начинал уже не на шутку злиться. Тем более что выпить у него ничего не было, даже дрянной местной самогонки, чай надоел, а от десятка дешевых папирос сильно першило в горле. Потому приходу приятеля Ненашев непритворно обрадовался, а выставленная гарнизонным начальником на стол дежурной комнаты бутылка коньяка увеличила эту радость вдвое.

* * *

Незадолго до этого в селе Черный Дол, расположенном неподалеку от затерянного в алтайской степи маленького городка с громким названием Славгород, местные мужики воспротивились призыву молодежи в армию Временного сибирского правительства. Правительство это было создано в июне в Омске после свержения чешскими легионерами и примкнувшими к ним боевиками белого подполья Советской власти в Сибири, и вошли в него представители едва ли не всех и левых, и правых партий, кроме большевиков и анархистов.

Для дальнейшей борьбы с ними и удержания уже отвоеванной территории новому правительству остро требовались новые солдаты, и 31 июля его военный министр полковник Гришин-Алмазов объявил мобилизацию в Сибирскую армию двух возрастов, 1898 и 1899 годов. Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 года. Первым днем мобилизации было назначено 25 августа 1918 года. Однако крестьяне Черного Дола этому указу не подчинились, и на то имелись особые причины.

Село это было необычным. Многие его жители в прошлом были донбасскими шахтерами, попытавшимися во время Первой русской революции 1906 года на своей родине Украине разоружить сельскую стражу. При этом был убит жандармский

офицер и двое нижних чинов полиции. Их похоронили, полсотни смутьянов упрятали в острог, а затем едва ли не все село Архангельское было переселено на Алтай, осваивать новые земли, где и получило новое название Черный Дол.

О своем боевом прошлом чернодольцы не забыли, и теперь, когда многие из них успели получить фронтовой опыт в окопах германской и даже принести с нее домой кое-какое оружие, вновь решили бороться за мужицкую справедливость. Для начала на сельском сходе они постановили новобранцев в армию не давать — и как решили, так и сделали.

Взяв с собой несколько офицеров, в мятежное село отправился штабс-капитан Киржаев, и закончилась эта поездка криком, свалкой и стрельбой. Один крестьянин был убит, а несколько других арестовано и доставлено в славгородскую тюрьму.

* * *

- Ну как тут субчики мои чернодольские, спокойно себя ведут? усаживаясь на торопливо пододвинутую Жадовым табуретку, поинтересовался Киржаев.
  - Да тихо пока сидят, шуму-гаму не слышно было.
- Ты смотри, а ведь в селе у себя какие шумные были, удивился гость. И орал на них, и материл, все без толку. Стрелять пришлось, но и то, как мне показалось, не угомонились они. Опять мобилизованных не пришлют. Штабс-капитан закурил папиросу и еще раз поинтересовался: Так, говоришь, тихо сидят?
- Тихо, подтвердил Ненашев и кивнул стражнику: Иди, служи, Варфоломеич, после договорим.

Жадов, облегченно козырнув, ушел, подпоручик ухватил тонкими пальцами горлышко коньячной бутылки, принялся разглядывать этикетку.

- А тебе не кажется, Миша, что вся эта затея чистой воды ерунда, если не сказать больше глупость? поставив бутылку на стол, спросил он после паузы.
- Какая затея, о чем ты? Штабс-капитан выпустил изо рта струйку папиросного дыма и с удовольствием вытянул сильные ноги. Устал, пожаловался он приятелю.

- Да мобилизация эта.
- Объясни, пожалуйста. Пока тебя не понимаю.
- Все очень просто, друг мой Мишель. Эти бестолковые, бессистемные призывы силы армии не прибавят, и случайные толпы тупых, силой загнанных в нее деревенских парней это что угодно, но только не воинские части, способные выдержать боевые и походные испытания. Подожди-ка, я тебе попытаюсь дать более-менее четкую формулировку. Ненашев вытащил из киржаевского портсигара папиросу, не спеша прикурил, изящным движением отщелкнул в сторону затухшую спичку.
- Ну, примерно так. Подпоручик прищурил красивые голубые глаза и, вычерчивая папиросой дымные круги в воздухе, заговорил монотонно- лекторски, будто за кафедрой стоял. Кучки одетых в военную форму людей, имеющих в руках ружья, представляют собой только весьма малую часть совокупности тех данных и качеств, которые необходимы для того, чтобы иметь право называть эти части годными для войны и для боя. Ненашев убрал с лица заумное выражение и уже обычным своим голосом добавил: К тому же они просто опасны. Мне приезжий офицер рассказывал, что в Томске и других городах таких вот мобилизованных офицеры опасаются больше, чем красноармейцев. Собираются господа командиры по ночам в отдельную казарму, а винтовки и пулеметы охраняют офицерскими караулами.
- Вы еще по камерам пройдитесь, господин подпоручик, мужичкам о своих мыслях поведайте. Голос Киржаева стал колючим, как щетина, штабс-капитан даже кулаком на приятеля по столу пристукнул.
- Не нужно так нервничать, Михаил Петрович. По камерам я, естественно, не пойду и мыслями своими, иметь которые мне никто не запретит, делиться с разбойничками не стану, можете на этот счет пребывать в абсолютном спокойствии. Подпоручик миролюбиво улыбнулся и вновь ухватил со стола коньячную бутылку. И вообще, Мишель, сколько можно человеку горло разговорами сушить? Не пора ли нам, как говорят господа мужики, опрокинуть по единой?

— Вот тут, господин подпоручик, — в свою очередь улыбнулся Киржаев, — темы для спора я не вижу и охотно поддержу вас в благом начинании.

Приятели выпили отличного шустовского коньяку, закусив его хлебом и салом, которое принес офицерам запасливый Жадов. Киржаев вновь закурил, попыхивая папироской, замычал в нос: «Скажи мне, кудесник, любимец богов...», затем одним твердым движением смял окурок о столешницу.

- Ну, хорошо, мобилизация не нужна и даже вредна. А что, по-твоему, нужно, чтобы разгромить Троцкого с Лениным и установить в стране нормальную, законную, богом данную власть?
- Это какую же, Мишель, «невинно» поинтересовался Ненашев, уж не монархию ли?
- Я бы, конечно, предпочел монархию, не принял иронии штабс-капитан, но давай будем считать самым законным восстановление твоего Учредительного собрания. С кем нам это делать? Ведь у большевиков в руках вся индустриальная Россия, военные заводы, запасы боеприпасов и оружия.
- С офицерами-добровольцами и другими волонтерами, желающими бить большевиков. Может быть, даже с наемниками, они, как правило, надежны. Ну и, конечно, с нашими союзниками, с Антантой.
- С союзниками, усмехнулся Киржаев. Это перед которыми мы так обделались? Им наши дела под конец, наверное, вообще каким-то абсурдом казались. В 17-м, во время последнего летнего наступления, в котором я, так сказать, имел честь участвовать, и артиллерии у нас было достаточно, и боезапас был, и пошли поначалу вроде бы ничего, но стоило немцам начать контратаковать, тут же защитнички отечества хреновы начали митинговать, не будет ли аннексией, штаб-капитан издевательски возвысил голос, дальнейшее продвижение вперед. А потом и вовсе драпанули. Это же надо, от восемнадцати австрийских и германских дивизий побежали шестьдесят наших! Михаил болезненно сморщился, бросил на стул фуражку. Дерьмо. А потом брататься полезли. Те сначала пулеметами товарищей комитетчиков встречали, а потом ра-

зобрались, что к чему, денатурат да скипидар разбавленный «братьям» потащили. Еще бы, такой подарочек те им устроили — одним фронтом меньше. А наши говоруны: «свобода, свобода!» Ну и как они распорядились этой самой «свободой», позвольте спросить?

— Могу ответить. — Ненашев деликатно сдержал зевок. — Видел в Казани в запасном полку летом 17-го. В солдатских казармах сумасшедшая просто карточная игра.

Все проигрывали — деньги, хлебные пайки, амуницию, обмундирование. Так что иному особенно азартному на улицу не в чем выйти было. Воровство, драка ну и, само собой, денатурированный спирт и самогон. Самовольные отлучки, а потом и грабежи в городе. До разбойных убийств доходило. В общем, — поцикал сквозь зубы подпоручик, — человек, как я обнаружил, способен оскотиниваться моментально, и помощь ему в этом со стороны требуется минимальная.

— Так ведь это еще и заразная штука-то. — Киржаев встал со стула, размял широкие литые плечи. — Как это господа в Европах не понимают? К ним приползет, все их теплые ватерклозеты и цветники поломает. Так что надо мосье и мистерам обиды забыть, немца добить, благо ему жить немного осталось, и к нам высаживать, да не роты, а дивизии. Да не пару броневиков, а сотни! Задавить в зародыше красную гадину, пока она из России дальше не поползла!

Он резко выдохнул и уже спокойнее добавил:

- А уж потом мы найдем способ от наших благодетелей избавиться. Дорого, конечно, за это придется заплатить, но все дешевле, чем Россия стоит. Так ведь не пойдут они на это, глупцы, совсем спокойно, даже равнодушно закончил свой монолог штабс-капитан. Парламенты их, профсоюзы, либералы и прочая рвань не дадут. Посмотрим, дескать, на дикарский эксперимент. Так что придется одним до конца за Россию страдать.
- Так-то оно так, глубоко вздохнул Ненашев, только...
  - Что только?
- Понимаешь, Мишель, крепко провел ладонью по лбу подпоручик, для меня, как и для тебя, Россия не только на-

громождение земель и народов и прочее. Это Отечество моего духа, святыня. Но даже за эту святыню я не хотел бы больше никого убивать и воевать с собственным народом тоже.

- А я того, о чем ты говоришь, чужим не отдавал и своим, что любых немцев хуже, не отдам. И убивать их буду, пока самого не убьют, — ровно сказал Михаил. — Вот вся моя программа, и политическая, и духовная. А про народ и вовсе глупость. Я сам, скажем, чем не народ? Сын ветеринарного фельдшера, далеко не богач и не буржуй, в люди своим горбом пробивался. Окончил реальное училище, на железной дороге работал, о женитьбе да собственном деле подумывал. Тут война. Пошел, как иначе. Три года — три ранения, пять орденов да погоны офицерские. Сам собой гордился, — усмехнулся Киржаев и, взяв со стола бутылку, разлил по стаканам коньяк. — Понимал, конечно, не совсем дурак, что не все в России как надо устроено и налажено, но полагал, что после победоносного окончания войны устроится и наладится. Только работай. Тут сволочь эта, как чертик из табакерки, и все прахом. И почему так... А ты говоришь... — Михаил взял со стола стакан и, не чокаясь с Ненашевым, выпил.
- В революции, как и в несовершенстве мира в целом, я, видит Бог, не виновен, развел руками подпоручик, поскольку в его создании никакого участия не принимал.
- Слушай, философ, прищурился штабс-капитан, а как ты вообще в армию попал, военное дело ведь для того и создано, чтобы побольше людей убивать? И почему после октября форму не снял, если ты такой нежный? Почему ты сейчас в Сибирской армии, в свою Владимирскую губернию не отбыл, ведь мог бы?
- В России меня большевики в свою армию мобилизуют либо просто по какой-нибудь разнарядке в расход пустят, а мне этого не хотелось бы. И потом, я сказал, что не хотел бы никого убивать, но не сказал, что не стану этого делать. Не беспокойся, о долге своем помню. А что касается того, как я в армию попал, так главным образом, вероятно от скуки. Ну что у меня было в жизни: мутер-фатер, гимназия, чай, книги, варенье. Потом университет надежды, терзания, кружки. Тоска. Ну, и Рос-

сию для меня никто не отменял... В общем, жизнь началась, когда ей смерть в затылок задышала.

- Аркадий, друг мой, не говори красиво, рассмеялся Киржаев.
- Это ты правильно сочинение господина Тургенева вспомнил, тоже улыбнулся подпоручик. Есть за мной такой грешок, люблю порой щеки надувать. Сам не пойму, как после трехлетней грязи и кровищи привычка такая за мной осталась.

* * *

В коньячной бутылке оставалось не более четверти ее содержимого. Киржаев курил, а Ненашев, то усмехаясь, то хмурясь, просматривал последний номер газеты «Сибирская речь», который выпросил на вокзале у железнодорожника-омича.

- А ведь я был, похоже, не прав, когда столь саркастически отзывался о мобилизации, заявил он вдруг. Вот послушай, что по этому поводу здесь пишут: «На заседании Совета министров 27 августа управляющий военным министерством А. Н. Гришин-Алмазов с чувством глубокого удовлетворения заявил, что, по сведениям министерства, проходящая в Сибири мобилизация двух молодых годов проходит в большом порядке, как не проходила и при царском режиме. Во многих местах население не только охотно дает новобранцев, но и само предоставляет военным властям списки уклоняющихся».
- Это ж надо, покрутил головой Ненашев, как дело идет. Одни мы, убогие, военное министерство огорчаем.
  - Оставь, Игорь, поморщился Киржаев.
- Подожди, тут еще кое-что не менее интересное есть. Вот послушай. Телеграмма в газету из Бийского уезда нашей губернии:

«Исполненные любовью к Родине, с чистым сердцем явились мы в первый день мобилизации и вступили в ряды молодой, но уже славной Сибирской армии. Проникнутые горячей речью заслуженного боевого полковника — начальника гарнизона и напутствием Епископа Бийского Иннокентия, мы, новобранцы первого призыва...»

— Я же просил оставить, — насупился штабс-капитан.

- Еще последнее и все. Извини, но просто утерпеть не могу, чтобы не прочесть. Я совсем немного. Вот: «Мы, крестьяне Бийского уезда, родители призванных новобранцев, отправляем вам наших детей для службы в Сибирской армии. Молим Бога, чтобы он помог вам прогнать немцев и дать силы нашему правительству сделать Родину счастливой...»
- Достаточно, хлопнул ладонью по столу Киржаев, поручи лучше своему церберу, пусть приведет кого-нибудь из тех, кого мы сегодня из деревни привезли. Хочу поближе на наших супротивников поглядеть, там-то в суматохе времени не было, все на одно лицо казались.

Вскоре стражник привел из камеры ничем не примечательного арестанта с мятым от бессонницы лицом. Рыжая борода под выгоревшей на солнце армейской фуражкой, такие же рыжие тяжелые сапоги, перешитая из шинели серая куртка — вот и весь мужик. Фуражку арестант тут же снял, сжал в руках, глаза уставил вбок, в стену, так что выражение их офицеры видеть не могли.

- Вот скажи мне, мерзавец, чего ты хочешь? Зачем вам выступать против власти? Киржаев говорил спокойно, казалось, даже добродушно, будто сына нашкодившего расспрашивал. Спросив, стал терпеливо ждать ответа.
- Чтоб в армию хлопцев не забирали, после долгого молчания разлепил спекшиеся губы мужик.
- А что ж ты не бунтовал в 14-м году, когда тебя по одежке вижу, что бывший солдат призывали на службу?
  - Тогда вроде нужно было.
  - Ну а сейчас армия что, по-твоему, совсем не нужна?
- Почему? Поняв, что убивать его вроде бы не собираются, арестант немного осмелел. Нужна. И после паузы сказал еле слышно: Только народная.
- Народная? Голос Киржаева стал каким-то бесцветным, ничего не выражающим, и таким же белым, бесцветным стало в тот же момент лицо стоявшего напротив штабс-капитана мужика. Народная?! Начиталась, обезьяна тупая, прокламаций! сорвался на крик начальник гарнизона. А я, по-твоему, кто?! Я чин горбом, я три года в окопах верой и прав-

дой, три ранения. Вот, вот, вот! — Штабс-капитан остервенело ткнул себя пальцем в левую руку, бок и шею. — Ладно, захотелось вам равноправия, чтоб не было их благородий и так далее. Нате вам Учредительное собрание, выбирайте, каких вам надо. Пошли — проголосовали. Этот за первый список, тот за пятый, тот за сто двадцать пятый. Хорошо? А вот шиш, — ощерился Михаил, — братишечки большевики — вот такие, Игорь, как этот. — Он ткнул пальцем во вздрогнувшего арестанта.

- Я не большевик, заторопился тот, но штабс-капитан его не слушал.
- Посмотрели, видят, что-то маловато им голосов досталось, куда меньше, чем хотелось бы. Что они делают? А вот что. Киржаев взял со стола бутылку и, выбулькав в стакан весь оставшийся в ней коньяк, одним махом выплеснул его себе в рот. Раз! Он вытер рукой выступившую в краешке глаза слезу. И в дамки. Никакой учредиловки нет, и мой голос туда же, в помойку. А если я так не согласен?!

Мужик старался, но не мог унять охватившую его дрожь.

— Я боевой офицер, если я не согласен, чтобы об меня ноги вытирали?

Штабс-капитан повернулся к столу, крепко уперся в него руками, постоял немного, сдерживая нервный тик на лице, закурил и вновь обернулся лицом к арестанту.

— Так вот, скотина, если ты не хочешь отвечать на вопрос, зачем вам это все нужно, я на него отвечу сам. Я же местный, жил здесь до войны и видел, как тут мужику живется. Верно, трудновато было начинать в этой степи, но ведь давали же переселенцам скот, многолетние беспроцентные ссуды, инвентарь. И, в общем, кто хотел и трудился, начинал жить не так уж плохо. Уверяю тебя в этом, Ненашев, — повернулся он к подпоручику. — Особенно местная немчура, среди которой, ты можешь себе это представить, тоже большевики завелись! Так в чем же дело? — с притворно-удивленной миной на лице поинтересовался у арестанта Киржаев. — Какого лешего не хватало? На кой хрен им цей совет?.. А чтобы попановать. — Улыбочка у офицера враз пропала, и лицо его стало таким, будто не умело улыбаться вовсе. — Попановать

захотелось мужичку, самому царем сделаться. И что имеем в результате? Разоренную страну!

Киржаев вернулся на свою табуретку, повернулся к Ненашеву:

— Игорь, кликни своего цербера, пусть самогону принесет. Выпьем, пока ум за разум от таких вот бесед с представителями беднейших слоев населения, — в голосе его слышалась откровенная издевка, — не зашел.

Явившийся на зов Жадов обстановку и настроение Киржаева оценил моментально, и менее чем через минуту на столе появилась бутылка с чистейшим первачом. Офицеры выпили, вновь принялись жевать хлеб с салом, широкие и твердые перья зеленого лука.

- Да если бы, старательно дожевывая плохо поддающуюся зубам корочку сала и понемногу успокаиваясь, повернулся к арестованному Киржаев. Тот стоял неподвижно, как деревянная кукла, уняв наконец охватившую его дрожь. — Если бы мы победоносно закончили войну вместе с союзниками, а до этого, видит Бог, оставалось всего несколько шагов, мы бы получили от Германии и Австрии большие контрибуции, деньги, в том числе и для таких дураков, как ты. Россия раздавила бы внутренних смутьянов, да они, вероятно, и сами бы по окончании войны исчезли, продолжилось бы великое дело Петра Аркадьевича Столыпина, и у нас последний нынешний бедняк в самом скором времени жил бы припеваючи. А вы все это псу под хвост пустили, тупые обезьяны, свое же собственное благо туда отправили. И у вас еще хватает наглости называть меня врагом России! — Штабс-капитан с силой сжал кулаки.
- Я не называл, удивленно-испуганно возразил арестант, но подвыпивший Киржаев его уже не слушал.
- И вот я тебе, дураку, что еще скажу, ткнул он пальцем в рыжебородого. Вот вы, ваша власть, до того, как мы пришли в Славгород, наложили на имущий класс города, по вашей формулировке, чрезвычайный налог в сто тысяч рублей, ограбили моего отца и других уважаемых в городе людей. Какие же вы революционеры после этого, вы просто разбойники с большой дороги.

— Тут ты не прав, Михаил, — после долгого молчания подал из табачного дыма свой голос Ненашев. — Это как раз и есть один из основных признаков революции. Еще во время французских событий, в самом начале XVIII века, друзья народа облагали революционными налогами богатых людей и аристократов. Один из комиссаров тогдашних, из города Буржа, кажется, говорил, что разве несправедливо, если алчные спекуляторы и аристократы должны оплачивать издержки войны, которую сами нам и объявили, а другой, тоже не помню имени, сказывал так: «Если у богатого любви к свободе нет, так заберем хоть его состояние».

Киржаев терпеливо дождался, пока его приятель закончит свою тираду, и продолжил, внимательно глядя на мужика:

- А теперь, любезный мой, скажи мне, сколько у тебя скота?
- Две лошади и четыре коровы, после небольшой заминки ответил тот.
- Ну а если к тебе кто-нибудь пришел и сказал, что для его святого дела нужно забрать у тебя лошадь, две коровы и половину зерна, что бы ты делал? И не ври мне, борода. Я этого не люблю.
  - Не отдавал бы, биться стал.
- А я что делаю? голос офицера звучал торжествующе. Сражаюсь, как это тебе ни покажется странным, в том числе и за тебя, дурака. Потому что, и ты мне верь, если вернутся из-за Урала, не дай бог, красные, они заберут у тебя и лошадь, и коров, и не половину, а весь хлеб для своего сраного голодного гегемона-пролетариата. Они в России уже так делают. Потому как ты и такие, как ты, по их меркам кулаки, живоглоты и кровопийцы. Понял, что я тебе говорю, или нет?

Арестант не отвечал, тогда Киржаев вскочил со стула и, ухватив мужика за бороду, взметнул его лицо вверх.

- Понял, скотина тупая?
- Пусти, просипел арестант, пусти, говорю.
- Ах ты, скотина!

Правой рукой штабс-капитан изо всей силы ударил рыжебородого в лицо так, что тот кулем посунулся в угол, а офицер метнулся вслед за ним, примериваясь ткнуть в бок мужику щегольским блестящим сапогом. И тут за рукав штабс-капитана взялись тонкие, но сильные пальцы долгие годы мучившего клавиши пианино Ненашева.

— Остановись, Михаил Петрович, ты же офицер!..

Когда арестованного вытащили из угла и увели в камеру, Киржаев долго молчал, выкурил почти до мундштука папиросу, а потом коротко сказал:

- Спасибо, Игорь.
- Не за что. Принесешь еще бутылочку такого же знатного коньяка и считай, что в расчете.
- Ты все шутишь. Штабс-капитан прикурил от догорающей папиросы другую, бросил окурок прямо на пол. А ведь черт его знает, чем все это кончится.
- Есть еще надежда, грустно подытожил Ненашев, что удастся погибнуть до того, как Россия в тартарары провалится.
- Ну, разве что так. Черт, мотнул головой заметно протрезвевший штабс-капитан, зря не сдержался все же. Нужно было у этого субчика, какие планы у смутьянов, допытаться, не задумали ли чего, а я в болтовню ударился, психанул. Ладно, Киржаев протянул руку поручику. Я пойду. Думаю, что их сейчас бояться не стоит, у них после прошедших событий полные штаны должны быть, однако и расслабляться не следует. В общем, пока Россия в тартарары не провалилась, ты тут нюх не теряй и не добавляй больше. Это я тебе как начальник гарнизона говорю.
- Слушаюсь, господин штабс-капитан, покачнувшись, встал из-за стола Ненашев, вытянув руки по швам.
- Брось, Игорь, поморщился штабс-капитан. Просто неспокойно у меня на душе. Так что и спать, наверное, домой не пойду, буду ночевать в другом месте.
  - Уж не у Катюши ли?
- А вот это, господин поручик, вопрос бестактный, особенно учитывая ваше университетское образование. Киржаев одернул мундир, поправил револьверную кобуру на ремне, взял со стола фуражку. В общем, бди тут.
- Папиросок своих пару штук оставь, а то у меня от местных изделий уже горло дерет.

Михаил молча выложил на стол три папиросы, убрал в карман брюк портсигар и вышел за дверь, в теплый сентябрьский вечер. Ненашев поудобнее устроился на жестком табурете, привалился спиной к кирпичной кладке стены и не в первый раз с удовольствием подумал, что преобразованный в тюрьму дом купца Дитте, с началом германской войны поменявшего фамилию на Дитин, построен словно крепость. Не то что пуля, не каждый снаряд такой возьмет. Затем подпоручик надвинул поглубже козырек фуражки, пряча глаза от заполнявшего маленькую дежурку яркого света керосиновой лампы-восьмилинейки, и принялся пускать в потолок плотные облачка папиросного дыма.

Глава вторая

Не было ничего. Только черная тьма и тишина.

— Я жив или нет? — подумал Ненашев. — Наверное, жив, если думаю. Почему мне так страшно? Где я?

Он лежал на чем-то твердом, похоже, на полу. Осторожно провел ладонью рядом с собой, точно доски. И к тому же грязные. Чуть пошевелился — отозвалась тягучей стылой болью онемевшая от долгой неподвижности спина. Попробовал поднять голову, и боль, еще более острая, пронзила и ее. Игорь предусмотрительно удержал в груди стон, стал вглядываться в темноту, и она понемногу начала отступать, разреживаться. Он скосил в сторону левый глаз и увидел почти рядом еле заметную светлую полоску. Протянул к ней руку, наткнулся пальцами на перекошенную при ударе шляпку гвоздя и как-то сразу, ничего больше не увидев и не услышав, понял, где он. Так же мгновенно вспомнил и о том, что с ним произошло.

Он лежал на полу превращенного в тюрьму дома славгородского купца Дитте-Дитина и думал, что последнее, что он видел, перед тем как потерять сознание, было белое, скованное страхом и решимостью лицо молодого человека в черном матросском бушлате. За ним еще какие-то лица, рыжая борода, его собственная, Ненашева, рука, повинуясь не воле хозяина, но вековому инстинкту самосохранения, рефлекторно поднимающая наган. Выстрел, удар, темнота.

«Я здесь, я один, — привычно принялся выстраивать логическую цепочку Игорь и тут же едва не задохнулся от заполнившей все его естество вспышки огромной всепоглощающей радости. — Я живой, правда, живой! Слава тебе, Господи, уберег, пожалел».

На лицо его, словно из разом выжатой губки, густо хлынули слезы. Он слизывал их языком, размазывал по щекам слабой рукой и повторял раз за разом только одно:

— Прости, Спаситель. Прости меня, дурака такого.

Он долго еще лежал на грязном полу и, чувствуя, как разжимает на его теле свои незримые оковы, уходит куда-то в темноту его прежний владыка страх, думал уже не о возможной смертельной опасности, которая наверняка бродила где-то неподалеку. Не о том, как ее избегнуть-превозмочь, но лишь об одном: как он, такой умный, такой проницательный и ясномыслящий, не мог понять раньше такой простой и очевидной вещи — Бог есть.

* * *

Над головой Ненашева глухо ударили в пол каблуки сапог, и тело Игоря вновь сковало страхом.

«Вот и все, — мелькнуло в голове. — И порадоваться не успел хорошенько. Так и помру без света белого».

Гнусаво заскрипели дверные петли, тонкая полоска света на полу поползла вширь. Накрыла его ногу, плечо, замерла у щеки. Сквозь узенькую щелку между полузакрытых век Ненашев сумел различить на серой простыне дверного проема лишь черные столбы грузных, будто слоновьих, ног.

- Ну шо там, Мишка? послышался густой, немолодой уже голос. Есть чего потребного?
- Та ни, Прохор Спиридонович. Мертвяк убитый, похоже, охвицер, а бильш, навроди, ничого. Так тюрьма, чого ж тут потребного буде?
- Коль мертвяк, пишлы видселя, потоньшал голос Прохора Спиридоновича. Я покойников с мальства боюся, аж

в животе заурчало. Що встав торчком, як у молодого в субботу? Пишлы, кажу.

Черные столбы качнулись, выплыли из зрачков. Вновь мерно застучали сапоги, наступила тишина.

«Нужно вставать, — вяло подумал Игорь. — Укрыться нужно, пока кто-нибудь с нервишками покрепче не появился. Ну же, Игорь Вениаминович, не будьте тряпкой. На счет три. Раз... Два...Три...»

Он рывком перевернулся на бок и едва сумел подавить плеснувшийся из груди крик. Разрывом гранаты осыпала черепную коробку резкая, едва не лишившая его сознания боль. Ненашев замычал, а затем и зарычал глухо, сквозь зубы, стараясь себя не выдать...

Когда боль немного смягчилась и стала почти привычной и терпимой, он медленно и осторожно перевернулся на живот. Полежал так немного. Затем твердо вдавил в пол ладони, оперся на них и, потихоньку сгибая ноги в коленях, встал на четвереньки. И тут же едва не задохнулся в жестоком приступе рвоты.

Кто-то невидимый и безжалостный, просунув руку в его горло, тянул и все никак не мог вытянуть наружу желудок Ненашева, будто выворачивая его наизнанку. Игорь вновь упал на бок, заскулил по-заячьи и почти тут же почувствовал, что ему стало легче. Он полежал так еще немного и уже без особого труда поднялся на ноги. Отер ладонью покрывшееся испариной лицо, сделал шаг, другой, оперся рукой о стену и, шаркая подошвами по доскам пола, пошел в глубину подвала вдоль открытых настежь дверей камер. Куда идти, он знал.

* * *

За несколько дней до этого Жадов показал ему в дальнем, неосвещаемом углу едва приметную, такую же серую и затертую, как и шершавая стена подвала, дверь. Она практически сливалась со стеной и открывалась поворотом утопленного в ней кольца.

— Ух ты! — по-детски восхитился тогда Игорь. — А за ней, Жадов, подземный ход, наверное, по какому наш Дитте-Дитин

на тайные встречи со своей возлюбленной ходил. Как ты думаешь?

- Да к какой там возлюбленной, с едва заметной усмешкой пробасил стражник. Тоже придумаете, господин подпоручик. Тут не в полюбовнице дело. У него на другой стороне площади тоже магазин был. Это вот в него ход и есть, я уж поглядел. Там тоже дверь имеется, только она наглухо заколочена. Я до тюремной службы в Павлодаре у купца одного в работниках был, доверием пользовался. В трактиры с ним богатые хаживал, когда Ермолай Иванович в запое бывали-с. Нос примять огольцу какому, коль хозяина обидеть вздумает, их домой доставить, коль сами уж не смогут. Силенка-то, слава богу, имеется. Так что штуку такую видел уже. Потому и эту дверку нашел, и колечко потайное. У нашего хозяина, считай, так же все устроено было.
- А зачем такая секретность? недоуменно пожал плечами подпоручик. К чему эти тайны пещеры Лихтвейса?
- Про пещеру ту не знаю, не слыхал, а тут дело простое, опять едва заметно усмехнулся Жадов. Товар, какой подороже, а то незаконный, хранить можно. Опять же, хозяину неприметно можно из одной лавки в другую пройти, приказчикам сюрприз внушение сделать, чтоб не спали при деле, или на предмет еще чего непотребного проверить. За нашим народом завсегда глаз требуется, и он завсегда знать должен, что под присмотром. А у каждого человека, стоящего в жизни, место тайное должно иметься. Кто ее знает, жизнь ту, вздохнул при этих словах стражник. Вдруг да прятаться от нее потребуется. Неужто про то по нынешнему времени не думали, ваше благородие?..

Теперь вздохнул Игорь, и стражник осторожно-доверительно коснулся рукой его плеча.

— Я там, Игорь Вениаминович, на случай мешочек оставил — сухари, махорочка, сахарок, казенки немного. Ну и еще кой-чего. Пусть лежит, есть не просит. Я вам как своему, потому как по нынешним временам довериться нельзя никому, пакость стал народ. А вы из благородных, порядочность в себе имеете. Нам с вами, случай чего, друг за дружку держаться

надо, поскольку мужик тут шибко неспокойный. Верно говорю...

* * *

Но не о махорочке и даже не о водке-казенке думал теперь Игорь Ненашев. Все его естество требовало сейчас только одного — воды! Он на ощупь отыскал потайную дверь, сделал в мазутно-черной вязкой темноте два неровных шага и, покачнувшись от слабости, ударился плечом обо что-то твердое и угловатое, ответившее на его удар мелодичным звоном бутылочного стекла.

Воды не было. Было шампанское. Ящик.

Наждачно-шершавое горло властно требовало влаги, но открыть в темноте ослабевшими руками бутылку Игорю удалось не сразу. А когда он все же сумел это сделать, почти половина содержимого драгоценного сосуда с веселым шипением выплеснулась на его мундир, вновь заставив Ненашева глухо зарычать.

Чувствуя, как ударяют в нос, перехватывают дыхание пузырьки газа, он в три приема выпил оставшуюся в бутылке сладковатую, прохладную влагу. Заставил себя наглухо закрыть дверь, сел, привалившись спиной к стене, и вновь впал в забытье.

* * *

Полусон сменялся полуявью, и тогда Ненашев, с трудом встав, извлекал из ящика очередную бутылку и, выпив половину ее содержимого, вновь принимался думать о том, что происходит сейчас вокруг него и с ним самим. О том хаосе и ужасе, что охватил его родину, ту самую Россию, о которой он — будучи студентом — не раз отзывался насмешливо и пренебрежительно, а потом добровольцем пошел защищать. Медленно рассасывалась — уходила боль, и Игорь отчего-то — кто же хозяин своим мыслям — вновь и вновь вспоминал историю своего родного города, ставшего одним из краеугольных камней в истории создания Руси.

Сколько же раз с тяжко памятного 1238 года подвергался Владимир жестоким и разорительным набегам татар, которым частенько помогали в этом соседи — нижегородцы. В страш-

ное, вытаптывавшее тела и души время первой великой смуты в 1609 году владимирцы восстали против ставленника Лжедмитрия Второго воеводы Вельяминова, закидав его камнями. В 1614 году окрестности города разорили поляки...

Здесь, на улице Большой Нижегородской, он родился и рос, долго не зная ни забот, ни лишений, и если и омрачали жизнь порой мальчишеские обиды, то проходили они так же быстро, как и появлялись. Сторонним людям могло показаться, что в семье чиновника городской управы Вениамина Сергеевича Ненашева к детям относились строго, и во многом это так и было, но и сам вечно занятый делами Вениамин Сергеевич, и ведущая домашнее хозяйство Надежда Прокопьевна своего сына и дочь не просто любили, но и уважали.

— Игорек, — не раз говорила ему родившаяся в простой, хоть и зажиточной крестьянской семье мама. — Не считай ты никого дурнее себя, относись к людям с уважением. У всякого поучиться можно, и у профессора какого, и у мужика.

Обычно молчаливый отец, случалось, становился замечательным рассказчиком, а главное, был человеком думающим, способным оценивать окружающую действительность самостоятельно. Притом он практически никогда не терял чувство юмора и частенько вспоминал полюбившееся ему выражение Мишеля Монтеня о том, что человек рождается для счастья, а значит, должен быть счастливым. Став настоящим другом его отцу, знаменитый француз вскоре легко «записался» в друзья и к самому Игорю Ненашеву.

Скорчившись в углу темного подвала купца Дитина, вспоминал он и почитаемого им в университете древнегреческого мыслителя Перрона с его призывом к своим ученикам не только уклоняться от участия в событиях, но и воздерживаться от суждений, поскольку нет никогда уверенности в достоверности истины.

«Вот бы его сюда сейчас, этого Перрона, — с кислой улыбкой подумал Ненашев. — Показали бы ему мужички, как уклоняться. За тогу да на солнышко…»

Вместе с Перроном вспомнился родной московский университет, историко- филологический факультет, насупленный

взгляд декана Аполлона Аполлоновича Грушка, ораторскому искусству которого Игорь откровенно завидовал, горячие обсуждения трудов Плавта, Катулла и Тибулла. Август 14-го, когда одним из первых ушел добровольцем на германскую войну хорошо ему знакомый студент Сережа Шмелев, сын знаменитого писателя Ивана Шмелева. И таких было много. Вскоре одним из них стал и Игорь Ненашев. Три месяца в Алексеевском училище, ставшие последними в его прежней, навсегда теперь ушедшей жизни, погоны прапорщика, война, революция.

И опять Монтень с его словами о том, что жертвы и ужасы, совершаемые для улучшения общества, приносят всегда настолько мизерные результаты, что лучше уж отказаться вовсе от этих результатов, чем платить за них столь огромную цену. В точности этих слов Игорь ручаться не мог, но смысл их в темном сыром подвале ощущал теперь с предельной ясностью, вновь и вновь вызывающей жестокие приступы головной боли.

Порой Ненашев и вовсе терял ощущение реальности происходящего. Ему вдруг явственно виделось, что он идет по своей Большой Нижегородской улице, слышит щебетанье майских птиц, тарахтенье извозчичьих пролеток, густой шаляпинский бас из выставленной в открытое окно граммофонной трубы...

Ему двенадцать лет, в руке у него свежая, лишь немного объеденная французская булка, на голове натирающая околышем кожу на лбу новенькая гимназическая фуражка. Вообще-то, гимназисту не полагается гулять с французской булкой в руке, но что поделаешь с тем, что нигде более не бывает она так вкусна, как припорошенная пылью в майский день на Большой Нижегородской...

Вот показалась из-за густой уже зелени высоких деревьев тяжелая стена Владимирского централа. Взметнула ввысь стрелу трехьярусной колокольни приземистая Князь-Владимирская церковь, поставленная, по преданию, на месте священной рощи в бывшей Яриловой долине, где в дохристианские времена был идол языческого божества и отмечали свои торжества веселые и жестокие славяне. Вот и основанное после эпидемии чумы Князь-Владимирское кладбище, а за ним заросший тальником берег реки Лыбедь, такой же красивой, как и ее название.

«Хотя Клязьма красивее, конечно, — привычно подумал Игорь. — Хотел бы я увидеть реку красивее Клязьмы. Как же давно я ее не видел и увижу ли теперь... Там большевики... Там мама...»

Белели в затуманенном сумеречном сознании стены древних, у истоков России воздвигнутых храмов, вырастали из тумана Золотые ворота, под которыми проходили, возвращаясь домой из походов, княжеские дружины, круглились останки крепостных валов, воздвигнутых русскими людьми еще в двеналиатом веке...

Проступали в вязкой темноте тосканский ордер колонн и высокое многоступенчатое крыльцо гимназии, прозванные шалопаевскими городские торговые ряды, где среди галантерейных лавочек, мехов, мануфактуры, шелков и обуви скромно приютился магазин учебных пособий Паркова.

Там, в рядах между колоннами, прятался он с приятелямигимназистами от дождя, наблюдал в ясный день, как слоняются по «шалопаевке» разные бездельники и гульливая молодежь, а в праздники чинно прогуливаются именитые горожане.

Там, над главными, прозванными почему-то «бабьими» воротами, за тугой дверью и высокой каменной лестницей, в полумраке двух небольших комнаток публичной городской библиотеки, за двадцать копеек в месяц открывал он для себя огромный, чудесный и чудовищный мир...

* * *

Так прошло три дня и три ночи, о чем Ненашев не знал, поскольку полностью потерял представление о времени, чувствуя иногда, что ему, в общем-то, все равно — сколько его прошло и сколько осталось. А испытав такое чувство, всякий раз, когда со страхом, а когда и вполне равнодушно, спрашивал себя, не сходит ли он с ума. Ответа на этот вопрос он не знал, и, как ни странно, это его не особенно и огорчало...

«А ведь и точно я в гробу этом с ума сойду, — подумал он вдруг с абсолютно ясным сознанием и мгновенно порожденным им страхом в очередной момент пробуждения. — Нет, шалишь. Это у нас пока не запланировано».

Вместе с ясностью мышления к Ненашеву пришло и острое чувство голода, и Игорь решил незамедлительно действовать. Он неожиданно легко для себя встал на ноги, хотел было даже фуражку на голове поправить, но таковой на положенном ей месте не оказалось. «Так, спокойно, идем по порядку, — стал рассуждать дальше Ненашев. — Первое что? Свет. Свет — это спички. Спички...»

Стараясь не спешить и не суетиться, он опустил руку в карман галифе. Спичек там не было. Не было их и в другом кармане форменных брюк... Неужели остались на столе в дежурной комнате? От жалости к самому себе на глазах офицера вновь выступили слезы. Он несколько раз глубоко вздохнул, попросил про себя «Помоги, Господи», и тут же скользнувшие в карман френча пальцы наткнулись на картон коробка...

На широкой, успевшей прихватиться белой плесенью деревянной полке блеснул, согревая душу, стеклянный колпак керосиновой лампы. Нашлись и сухари, и сало, и махорочка. Бутылку водки Игорь решил пока не трогать. Соблазн был велик, но страх еще больше. Не раз видел Ненашев на германской войне, как, лишая способности здраво мыслить, губила она даже сильных. А он был слаб...

Тогда подпоручик откупорил очередную бутылку шампанского, отметив, что в ящике их теперь осталось только три из двенадцати, и стал думать о предстоящей вылазке, без которой было уже не обойтись. Требовалось выяснить, что же происходит на белом свете, а для начала хотя бы на площади перед особняком-тюрьмой, и, конечно, найти воду. Главный вопрос состоял в том, что там, наверху — день или ночь, поскольку от этого напрямую зависело, что принесет это путешествие подпоручику — жизнь или смерть.

* * *

Был поздний осенний вечер. Уже почти стемнело и продолжало быстро темнеть, но Игорю еще хватило времени, чтобы рассмотреть пустынную, изрядно запакощенную площадь.

Крепко утоптанная земля была усеяна изорванными, обгоревшими листками бумаги из валявшихся здесь же папок, оче-

видно, принесенных на площадь из судебного присутствия, канцелярии воинского начальника и родственных им мест. Виднелись пепелища костров, разбитые ящики, тряпичное рванье, пустые бутылки. Где-то за домами, не особенно далеко от тюрьмы, раздались два выстрела, и тут же лежавшему на полу у щели входной двери Ненашеву свело судорогой левую ногу. Но вновь наступила тишина, выстрелов больше не было, и он понемногу успокоился, решив, однако, дальнюю вылазку в город пока отложить. Но вот воду требовалось найти обязательно...

Еще в подвале Игорь припомнил, что с левой стороны здания под дождевой трубой должна стоять большая бочка, и теперь при мысли о том, что она может оказаться пустой, он судорожно сжимал пальцами липкие горлышки бутылок из-под шампанского.

Бочка оказалась почти полной. Игорь вдоволь напился, наполнил водой обе бутылки, довольно улыбнувшись, уселся на землю. Широко разбросав в стороны ноги, привалился спиной к бочке и услышал густое, монотонное жужжание. Тут же в нос ему ударил тошнотворный трупный запах, знакомый Ненашеву еще с жаркого лета 16-го года. Он осторожно осмотрелся по сторонам и в нескольких шагах от себя различил у стены белеющее в темноте большое бесформенное пятно.

Сам не зная зачем, Игорь опустился на четвереньки, по-медвежьи переваливаясь, осторожно потащился в ту сторону. Над головой плотным комком закружились мухи, шею Ненашева свело брезгливой судорогой, но он не остановился. Закрыв нижнюю часть лица платком, наклонился низко над раздетым до нижнего белья телом, вгляделся в распухшее, как огромный капустный кочан, лицо и по вислым запорожским усам узнал Жадова. Стражник лежал на спине, одна рука на груди, другая откинута в сторону. Неподалеку от него белели нижними рубахами еще два трупа...

«Не успел ты в местечко потайное, Варфоломеич», — только и подумал Игорь, замычал протяжно от резанувших живот рвотных спазм, обдирая о камни ладони, торопливо пополз обратно в ставшую для него уже почти домом тюрьму.

* * *

Он дремал в стылой тишине подвала, когда наверху, пробиваясь сквозь землю и камень, раздались звуки ружейной стрельбы. Затем еле слышно, словно кузнечик в траве, застрекотал «максим».

«Пришли наконец, лентяи, — почти равнодушно подумал Ненашев. — Пора воскресать...»

* * *

Игорь шел по улице, явственно чувствуя, что возможность сойти с ума становится все более реальной. Как это бывает с другими, Ненашев видел на германской войне не один раз и воспоминаний этих попросту боялся.

- Что вы смотрите на меня, как солдат на вошь? недружелюбно поинтересовался у него плечистый офицер в штабе прибывшего из Омска карательного отряда атамана Анненкова. Кто вы такой?
- Подпоручик Ненашев из Славгородского гарнизона. Трудно понять?
- Да не просто, усмехнулся офицер. Вы бы на себя в зеркало взглянули, тоже бы засомневались. Вид у вас, господин подпоручик, попросту свинский. Любого товарища за пояс заткнете. Синячище под глазом, на голове колотун, будто киселем ее полили... Погодите, перестал ухмыляться он. Вы что же, ранены? Чем это вас?
- Это не важно. Ненашев машинально провел рукой по спаявшимся в комок волосами и, сдерживая появившиеся у него еще на улице рвотные позывы, хрипло спросил: Что это? Что происходит?
- Где и когда? вновь насмешливо поинтересовался анненковец, поправив театральным жестом взъерошенные черные усы. Потрудитесь говорить яснее. Вы пьяны, что ли, в самом деле?
- Не так, как хотелось бы, скривился Ненашев. Вы мне ответьте, что происходит? На улицах трупы обывателей, идет грабеж. У больницы я видел гору изрубленных тел. Куда-то на окраину толпами гонят других, а там работает пулемет.

Это чудовищно. Ведь это обычные обыватели, мужики и горожане.

— Обычные? — недобро ощерился офицер. — Пострадали от смутьянов и сами же их защищаете. Из студентов, что ли?

Игорь молчал, изо всех сил стараясь справиться с приступом слабости.

- А вы знаете, что тут вытворяли еще несколько дней назад эти ваши обычные? встав из-за стола, возвысил голос черноусый. Что с такими, как вы и я, офицерами делали? Собрали банду в тысячу человек, захватили город, перебили десятки людей это, по-вашему, обычные?
- И все равно это не дает права... Ненашев побледнел, на лбу его выступили крупные капли холодного пота, мелко задрожала нога. Они не ведали, что... Они... Это мы все... Я... Вы... Если...
- Хватит вам бабиться, подпоручик, брезгливо поморщился анненковец. Возьмите себя в руки. Вы же офицер, а не гимназистка.

Он едва не кричал, но Ненашев его почти не слышал. Грозный голос казачьего офицера уплывал куда-то в стену, становился тихим, беззлобным и безвредным...

— Эй, кто там? — расслышал он напоследок. — Кузьмичев, Спиридонов! Давай сюда, в лазарет его надо.

Глава третья

После того, что он увидел, выбравшись на белый свет из темноты купеческого подвала, Игорь Ненашев, по образному русскому выражению, потерял себя. Осмотревший его в омском госпитале врач поставил простой и обыденный по тем временам диагноз — ярко выраженная психическая истощенность, ослабление воли.

— Если верить господину Фрейду, мы сейчас наблюдаем типичный прорыв гипотетического защитного покрова, — почти весело сказал он другому человеку в белом халате, заставив

того уважительно взглянуть на своего коллегу. — Пусть пока побудет у нас, скажем, недельки две. Уход, покой, питание, а там посмотрим...

Ненашев пробыл в госпитале больше двух месяцев, но видимых следов выздоровления так и не появилось. Да, собственно, и лечения почти никакого не было, так же как и времени у врачей для этого пациента. Раны душевные стали для них чем-то вроде насморка, кто только их не имел тогда, потому и воспринимались обыденно. Штык, шрапнель, пуля — другое дело: их следы были видны явственно, их можно было хотя бы попробовать залечить. А вот душа...

Получив длительный отпуск по болезни, Игорь всю дорогу до Томска провел в уже привычном для него оцепенении. Неразличимо-одинаковыми казались люди. Одинаково пустыми, словно монотонное гудение, были их слова. Не ласкали, не кололи, не радовали и не обижали взгляды, словно их и вовсе не было.

В Томске жил сослуживец Игоря Николай Колокольников. Они крепко сблизились в окопах германской войны, поскольку были в офицерской среде сродни белым воронам. Оба из студентов, и тот и другой водку пили мало, карточной игрой не интересовались, сестрам милосердным после пяти минут знакомства юбки задирать не спешили. Чудаки да и только, если того не хуже. Всего на полтора фронтовых месяца свела их вместе судьба, а вспоминал этого человека Игорь Ненашев едва ли не каждый день. Родственная была душа, как ее забудешь...

Еще летом 16-го Колокольников был тяжело контужен взрывом мортирного снаряда и отправлен в госпиталь, откуда в часть уже не вернулся. Комиссовали. Потом он писал Игорю из Томска, предчувствуя большую беду, предлагал приезжать к нему, если что...

И вот теперь стылым, первоснежным ноябрьским днем Игорь Ненашев стоял на выложенном в елочку кирпичном тротуаре перед солидным двухэтажным домом с двумя калитками по углам забора. Нижний этаж здания был выложен фигурным кирпичом — особой купеческой кладкой, верхний радовал глаз еще не почерневшими от времени аккуратными овалами — одно под одно — кедровых бревен.

Игорь поставил на тротуар небольшой походный чемоданчик, верно служивший ему еще с 15-го года, поправил ремень на шинели и, вновь подхватив свою небогатую поклажу, наудачу толкнул рукой створку правой калитки. В конце по-осеннему унылой алейки обнаружилось высокое крыльцо, массивная дверь, а на ней такое же массивное, украшенное тяжелой львиной головой бронзовое кольцо. Увидев на двери табличку с надписью «Владимир Семенович Колокольников. Профессор», подпоручик облегченно вздохнул, взялся свободной рукой за кольцо.

Почти сразу же за дверью раздались быстрые шаги, в открывшемся проеме появилась невысокая девушка с простым, но милым крестьянским лицом. Даже положенные в лубочных рассказах конопушки, и те на нем имелись, правда, в меру, ровно столько, сколько нужно. Поверх длинного темно- синего шерстяного платья, с такими же длинными рукавами, на ней была парчовая кофта без воротника, но все это одеяние не скрывало крепкой и статной фигурки.

Она мгновенно заметила привычно оценивающий мужской взгляд, лицо ее слегка порозовело, но голос прозвучал без обычного для прислуги жеманства.

- Вы к Владимиру Семеновичу? Как вас представить?
- Я, вообще-то, к Николаю Владимировичу, прапорщику Колокольникову...
- Коленьки нет, ответил ему появившийся из глубины прихожей пожилой мужчина в толстой оправы очках.

Судя по обвисшей под подбородком сероватого цвета коже, был он когда-то круглолицым и, вероятно, улыбчивым. Теперь же никакой улыбки на его лице не наблюдалось, голос звучал тихо и вяло.

- Он здесь не живет, уехал? поднимая с крыльца чемоданчик и собираясь вновь идти, теперь уже неизвестно куда, скорее из врожденной вежливости, чем по необходимости, спросил Ненашев.
  - Он умер. Тиф. Полгода уже как нет Коли.
- Простите. Игорь механическим движением поправил козырек фуражки. Простите за беспокойство.

- Подождите, остановил его тихий голос. Скажите, вы подпоручик Ненашев, Игорь Вениаминович?
  - Да, удивленно подтвердил подпоручик. А вы...
- Николай много писал о вас с войны и потом по приезду рассказывал, пристально вглядываясь в лицо Игоря, сказал мужчина. Знали бы вы, как я рад вас видеть. Заходите же, этот дом ваш. Я верил, что вы придете когда-нибудь... Позвольте я вас обниму. Мне о вас... Как вы... Вы не поверите, но я к вам как к сыну... Простите уж за сентиментальность. Он отвел в сторону взгляд, быстро провел ладонью по глазам. Рохля стал совсем, как Коли не стало, а потом и матушки его. А был-то... Студенты иные прямо в глаза смотреть не решались. До смешного, право... Да вы проходите в дом, что ж это мы, чуть ли не на порог, спохватился профессор. Прошу, прошу.

Игорь молча кивнул. Чувствуя, как подкатывает к горлу тугой комок, двинул несколько раз кадыком, пытаясь его проглотить. Но в занятии этом не преуспел.

- Не отпущу я вас никуда, сказал Владимир Семенович, внимательно прослушав невнятно-сбивчивый рассказ Ненашева. Намереваясь возразить, Игорь взглянул ему в глаза и сразу понял, почему это не решались делать иные студенты.
- Вам не приходилось бывать раньше в Томске, Игорь? Вы позволите мне вас так называть? смущенно поправив на голове растрепанные, плохо постриженные волосы, поинтересовался старший Колокольников.
- Хорошо, называйте, согласился Ненашев. Меня уж давненько никто так не называл. А в Томске нет, не был, хотя по Сибири странствую уже больше года. В Славгороде был, есть на Алтае такой степной городок, в Омске в госпитале, а здесь впервые.
- Хороший город, убежденно сказал Колокольников. Сибиряки утверждают, что не хуже самого Санкт-Петербурга, ныне Петрограда. Мы его называем Сибирские Афины. Университет, Технологический институт, Бактериологический институт, Общество любителей художеств, улицы много где мощеные вам, коль нашей прошлой грязи не видели, и не понять,

как это нам, томичам, дорого. Водопровод уже не в диковинку, на Почтамтской улице фонари электрические, правда, сейчас горят редко, — с видимой гордостью перечислял достижения родного города профессор. — Думали и трамвай пустить, да война помешала. Дамбу какую-никакую пленные австрияки с мадьярами соорудили, а то ведь сколько лет при наводнении вода до самого центра добиралась.

Народ здесь живет самый разнообразный. Рабочие в основном на железной дороге да мелких заводах, а так больше мещане, есть у кого дело свое — трактир, извоз, а больше без всякого дела, перебиваются кое-как. Сегодня человек рыбу ловит, завтра огород копает, через неделю сапоги шьет... Я, слава богу, своего привычного занятия не лишился, достаток кое-какой есть, хотя против прежнего, конечно...

- Вы не волнуйтесь, я вам обузой не стану, перебил его Игорь. Поживу несколько, кое-какие средства у меня есть, а потом
- О чем вы говорите, Игорь? грустно сказал профессор. Поймите наконец, вы мне как сын, и послушайте меня еще немного, не перебивайте. Уж позвольте мне выговориться, я этой возможности давно ждал. Это, может быть, и выглядит странным, что я сразу к вам так, но ведь время какое, топчет душу и извинения не просит. Вчера можно было с реверансами жить, сегодня им не место, времени на них нет, что, может быть, и хорошо.

Потянулось сердце к человеку и все — радуйся, что так, береги его, а не считай-высчитывай, зачем оно, почему, по какой причине да какая тебе польза или убыток от того будет.

Я вам сейчас то, что мною не просто думано-передумано, а болью душевной, чудовищной болью выстрадано, говорю, вы уж мне поверьте, очень прошу. А что я вам, не подумав, про доход сказал, на то внимания не обращайте. Долгими годами, трудами большими приходилось доход этот наживать, вот и пробьется, бывает, тоска по уюту, достатку, спокойствию.

Студентом был, лаборантом подрабатывал, хранителем кабинета за сущие копейки. Приват-доцентом когда был, штатного содержания вовсе мне не полагалось, только за лекции

да практические занятия. Ну а потом пошло. Экстраординарным профессором три тысячи рублей в год получал, ординарным — четыре с половиной. По сравнению с российскими коллегами нам, сибирякам, полуторное содержание полагалось.

Да, кроме того, еще и подрабатывать можно было, кто совсем уж до денег охоч — иди в гимназию, там уроки давай... До смешного доходило. Помню, ректор наш, человек состоятельный и бессемейный, Судаков Александр Иванович, ординарный профессор по кафедре гигиены, держал в одном из университетских подвалов курятник, видать, чтоб на птицу не тратиться. Как губернские чиновники, профессора жили, право слово, — всплеснул руками Колокольников. — И все мало казалось нам, дуракам, — гораздо тише добавил он. — Что мне те деньги, квартира та, если ни Коли, ни Маши... А вы говорите...

- Простите, Владимир Семенович, тихо попросил после паузы Игорь. Поймите, для меня это все так неожиданно, я поверить боюсь, не могу себя убедить, что так быть может, как вот вы со мной. Знаете сколько я скотства повидал, одно отчаяние на душе. Как же тут...
- Знаете что? поднялся с кресла профессор. Чего это мы с вами в прихожей сидим? Она у нас, конечно, просторная, но все же пойдемте лучше в дом. Я вам наши апартаменты покажу, комнату Колину, она вашей теперь будет, а Наталья Васильевна нам пока чай приготовит. Мы ее сейчас попросим.
- Я его уж приготовила... сообщила, появляясь в дверях, уже знакомая Ненашеву девушка. Толстую кофту заменил цветастый фартук, волосы гладко зачесаны в красивую косу, в маленьких розовых ушах такие же маленькие позолоченные сережки с искусственными камушками, которых Ненашев мог в этом поклясться, когда она открывала дверь, не было. Неужто стала бы дожидаться, пока вы попросите. Вы уж человека, пока своими разговорами не замучаете, и к столу не допустите, а он с дороги. Вот вы профессор, а такого дела простого не понимаете.
- Сдаюсь, сдаюсь, поднял вверх руки профессор. Логика бесспорная, потому побежден, повержен. Еще несколько

минут, и мы с Игорем Вениаминовичем в вашем, Наталья Васильевна, распоряжении.

Жил неплохо, ординаторский профессор все-таки, фигура какая-никакая, — не умолкал Колокольников, проводя Игоря по анфиладе просторных, уставленных красивой дорогой мебелью комнат. — Вот даже пол паркетный сообразил — не абы как. Кресла вольтеровские завели, пианино... Да-а... Знать бы тогда...

Ненашев задержал взгляд на ярких, словно цветущий луг, обоях. Профессор, заметив это, тихо пояснил:

— Марье Николаевне нравилось, чтобы ярко было. Зима на дворе, а в доме тепло, цветы на стене, будто на лугу — вроде бы и лето.

Фарфоровые статуэтки, вазочки, вышивки, изящный столик с большим овальным зеркалом, а на нем столь милые дамским сердцам коробочки, баночки и флакончики, предназначенные для того, чтобы делать красивее тех, кого уже не было в этом доме, но все еще казалось, что они должны в него вернуться... Рядом с зеркалом на разноцветье обоев белела зимним пейзажем небольшая картина. Снег, сани, улыбающиеся лица крестьянских девушек.

— Алексей Степанов, — сказал из-за спины Ненашева хозяин дома. — Малоизвестный, но очень хороший художник. В Москве на выставке в девятом году приобрел. — Затем, будто поперхнувшись, закашлялся мелко, вытер платком выступившие на глазах слезы. — Маше очень понравилось, — словно извиняясь, пояснил он. — Вот я и купил. Женился я поздно, не считал возможным без хорошего достатка. По той же причине и ребенок у нас был один — Коля. Они полгода назад одним махом. — Профессор придержал Ненашева за рукав. — Позвольте я присяду ненадолго, слабость в ногах какая-то.

Он медленно опустился в кресло, Игорь присел рядом на венский стул.

— Вот я и говорю, все трое разом и все на моих глазах. Нас тогда всю семью какой-то особо страшный сыпняк свалил, — сказал, справившись наконец с нахлынувшим на него волнением, профессор. — Поначалу, когда вспоминал об этом, сразу

слезы, теперь вот спокойнее стал, зачерствел, видать, как ржаной сухарь. Коля первый ушел, видимо, после тяжелого ранения и контузии слаб был, тиф с ним быстро справился. Потом Машина сестра Ирина. Она к нам с Наташей, та у нее в прислугах была и оставлять Ирину не захотела, из Перми от голода и большевиков убежали, — пояснил профессор. — Так вот потом Ирина, а потом и Маша... Наталья самая крепкая оказалась, взяла свое крестьянская порода. И сама поднялась, и меня, пожалуй, что с того света вытащила. Большевикам-то все одно было, вся профессорская семья подохнет иль останется кто...

Профессор помолчал немного, затем решительно, хоть и тяжело, поднялся с кресла.

— Пойдемте, в самом деле, чай пить, а то меня Наталья Васильевна минуток через пять вовсе начнет поедом есть. Строга уж больно, но хозяйка отменная. А главное, редкой души и самоотверженности человек. Верите нет, был бы жив Коленька, с большой радостью бы его с ней обвенчал, коль согласился бы. А коль не согласился бы, дураком бы назвал. Простая крестьянская девушка, а какая деликатность, какая сила... И дворянам многим такая не снилась.

* * *

- Лучше всего, Игорь Вениаминович, пить чай с медом, сахар портит и вкус, и цвет этого напитка, безапелляционно заявил Колокольников, усаживаясь за покрытый свежей скатертью стол в просторной столовой. И лучший мед алтайский. Его и с чаем хорошо, и с хлебушком, а приятнее всего со свежим огурчиком. Верите нет, Игорь Вениаминович, не было для меня большего лакомства. Пробовали когда-нибудь алтайский мел?
  - Случалось, усмехнулся Ненашев.
- Ну, тогда вы меня понимаете. Знатная штука мед. Его хоть в кашу добавить или горошницу, кисель сдобрить, с ягодами мочеными все хорошо будет. А в сотах его если... В хороший год он меньше сахара стоил, хоть господину, хоть простолюдину любому доступен был. Но поскольку социальная революция, то, как в «Бесприданнице» господина Островского —

не доставайся ж ты никому! А мяса сколько ели, вам в России и не представить. Вы ведь из Владимира, Коля так писал?

Игорь кивнул. Он уже очень давно, вероятно, с тех самых пор, как ушел из родного дома на германскую войну, не чувствовал себя таким умиротворенным. Охваченный дремотной истомой, он вполуха слушал голос профессора, время от времени то в такт, то не очень кивая его рассуждениям.

— Взять хотя бы котлеты — можно из рубленого мяса, можно отбивные, — откинувшись на стуле, не говорил, но декламировал профессор, по всему видать, немалый любитель вкусно и со знанием дела поесть. — А к ним картофельное пюре, маринованную тыкву или дикие яблочки. Если зима, в фарш можно и снега немножко добавить — для сочности. А печеночный паштет, а! На праздники бефстроганов, бифштексы, антрекоты, фаршированную курицу или поросенка. Про пельмени и говорить не буду, эта вещь требует особой беседы и без графинчика водочки попросту невозможна. А знаете ли вы, господин россиянин, что такое провесная говядина?

Ненашев тряхнул головой, прогоняя сон и показывая одновременно, что о такой замечательной вещи он и не слышал никогда.

— То — то... Готовят ее таким образом. В январские морозы вешают на подставки, устроенные на кровле дома, куски говядины, слегка посоленной. Там они висят до Пасхи, пока морозом и ветром мясо не высушит, не придаст ему особенный вкус. Провесную говядину брали с собой в дорогу, подавали на закуску. Это блюдо требовало крепких зубов.

Вы знаете, ведь наш сибирский крестьянин часто питался, как дай бог чиновнику средней руки в Петербурге. Я сам всегда был любителем хорошо поесть и в этом плане белой вороной в кругу моих коллег не был. Один из них, как помню, написал, что обилие пищи, способы сибирского питания... наложили печать на организацию и характер сибиряка. В Сибири мы встречаем более, чем где-либо, людей приземистых, ширококостных, крупных размером, увесистых, которые подают все признаки упитанности. Сибиряк холоден, рассудочен, отличается отсутствием всякой сентиментальности и какой-то высокомерной

бесстрастностью и презрением к идеальному. Особенно мне нравится это «презрение к идеальному». Как по-вашему, это ныне только сибирякам свойственно или приобрело более широкую аудиторию?

Игорь лишь пожал плечами, показывая, что не считает себя в этом вопросе сведущим человеком.

- Коль вы, Владимир Семенович, про доходы заговорили да про еду хорошую, так я вам скажу, что с деньгами надо бережнее обращаться, рассудочно, как этот господин говорит, счет им вести, а вы что? — назидательно хмуря брови, сказала Наташа, выставляя на стол небольшой, вкусно пыхтевший самоварчик. — Намедни купили пальто в частной лавке за девятьсот рублей, а в кооперации вам бы точно такое в триста обошлось. Вот они, денежки, немалым вашим трудом заработанные. До утра сидите керосин жгете, а потом вот чего выдумываете. — Она повернулась к Игорю, придвинула поближе к нему вазочку с колотым сахаром и другую с такими же румяными, как она сама, мягкими даже на взгляд баранками. — Коль кооперации этой самой не было бы, Игорь Вениаминович, не понять, как бы и жили. Цены-то на все, считай, в три раза выросли, а на керосин со спичками и во все пять. Так вот и говорю, в частных лавках аршин ситца одиннадцать рублей, а в кооперации и трех не возьмут, фунт соли у мироедов этих пятнадцать рублей, а в кооперации два.
- Я тебя, Наташа, с профессором Третьяковым познакомлю, — рассмеялся профессор и довольно провел ладонью по, казалось, успевшему вновь несколько округлиться и порозоветь лицу. — Он экономист, вам с ним будет о чем поговорить. О расходах, прибавочной стоимости, составляющей доходов...
- А что составляющей? Наташа поставила опустевшую чашку на стол, принялась загибать на ладошке маленькие сильные пальцы. Я шить могу, прачкой могу, можно для приходящих обеды давать или держать нахлебников на пансионе. В кухарки или горничные, няньки могу пойти. Горничной по двадцать целковых получала, а сейчас-то, небось, побольше выйдет. Она пожала плечами. На фабрику могу пойти, конфектную или мебельную.

— Какая еще фабрика? Еще на завод кожевенный пойди в вонь, грязь, копоть, а главное, наемная сволочь хозяйская до женского тела лакомая, — возмущенно засопел профессор. — Холопы продажные бабьим голодным положением пользуются, отдаваться принуждают. Так и закрылись многие фабрики, а какие и остались, там своих рабочих не знают куда девать. Их и так у нас в Сибири по сравнению с Россией немного было, и то в основном на железной дороге, а уж теперь. Какие там фабрики...

* * *

Игорь поселился у Ненашевых. Поначалу он почти не выходил из дома. Вернувшаяся к нему по приезду в Томск обычная словоохотливость его вновь покинула. Он односложно отвечал на вопросы профессора, того меньше разговаривал с жалостливо поглядывающей на него Наташей. Получив твердый отказ взять у него деньги за жилье и питание, на своем предложении он более не настаивал. Лежал дни напролет на диване в своей комнате, то впадая в полуобморочное забытье, то пересчитывая ветки и веточки на стволе растущего прямо за окном тополя. Общим числом их было девяносто шесть.

Попробовал было взяться за чтение. Это занятие он не бросил даже в окопах германской, и в период душевной депрессии оно порой привычно-тепло опьяняло его, пожалуй, сильнее, чем иных денатурированный спирт, кокаин и даже король забытья — великий морфий. Сейчас бы он с удовольствием согласился на укол этого так и не испытанного им волшебного нектара. А ведь предлагали, уговаривали даже. Отказался, дурак.

Чеканный Пушкин, суровый Толстой, улыбчиво-печальный Чехов, даже вызывающий у него в гимназические годы безудержно-болезненный, до боли в паху, смех Лесков не помогали. А уж тем более мрачный Федор Михайлович, увесистым томом которого Ненашев едва не разбил вдребезги дорогой хозяйский светильник.

— Бесы житья не дают, — хмуро пояснил он прибежавшей на шум Наташе. — Выгнал, вон валяются.

Девушка испуганно посмотрела на него, подняв с пола книгу, прочла на обложке «Ф. М. Достоевский. «Бесы».

— Хороший каламбур? — поинтересовался заметивший это Ненашев.

Ничего не сказав, она шагнула к дивану, остановилась, уронила книгу и, закрыв рукою глаза, быстро вышла за дверь. Ненашев повернулся лицом к стене.

Потерпевших фиаско в роли утешителей Игоря Ненашева русских классиков обошел на этом пути обычный ширпотреб. Когда Игорь все же вышел на улицу и пошел по ней сам не зная куда, дорога привела его к книжному магазину Макшина. Посетителей в нем в этот час не было, и продавец, худощавый молодой человек в изрядно заношенной студенческой тужурке, откровенно скучал.

- Будьте добры, скажите, у вас магазин хороший? сам не зная зачем поинтересовался у него Ненашев.
- Лучший за Уралом, несколько обиженно ответил тот. А вас, собственно, какой товар интересует? Если скобяной, так это за углом, вы адресом ошиблись.

Не обратив внимания на колкость студента, Игорь подошел к полкам, где среди огромного скопления книг можно было увидеть канцелярские товары, ноты и даже музыкальные инструменты. Механически перелистал страницы нескольких тяжелых фолиантов и, так ничего не выбрав, вышел под презрительным взглядом продавца за дверь. Зашел в расположенную при магазине просторную библиотеку.

- Что желаете? вежливо осведомилась сухонькая пожилая женщина в строгом сером платье, пытливо заглядывая в пустые глаза подпоручика.
- А что вы могли бы посоветовать? вяло спросил Heнашев.
- Ну, я не знаю, потеряв интерес к посетителю, развела руками библиотекарь. У нас сорок тысяч томов. Определяйтесь уж сами.

Определяться поручик не стал. Вышел вновь на улицу и на первом же перекрестке купил у бойкого растрепанного мальчугана несколько пятикопеечных книжонок петербург-

ского издательства «Развлечение» по тридцать две странички каждая.

Рисунки на раскрашенных обложках: револьверы, ружья, топоры, ножи, а рядом убитые, повешенные, задушенные, замученные люди — красноречиво убеждали читателей, что они живы и не ограблены только потому, что судьба послала на грешную землю героев-сыщиков, охраняющих людей и их имущество от преступников.

— Как раз по мне, — улыбнулся он. — «Тайны Наполеона, или Государственный преступник Иосиф Вояновский», «Нат Пинкертон, король сыщиков», «Таинственные пули», «Труп золотоискателя», «Кровавый талисман», «Секта убийц». Почитаем.

Два дня он бездумно перелистывал страницу за страницей, часто не усваивая смысла прочитанного и почти тут же забывая его содержание. На третий день уже с немалой озабоченностью поглядывающий на него профессор решил пригласить в гости кое-кого из своих хороших знакомых, встреча с которыми, по его мнению, должна была хоть немного встряхнуть Игоря, вывести его из состояния ступора. Богатое застолье, беседа с умными, образованными людьми, по мнению Колокольникова, были как раз тем средством, которое могло если не вернуть к жизни, то хотя бы подтолкнуть к этому возвращению так похожего на его несчастного Колю Игоря Ненашева.

* * *

Пролетевшие над сибирским городом колючие революционные бури не изжили еще до конца один из самых распространенных видов досуга томичей — гостевание. Однако без приглашения в гости ходить было не принято. При этом нужно обязательно «отбыть очередь»: если тебя приглашали, то и ты должен был пригласить. Приглашение в гости являлось знаком расположения хозяев. Званые обеды предоставляли возможность для неформального общения, решения деловых, семейных вопросов, демонстрации благосостояния.

Профессору Колокольникову очень хотелось показать близким ему людям Игоря Ненашева, которого он, несмотря на ко-

роткий срок знакомства, оценил довольно высоко, да и просто к нему по-отечески привязался. Сказанные в душевном порыве слова о том, что он к нему относится как к сыну, на поверку оказались не пустыми. Да и очередь была профессорская — званый обед устраивать.

Первым пришел лет пятидесяти приземистый инженерпутеец в черной касторовой шинели на теплой подкладке, под которой оказалась двубортная короткая тужурка с форменными пуговицами и кантом по воротнику. Фуражку с бархатным околышем он аккуратно устроил на полку, так же неспешно и обстоятельно подтянул голенища высоких, не тронутых и капелькой мартовской грязи сапог. Обтер платочком фельдфебельские усы, подмигнул по-домашнему Наташе, прошел в гостиную.

Следующим пришел господин совсем другого типа. Длинное серое пальто. Двубортный бостоновый пиджак с тремя пуговицами, заламывающиеся на лакированных штиблетах длинные брюки, светло-серый жилет и белый галстук-самовяз, сколотый двумя золотыми заколками, придавали уже немолодому мужчине щегольский и даже несколько фатоватый вид, и принять его за завзятого ловеласа мешал только взгляд — твердый и сосредоточенный.

Спутница щеголя, хорошо ухоженная, чуть полноватая зеленоглазая женщина средних лет, не спеша развязала красивую, судя по всему, дорогую шаль. Под шалью обнаружилась меховая прямоугольная шапка, а под ней ковыльной легкостью заструившийся по покатым плечам тончайший оренбургский платок. Так же не спеша она сняла драповое демисезонное пальто, сменила фетровые ботинки на извлеченные из сумки парчовые туфельки на каблуке. Благодарно кивнув помогавшей ей Наташе, прошла в комнату.

- Роскошная женщина Ирина Сергеевна, с привычным восхищением охарактеризовал ее вышедшему в коридор Ненашеву профессор. Эх, жаль, что я однолюб. Впрочем, совсем не факт, что я мог бы ее заинтересовать, критически оценил он себя. Покровский да. а я что...
  - Кто она? поинтересовался Игорь.

- Как кто? Умница и красавица, а кроме того, весьма неплохая актриса, хоть и не столичного разлива. Сейчас без роли и вообще без места, потому бывает несколько раздражительна и капризна. Не обращайте внимания.
  - А Покровский кто?
- Это тот щеголь-господин, который только что проследовал в залу, профессор Покровский Глеб Сергеевич. Он, Наташенька, инженер-путеец Иван Калистратович Быстров вот и все мои гости, и они же все друзья- подружки на сегодняшний день. А впрочем, и во вчерашнем я мало с кем, кроме них, отношения поддерживал. Не умею я легко сходиться с людьми да и не особенно стремлюсь к этому. Знаете, наступает возраст, когда в твоем постоянном окружении должно остаться по пальцам считанное число людей. Больше туда пускать никого не желательно, ничего хорошего не выйдет. Мне в своей жизни приходилось общаться с тысячами людей, и я, признаюсь, от них попросту устал...
- А как же я? с легкой улыбкой спросил Ненашев. Я-то вам зачем?
- Незачем тут улыбаться, пристально взглянул на него профессор. Вы мне... Незачем улыбаться тут...
- Ну ладно... взял его под локоть Ненашев. Глупость сказал, простите. Пойдемте в комнату, а то гости наши нас уже заждались.
- Что говорить о профессуре или людях искусства, чиновники и служащие исповедоваться и причащаться не ходили, откинувшись на стуле, вещал слегка подвыпивший хозяин дома. Не видели, надо полагать, на себе никаких грехов. А нервический до чего народ был! Чуть что за револьвер. Студенты стрелялись, ссыльные, актеры, чиновники. На новый, 17-й год профессор технологического института Тове Лев Львович застрелился. Назначили его уполномоченным по топливу, чтобы он им Сибирь обеспечивал. А где ж тут с нашими делами обеспечишь. Вот и... Полсотни лет прожил, должен был уже человек терпению научиться, но...
- Да что там Тове, усмехнулся Покровский, аккуратно накладывая в тарелку такие же аккуратные, небольшие и кре-

пенькие соленые грибы. — Вице-губернатор Иван Владимирович Штевен пулю себе в висок пустил. Отменные грибочки у вас нынче, Владимир Семенович. Ничего не скажешь, удались.

— Это не моя заслуга, а Натальи Васильевны, ей и честь, — довольно улыбнулся Колокольников. — А что до Штевена, то о нем наша интеллигенция вряд ли особо печалилась, как-никак царский сатрап, другое дело, если б революционэр, — махнул рукой профессор. — Вот как директор технологического института Зубашов, какого в феврале шестого года из Томска в сорок восемь часов за революционную деятельность выслали, а он потом исхитрился выборным членом Государственного совета стать. Где-то он теперь?..

Да он один, что ли, за долю народную боролся, себе на шею? — болезненно поморщился Владимир Семенович. — В пятом году в нашем технологическом институте, пожалуй, все профессора свободу приветствовали, и ваш покорный слуга в том числе. Помню, до курьеза доходило. Студенты хотели было от назначенной ими забастовки отказаться, так профессора им заявили, что, коль они так сделают, они им лекций читать не будут. А один, не буду имени припоминать, так и вовсе студиозов к вооруженному восстанию призывал.

Но вообще-то, если рассуждать широко, разумный человек не должен выступать против протеста, простите за тавтологию. Потому протестуйте, господа, это ваше право и даже долг, — вновь энергично взмахнул рукой Колокольников. — Но разума не теряя и не для удовлетворения собственных амбиций, а для правды и добра, о коих вы так печетесь. А то ведь на месте одного деспотизма очень просто другой построить, вместе с водой ребенка выплеснуть. Нет, господа, истина не так легко дается.

— И все же, господа, самоубийство самоубийству рознь. — Быстров отодвинул в сторону пустую тарелку, и ее тут же забрала, поднявшись со своего места на краю стола, Наташа. — Спасибо, Наталья Васильевна, — легонько коснулся ее руки путеец. — Много хороших пельмешек случалось мне отведать, знаток в этом деле, можно сказать, но ваши всех обскачут. Одно слово, талант.

- Да что вы, Иван Калистратович, смущенно улыбнулась девушка. Какое там... Свинина еще ничего, а баранина...Телятину и вовсе не найдешь, а найдешь, так не укупишь. Я вам сейчас еще принесу, и не отказывайтесь.
- Я еще тогда, в первую революцию, прочел в наших «Губернских ведомостях» сообщение о самоубийстве полицейского урядника в Бийском уезде, расстегнул тужурку путеец. Он, знаете, поехал по вызову на кражу из лавки, обнаружил злоумышленников, стал проводить дознание, и на него напала толпа из местных подонков. Избили человека так, что пришлось в больницу отправить. Но главное ему не телесная боль, а душевная обида была. Он всю свою жизнь без страха и трепета на пользу ближнего трудился, а ближние эти ему вот как. Покончил с собой человек. В газете сообщалось, семерых детей оставил. Так-то...

Я, господа, худо верю в те учения, которые обещают обществу беспредельное счастье, но верю в необходимость для человечества развития с какой-то мерой новых благ при возможно меньшем зле, — продолжил после паузы Иван Калистратович. — Коль не идти по такому пути — значит противиться закону природы. Его следует соблюдать, так же как необходимо строго соблюдать законы человеческие, не оправдывая их нарушение никакими самыми, пардон, гуманными соображениями. А мы...

- А мы с давних времен в русской литературе говорили о народе только с придыханием, как о богоносце, чуть ли не на брюхе перед ним ползали, как перед непогрешимым Папой, раскуривая папиросу, усмехнулся Покровский. Во всех его безобразиях, лени, полузверином быте были повинны кто угодно и, конечно же, проклятый самодержавный режим, только не сам «святой» мужик. Все газетки и журналы только об этом и писали.
- А уж оправдание присяжными стрелявшей в генералгубернатора Трепова капитанской дочки Веры Засулич это чудовищная глупость и просто подлость, согласно кивнул головой Быстров. Барышни-курсистки бредили ей просто и мечтали тоже кого-нибудь укокошить. Под подушками стишок хранили:

— Грянул выстрел-отомститель, опустился божий бич, И упал градоправитель, как подстреленная дичь!

А самое главное, всем стало понятно — можно. Нынешних декабристов вешать не будут. И пошло-поехало.

- Так что же, по-вашему, Веру Засулич необходимо было повесить? возмущенно спросила актриса, едва не расплескав вино из изящно зажатого между тонкими пальцами бокала.
- Конечно же, нет, досадливо поморщился путеец. Ее необходимо было признать виновной и наказать, учитывая все смягчающие обстоятельства ее поступка, но наказать. И не порицанием, а тюремным сроком, невзирая ни на чистоту убеждений, ни свойственный юности порыв. К тому же она просто сумасшедшая. Ведь стреляла она во власть, то есть в собственное ее благополучие и защиту. Ее и ее близких, выражаясь большевистской терминологией, по классу. То есть, по сути, совершала самоубийство.

И еще. Как вы думаете, что сказал бы мужик-крестьянин, услышав о таком событии? Не знаете. А я вот думаю, что знаю. Он сказал бы: «Вот те на. Домудрили господа. Девка ихняя в генерала стреляет, а ее за то по головке гладят. Так оно и хорошо. Сами генералов изведут, нам дела меньше будет». Все ведь просто, и это уже не я, а тот самый народ-богоносец сказал: «Одного злодея оправдать — семь новых родить».

— Да ну его, вашего мужичка, — махнул рукой щеголь. — Существо практическое, а точнее сказать, продажное по всей своей сути. Он на любую власть смотрит, как на лошадь. И в России на свою, советскую, тоже. Пока полезна — поддержит, нет — и от нее отойдет в удобный момент. После Смутного времени нужны были Романовы, призвал их, в письменной грамоте клялся им в верности и за себя, и за потомков. Наступили другие условия — он отказался от них, а о клятве 1613 года даже и не слыхал. Знал присягу, но и ее порвал. А царь Николай II добровольным отречением за себя и наследника, а потом и Михаил Александрович своим отказом от короны сняли с народа и эту последнюю присягу. Мужик ваш и Церковь, коль ему нужно будет, обманет, и большевиков обведет вокруг пальца. Ни в каких странах больше такой бестии не найдешь.

- А теперь эта бестия беспортошная до власти дорвалась, с мрачной ненавистью сказала спутница Покровского. Емелька Пугачев не сумел дворянство русское, цвет нации, извести, так эти его дело продолжили, еще страшнее бунт устроили, революцию свою.
- Революции, уважаемая Ирина Сергеевна, как вы выразились, беспортошные бестии не устраивают, заметил Колокольников. У нищих и обездоленных есть забота поважнее, а именно каждодневное добывание хлеба насущного. Это дело людей вполне обеспеченных, и во многом того самого «цвета нации», о котором вы сейчас упомянули, то бишь просвещенной интеллигенции. И давайте, господа, наконец водочки выпьем. Не коньячку, а именно водочки. По-русски, знаете, под огурчик да грибочек, а? Думаю, тут-то мы будем единого мнения? Вот и хорошо.
- Вы не читали, господа, книгу Ивана Родионова «Наше преступление»?

Ненашев впервые после госпиталя выпил несколько рюмок спиртного и, приняв еще одну, почувствовал, как нескончаемо давивший на грудь невидимый «сапог» вдруг дал слабину. Его остро потянуло на разговор, как это бывало когда-то в Москве. Когда еще не было ни германской войны, ни революции, ни подвала дома купца Дитте-Дитина...

— Я ее не читал, когда она вышла, в девятом году, поскольку в нашем кругу считалось неприличным даже в руки брать такую «черносотенную» литературу, да если бы и прочел, наверное, посмеялся бы только над такой «глупостью». В госпитале перед выпиской уже прочел, и горечь была такая, будто на губах ее и сейчас чувствую, скулы сводило.

За кого мы себя почитали, как собой гордились... Солью земли русской сами себя называли, ее силой и разумом, свысока на прочих «неучей» смотрели, а сами-то и были главные неучи и глупцы. Так высоко нос задирали, что с этим задранным носом прямо в овраг кубарем и покатились. И перед народом, потерявшим всякие нравственные устои, наша вина еще более тяжка, чем его самого! — едва не сорвался на крик Ненашев. — Открылась бездна, он радостно в нее ринулся.

Вот у Родионова пьяный мужик огрел безменом по голове какого-то господина за то только, что тот был барином, а мужик в то революционное время искренно полагал, что всех господ можно и нужно безнаказанно избивать и грабить.

Полиция взялась его разыскивать, а он преспокойно ездил по деревням со всяким мелким товаром, причем в своем же уезде. Приезжал и домой, и тогда приходил к нему сельский староста и говорил: «А я тебя, Фома, по закону должен в волостное правление представить, потому как бумага пришла, чтоб, как объявишься, представить». Фома бутылку на стол, а тот бумагу в волость, что крестьянина такого-то по розыску в пределах такой-то волости не оказалось. И обоим хорошо.

В полном молчании Игорь взял со стола бутылку коньяка, налил себе до верху рюмку, жадно выпил, с трудом уняв кашель, торопливо-сбивчиво продолжил:

- Про следователя пишет, что себя персоной значимой и прогрессивной почитал и всячески старался, чтобы в их провинциальном городишке его за отсталого не сочли. Каждого преступника из простого народа старался от законной кары избавить, а коль не выходило, так хоть смягчить ее сколько можно. Поскольку вины-то мужика вроде и нет никакой, а есть только справедливое недовольство народных масс несправедливым строем, и из преступности этой, словно Феникс из пепла, восстанет новый строй, который принесет с собой все блага, какие только представить себе можно.
- Следователь этот, что ни говори, а все же литературный персонаж, образ, усмехнулся Покровский. А вот у нас в Томске в пятом году знакомые почти всем присутствующим, присяжный поверенный Преловский и частный поверенный Якушев, составили от имени своих коллег по цеху заявление о непринятии ими к защите дел полицейских чиновников, городовых, казаков и вообще лиц администрации. Причем в этом заявлении предлагалось всем присяжным поверенным прийти на помощь рабочему освободительному движению.
- Хватало таких-то, вновь вступил в разговор железнодорожник. Я ему говорю, строгость нужна, а он казни, дескать, развращают нравы. Говорю, да какого же раз-

вращения и ожесточения вы еще хотите? Ведь в деревнях, не говоря уже о взрослых, дети дуют водку, разврат среди даже подростков стал обыденным явлением, им не стыдятся, его не стесняются, а кровь льется рекой. Любой престольный праздник — всеобщая пьянка, безжалостная драка и убийства. Убьет пьяная мразь человека без всякой на то причины, исключительно для собственного развлечения, а им срок за то небольшой. А мысли-то у этой мрази после того знаете какие? Оправдали, значит, я не виновен, значит, могу опять убивать, воровать, грабить. Ничего, сойдет и дальше как по маслу будет.

- Но кто ж их гаже скота сделал? Вот в чем вопрос, поднял вверх указательный палец Колокольников. Ведь, как уверяют, еще несколько лет назад, на заре века, в среде русских крестьян и получившихся из них позже рабочих таких особей практически не было, а затем они стали даже превалировать. С ума, что ли, люди сошли? Не верится.
- Кто их такими сделал, теперь уже не суть важно, будем считать, что то самое самодержавие плюс мы с вами своим преступным бездействием, горячо ответил на это Ненашев. Оно виновато, несомненно, но еще больше виновато оно в том, что не надело на народ «смирительную рубашку», которая ему самому требовалась больше, чем кому бы то ни было. Иначе он все сметет с лица земли, чем ныне и занимается. Почуяв свой час, вся эта пьяная мразь поползла на улицу. Как собака, которая, заслышав злобный лай соседок, сперва прислушивается к нему, потом поднимается, бросается на прохожего и начинает его так же остервенело рвать, как и ее товарки.

И формы правления — монархия, диктатура, советы или парламент, на мой взгляд, здесь вторичны. Трезвость, неумолимая ответственность за содеянное, знания — вот три кита, на которые Россия должна опереться ногами в будущем. О частной собственности, как об единственном стимуле материального развития, я не говорю. Думаю, что и большевики со временем к ней обязательно вернутся. Пройдет первый угар, и мозг у новых правителей заработает ясно, исходя из окружающих их реалий. Как это было у французов.

- Вот если переживем этот самый угар, узнаем, как оно будет, вздохнул Покровский. Дело за малым его пережить. Когда ж он закончится-то, очень интересно было бы знать? И ведь люди, о которых говорили, тот же директор Технологического института Зубашов и другие... Они ведь, да и мы тоже, искренне хотели только одного чтобы Россия вышла на демократический путь развития.
- Я в таких путях мало что понимаю, покашлял в кулак путеец. А вот в чем немного разбираюсь, скажу. Вот как вы, господа, себе думаете, каков будет тормозной путь у паровоза, если его разогнать до сотни верст в час? А?
- Ну, наверное, метров пятьдесят, может быть, сто, пожал недоуменно плечами профессор. А к чему это вы?
- Много длиннее, вздохнул Быстров. Никак не менее версты. Вот и вы котел свой революционный раскочегарили, до сотни верст состав этот разогнали и думаете теперь, когда ж он затормозит наконец? Длинный у него тормозной путь-то, да и не похоже, чтоб он к вашей демократии мчался. Похоже, к пропасти та дорожка...

Быстров замолчал. Посмотрел на обмякшего на стуле, не то уснувшего, не то впавшего в забытье, Ненашева. Игорь, словно почувствовав его взгляд, напрягся, затем тело его вновь обмякло. Свесилась почти до пола рука, мелко подрагивали тонкие длинные пальцы.

- Укатали парня крутые горки, с горечью в голосе сказал путеец. Крепко досталось, видать...
- Уж досталось, жалостливо вздохнула появившаяся в дверях Наташа. Тихонько поставила на стол блюдо с большим рыбным пирогом, осторожно-ласково коснулась пальцами плеча подпоручика. Игорь Вениаминович...

Ненашев глухо замычал, открыл глаза, беспомощно оперся ладонями о сиденье стула.

— Пойдемте, Игорь Вениаминович, я вас уложу.

Маленькая ручка девушки оказалась на поверку крепкой и сильной, повинуясь ей, поручик сумел встать и зашаркал ногами к своей комнате.

— Ну что, господа, будем пирог есть, — предложил после паузы Колокольников. — И коньячок еще имеется.

— Не стоит, пожалуй, — поднялся со стула Покровский. — Пирог наверняка хорош, но теперь угощение за мной. Жду вас у себя недельки через две. Впрочем, договоримся. Хоть и спокойно пока наше море-акиян, да когда задует, по нынешним временам не один метеоролог не возьмется предположить.

* * *

На следующий день не утративший своей меланхолии да к тому же испытывавший подзабытые муки похмелья, Ненашев вновь отправился бродить по улицам Томска.

Увидев вывеску синематографа «Метеор», он остановился было у входа, рассматривая афишу с надписью «Не ходи же ты раздетая», но тут его пихнул какой-то спешивший ознакомиться с прелестями афишированной женщины господин.

— Глаза раззявь, — бурнул он Игорю. — У искусства на дороге стоишь.

Тот усмехнулся и пошел дальше, не обращая внимания на очаровательное деревянное кружево небольших двухэтажных домов, удивительные для сибирского города с его суровой зимой высокие окна огромных каменных магазинов. Засмотрелся было на словно повисший в воздухе увенчанный фонарем-маяком балкон-веранду стоящего на высоком косогоре дома на Кузнечном взвозе, но, не задержавшись долго и на этом живописном месте, побрел дальше.

Он шел, вяло передвигая ноги, заглянул в пару магазинчиков и, ничего не купив, двинулся дальше и брел бы так, наверное, долго, да увидал на перекрестке вывеску винной лавки. Все они были закрыты еще в августе 14-го, когда по царскому указу виноторговля в стране на время войны была запрещена — и на тебе, неужто былое вернулось?

Игорь заметно оживился и, тщетно пытаясь скрыть это чувство от самого себя, обрадовался. Зашел. Остановился у прилавка, над которым в несколько рядов шли полки, сплошь заставленные разнообразной формы бутылками со столь же разнообразными винами, водками и коньяками.

Ненашев удивленно посмотрел на это царство Бахуса, и, заметив его взгляд, приказчик тут же пояснил:

- Дозволено, значит, опять спиртным торговать, сняли запрет, спасибо Александру Васильевичу.
- Какому Александру Васильевичу? тупо спросил подпоручик.
- Их высокопревосходительству адмиралу Колчаку. Умнейший человек, понимающий. Как православному человеку без водочки? По нынешним временам душу облегчить лучше и нету. Есть и из старых запасов, и новопредставленная...

Игорь его больше не слушал. Приметив на полке знакомую треугольную бутылку шустовского коньяку — сестру-близняшку опустошенной им и Киржаевым в Славгороде в ночь накануне кошмара, — ткнул в нее пальцем.

— Коньячок желаете? — привычно-угодливо склонился в поклоне лубочный, довоенного образца приказчик, оценив по достоинству вяло брошенный на прилавок крупный казначейский билет. — Прикажете завернуть?

Ненашев, не считая, сунул в карман шинели полученные на сдачу купюры, пихнул туда же бутылку. Молча вышел за дверь. Теперь у него была цель и намерение ее выполнить, а это уже в какой-то мере напоминало жизнь.

* * *

Он стал пить каждый день. Когда кончились полученные на лечение деньги, спустил на барахолке серебряный портсигар. За смешную цену отдал подаренные ему отцом на двадцатилетие первоклассные часы-брегет с репетиром. Остался у него только сохраненный чудесным образом браунинг, который Игорь, по неизвестной для него самого причине, продавать пока не торопился.

Теперь без стакана сменившей дорогой шустовский коньяк водки он не мог уснуть. Да и ночью не раз просыпался. Дрожа в холодном ознобе, стягивал с тела липкую от обильного пота нижнюю рубаху. Трясущейся рукой набулькивал в стакан такой противной на вкус и такой желанной жидкости и, замотавшись в ватное одеяло, вновь проваливался в полусон- полуобморок. И каких же только чудищ не видел он в этих снах... Каких только летающих, плавающих, пол-

зающих страшилищ не встречал... Босх и Фюссли такой натуре позавидовали бы.

В редкие моменты просветления казалось Игорю, будто шел он по степи безмятежно и провалился разом в глубокий черный колодец. Тыкается в нем от стены к стене, хочет найти выход, вынырнуть наверх, да нет-нет и подумает: «А стоит ли? Чем там лучше-то?» И жалко себя, до одури, до слез жалко. «Почему мне это все? Взял бы уж Господи кого покрепче. А я-то слабый совсем, не выдержу я так...»

Видевшие, что с ним происходит, и немало страдавшие от этого Колокольников и Наташа пытались как могли отвлечь Игоря от его единственного теперь в жизни занятия. Девушка хмурила брови, строжилась, пыталась даже как-то отнять у Ненашева заветную бутылочку, но, взглянув при этом в его по-собачьи испуганные влажные глаза, расплакалась горько и теперь только молилась несколько раз на день в своей комнате у кладовки о том, чтобы не оставил Господь Вседержитель раба божия Игоря Ненашева, наставил его на путь истинный, не дал в трату.

Менее набожный профессор пытался заинтересовать Ненашева рассказами о проходившем в то время в Томске съезде по созданию Института исследования Сибири, делегатом которого он являлся. В городе свирепствовала эпидемия тифа, помещения, где проходили заседания, плохо отапливались, но работа съезда продлилась с 15 до 26 января. Бежавшие от большевиков из Петрограда, Казани и других городов Центральной России ученые, их коллеги — сибиряки и уральцы — разрабатывали положение, согласно которому новому институту предстояло «планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития».

— Сколько теперь можно сделать... — мечтательно говорил Колокольников. — Практически решен уже вопрос о ботанической экспедиции в Обскую губу, профессора Деннике командируют в Тобольскую губернию изучать памятники деревянного зодчества. Профессор Руденко будет заниматься составлением карты коренных народов Сибири.

Предполагается в дальнейшем осуществить экспедицию и под моим руководством, и поедем мы тогда с вами, Игорь Вениаминович, настоящим делом заниматься, всем и каждому потребным, для внуков и правнуков...

Игорь слушал невнимательно, как и все, что он делал, просто из желания не обидеть, а затем, когда профессор сам уставал от своих рассказов, молча поднимался со стула и вяло отправлялся к себе в комнату, чтобы принять очередную дозу.

Уже не раз, вынув обойму из браунинга, приставлял он к голове пистолетный ствол — репетировал самоубийство. Заставлял себя думать, что смерть здесь, рядом, всего в десяти сантиметрах от виска, и придет быстро, очень быстро. Но даже зная верно, что пистолет разряжен, не мог поначалу заставить себя нажать на спуск... Потом все же получилось. Через силу, негнущимся резиновым пальцем, но получилось...

Однажды вечером, купив уже на последние деньги бутылку отвратного на вкус самогона, он выпил ее в два приема. Подождал немного, чтобы «взяло», написал твердой рукой на клочке бумаги «Нечем жить», одернул, словно китель, старенькую пижамную куртку, взял со стола браунинг.

Плавно поднес к виску ствол пистолета, зажмурился и будто чужим, онемевшим пальцем потянул спуск. Раздался сухой щелчок. Ненашев изумленно открыл рот, широко распахнул глаза и увидел перед собой ангела.

- Игорь Вениаминович! плачущим девичьим голосом обратился он к Ненашеву. Что же вы делаете? Ведь грех какой, смертный грех, вы же душу свою погубите.
- Патроны вложить забыл, с обиженной улыбкой ответил на это Ненашев. Ватно опустился на стул и, не удержавшись на нем, кулем повалился на пол. Потоком хлынули из глаз слезы, и, вытирая их рукой со все еще зажатым в ней браунингом, поручик вновь пожаловался. Патроны, Наташа. Патроны-то и забыл. Эх ты ж пьяница, пьяница. Курица, не офицер, пули в голову пустить не можешь...

Девушка опустилась на пол рядом с ним, вынула из обмякшей руки пистолет, погладила ладошкой по давно не мытой голове подпоручика. — Бедный, ты мой бедный... Давай-ка я тебя в постель уложу. Маленько поспим, успокоимся, и все будет хорошо.

* * *

Они сидели рядом на кровати, прижавшись друг к другу после мгновенной неожиданной и ошеломляющей для обоих близости. Ненашев осторожно гладил пальцами ее волосы, и из глаз его вновь текли слезы...

— Мы когда в Перми еще жили, столько всякого понаслышалась и понавиделась, — рассказывала Наташа. — Пойдешь на базар за провизией, слышно, бабы говорят: «Скоро кончится все это, Ленин решил от всех дел отойти. Я, говорит, больше не могу управлять: не могу видеть, как этот народ ходит голый, босый и голодный. И отдал портфель. А евреи говорят: а мы будем управлять, чтобы остаток народа перебить — и портфель его забрали».

Я шла по улице, а там мужиков из села привезли, что хлеб не давали, и красноармеец один говорит другим у управы: «Товарищи, не пойдем дальше мужиков бить, все это мы из-за жидов деремся». А какой-то с портфелем кричит: «Стреляйте в его!» Он побежал, так двое за ним да как выстрелят — мозги у него и вывалились, и целая лужа крови натекла. Я пошла да заплакала громко. Один кричит: «Иди в свой дом плакать!» А я не стерпела да говорю: «Когда на людях такое делаете, на людях и плакать можно».

- И что дальше? с занемевшим сердцем спросил Ненашев.
  - Ничего, не тронули меня, так и ушла.
  - И ты что, тоже думаешь, что евреи во всем этом виноваты?
- Да сколь их, тех евреев, чтоб они сами-то сделали? удивилась вопросу девушка. Да наши парни деревенские или мастеровые из города, кто молодой особливо, когда хуже самых жидов лютых или мадьяров. Будто сам сатана в них вселился.

У всякого человека ангел-хранитель есть, — прижавшись к Игорю, тихо сказала она. — Под его приглядом всякий человек по добру живет. А демоны приходят, человеку в уши нашеп-

тывают, за руки его тянут, чтоб по-ихнему делал, вот тогда кавардак и начинается. И так, пока тому ангелу-хранителю другие ангелы на помощь не придут и с демонами бороться не станут. А чтоб тех ангелов вызвать, молиться надо. Но коли человек с черным сердцем, со злобой да проклятием молится — он себе не ангелов, а только еще злейших демонов вымолить может. И тогда все, совсем он пропал...

Так вот, люди соблазнятся демонами да и гонят других людей. А как тот человек горячо молиться будет и демонов отогнать сумеет, так и гонители его прозреют. Скажут, что ж мы делаем такое, кого гоним, брата своего. Это ж человек смиренный, никому худого не делает. Обознались мы. Да еще и повинятся перед ним.

- Повинятся? с незнакомой ему раньше, теплой волной тронувшей душу нежностью спросил Ненашев.
- Конечно, повинятся, подняв глаза, взглянула ему в лицо Наташа. А как же? Они прозреют ведь.
- Хорошо бы, когда так, только и сказал бывший подпоручик, покрепче прижимая к себе свою судьбу...
- Ты почему в церковь не ходишь? Неужто, как они, против Бога? спросила она.
- Не против, вздохнул Ненашев, восхищаясь ее наивной искренностью. Не против. Только, видишь ли, можно ведь, как я думаю, и с Богом быть, и в церковь не ходить или в костел. Бог ведь и вера одна, хоть у христианина, хоть у иудея или магометанина. Только... Знаешь, тут как с одеждой. Один любит в клеточку, другая в горошек, третий вот как я, чтоб вовсе белое, без всяких узоров. Рисунок разный, а полотно одно...

Я верю, что он есть. Знаю, что он есть, — убежденно сказал Ненашев и, не давая разгуляться слезам, быстро поднес к глазам ладонь. — Но тогда почему это все? Почему страдают невинные люди, которым глубоко наплевать и на белых, и на красных? Почему дети теряют родителей, а матери детей? Русские убивают русских? Почему, за что он оставил нас, отвернулся от нас всех? От всех...

— Мы все человеки, и грехи наши общие, каждый за всех ответчик. Он за нас страдал на кресте, а мы не вняли, отвер-

нулись. Теперь нам страдать. Такая планида нам досталась. А Господь с нами, — твердо вымолвила она. — И сейчас, и в смертный час будет. Утешит, коль утешения от души попросишь, как тот разбойник на кресте. Надо верить только. Мама ходила в церковь, и я с ней. А отец был против попов. Говорил маме: «Бог везде, молись, исполняй добрые дела, он все зачтет, но деньги, которые я потом зарабатывал, носить долгогривому пьянице попу не смей...»

Она тихонько потерлась плечом о грудь подпоручика, опять вздохнула.

- Как жить без веры-то, без любви... Тогда уж сразу помирай, чего уж. Зачем тогда и жизнь. Видите, как он меня вами... Нас с тобой облагодетельствовал. Послал меня, не дал тебе грех смертный совершить. Любовью одарил... А ты говоришь, отвернулся. Эх ты, зайчонок ты мой. Ума-то у тебя много, учености всякой, а разума-то... Ну да ничего. Она прижала к груди голову офицера, чуть касаясь ладошкой, осторожно провела рукой по его волосам. Я тебе помогу.
- Тогда я спокоен, уже спокойно, привычно-насмешливым голосом сказал Ненашев, и стало ему так тепло на душе, как с детских лет не бывало. Будто мама его, заступница от любых бед и огорчений, опять была рядом и бояться было нечего. Да и печалиться незачем. Вы вот что, Наталья Васильевна, неожиданно для самого себя с зазвеневшими в голосе командирскими нотками сказал он, так что девушка даже напряглась в невольном испуге. Выходите за меня замуж. А то я без вас один точно пропаду.
- Я! Простенькое курносое лицо Натальи Васильевны напряглось и порозовело. Как?! Один пропадете? Она подняла на него свои серые, глубоко посаженные глаза и уже спокойно, как о давно решенном, сказала:
- Я согласная. Вы только не пожалейте потом, что сгоряча. На тебя небось барышни из благородных заглядывались, тоненькие, как березоньки, а я-то...

Игорь довольно улыбнулся.

— Чернышевский писал, что дворянам нужно жениться исключительно на здоровых и краснощеких крестьянских де-

вушках. А что такое аристократическая красота? Годы праздности ослабили мышцы, сделали хрупкими плечи. Аристократическая бледность — яркое доказательство плохой циркуляции крови...

- Это какой Чернышевский? оборвала красочный монолог возвращающегося в свое обычное состояние Ненашева Наталья. Мишка Чернышов, что ли? Из извозчиков который? Так он и писать вроде не умеет. А балабол известный
- Николай Гаврилович известнее твоего Митьки будет, назидательно поднял вверх указательный палец подпоручик. Да и балабол на порядок масштабнее.
- Умный ты у меня, обвила его руками вокруг шеи девушка, прижалась щекой к груди. Сколько знаешь всего, страсть. Обними меня, а?..

Игорь вяло обнял ее, касаясь крепких плеч влажными от пота ладонями.

- Что-то ослаб я немного, тихо сказал он. Ты уж извини
- Да чего там, просто ответила она. Надо вам в баньку, Игорь Вениаминович, да три разка. Тятенька мой, когда случалось, завсегда так после запоя лечился. Вот у Ивана Калистратовича банька отличная, каких поискать, к нему и пойдем. Одинокий он. Жена умерла, дети в России где-то. Он, вообще, мужчина хозяйственный, степенный, серьезный человек.
- А ты откуда про то знаешь? подозрительно спросил Ненашев. Примеривалась к нему, что ли?
- Больны вы, Игорь Вениаминович, потому слов ваших, считайте, и не слышала я. Да и по-мужицки вы говорить не умеете, лучше уж и не старайтесь, построжела Наташа и тут же улыбнулась. Я-то не примеривалась, вот Ирина Сергеевна та да, только не приглянулась она ему, теперь вот с Покровским.
- Такая дама и не приглянулась? удивился Игорь. Красавица, утонченная, изысканная женщина, а он-то...
- Эх, милый ты мой, обняла его девушка. Теленочек ты, ничего-то ни в бабах, ни в мужиках не понимаешь... Иван Калистратович тифа не убоялся, нас с Владимиром Семенови-

чем в своей баньке самолично мыл — парил, волосы стриг, вшу злую сгонял, а ты...

- Ты, что ли, понимаешь? обиделся Ненашев. Чего ж тогда на такого немощного да чудаковатого, как я, позарилась?
- А ты чего на девку деревенскую? не давая разгореться первой семейной ссоре, с мягкой улыбкой спросила она.
- Так я... растерялся Игорь. Ты такая... Таких, может быть, и нет больше...
- То-то... Наташа осторожно вытерла холодный пот с его лба. Вот и не спорь со мной. Ты хоть и барин, а как бог есть теленочек. Я тебе и как жена, и как мамка родная буду. Никому-никому в обиду не дам...

Глава четвертая

На просторах бывшей Российской империи люди продолжали убивать и калечить друг друга, по обе стороны фронта вспыхивали крестьянские выступления недовольных новыми властями крестьян, а в уже опомнившемся от кровопролитного лета 1918 года Томске жизнь в начале весны 1919-го была относительно спокойной и шла своим чередом.

Правда, в самом начале марта в городе произошла неудавшаяся попытка восстания против режима Колчака, подготовленная большевистским подпольем. Его руководители — Федор Соколов, Михаил Солдатов, Иннокентий Григорьев и другие — были казнены. Но об этом многие из томичей ничего даже и не слышали, а большинство из тех, что слышали, отнеслись к этому событию почти с полным равнодушием.

В городском летнем саду уже готовились к проведению гуляний и постановке спектаклей на свежем воздухе, открытию детских площадок и читален. Физический студенческий кружок проводил «Вечера опытов» с докладами на темы «Молекулярные силы» и «Звуковые явления».

Газеты писали о том, что, поскольку «...Сибирь и Урал отрезаны от Центральной России, которая всегда снабжала их про-

изведениями фабричной промышленности, в данное время они могут получить все необходимое для населения с Дальнего Востока, куда все предметы и материалы могли бы быть доставлены из-за границы». Для этого, а также для сбыта производимых на обширных площадях Сибири и Урала продуктов требовалось только восстановить и усилить «разрушенный ныне железнодорожный транспорт».

Но это, о чем тоже сообщалось в газетах, было не очень уж и сложным делом, как казалось скептикам, поскольку им занялось такое серьезное предприятие, как правительство Северо-Американских Соединенных Штатов. В одном из мартовских номеров «Сибирской жизни» сообщалось, что вопрос теперь решится в течение двух месяцев и с помощью американского правительства транспорт будет окончательно восстановлен и приведен в такое же состояние, в каком он находился до войны. Для этого, по сообщению американской миссии, из Владивостока в Харбин уже перевозятся до восьмидесяти «хорошо оборудованных американских паровозов», а Министерство путей сообщения приступило к постройке универсальных вагонов системы инженера Ларионова.

Цены на продукты в Томске были сравнительно невелики, революция осталась за Уральским хребтом, газетные перспективы выглядели вполне обнадеживающими. В общем, сегодня жить было можно, а про завтра большинство русских людей в то время предпочитали не задумываться. Трудно и страшно было представить, каковым оно может стать, после уже изведанного и испытанного ими. А потому лучше было и не представлять...

* * *

Явственно почувствовав на грязном полу славгородской тюрьмы близость и ощутимую до восторга любовь к нему кого-то невидимого и неведомого, он потом больше уже не испытывал такого чувства. И было ему от этого одиноко и страшно. Серые глаза Наташи Яковлевой впитали и растворили этот страх почти без остатка, но вот чувство одиночества, безысходности и бессмысленности человеческой жизни растворить не смогли.

Ему казалось чудовищным, что люди, рожденные одной с ним землей, еще недавно вместе защищавшие ее, теперь убивают друг друга с искренним убеждением, что этим они даруют счастье тем, кто останется в живых. Это было страшно и глупо, но еще более страшным казалось ему то, что ужаса и глупости происходящего, кроме него, Игоря Ненашева, не понимает никто...

А если и понимает, то, как и он сам, не в силах ничего изменить. А если б и была возможность увидеть тех, кто крутит ручку этой гигантской мясорубки, ухватившись за нее каждый со своей стороны, знал подпоручик — в ответ на его просьбу остановиться сольются в один их голоса, окрестив его слюнтяем, безмозглым и безвольным червяком, приспособленцем, не понимающим, что все, что сейчас происходит, делается для его же блага, что он должен немедленно встать слева или справа и помогать им в их нелегком деле. Поскольку только так и никак иначе должен поступить действительно честный, принципиальный человек.

«Ну что ты можешь? — спрашивал он сам себя. — А раз не можешь, чего мучаешься так? Ну придумай что-нибудь, извернись, укради, убеги из России туда, где люди еще не до конца сошли с ума...

Но ведь и там, не видя этого, я все равно буду знать, что оно происходит, и мучения мои останутся при мне. Значит, и бегство бессмысленно. Нет, это не выход.

Но что ты можешь, в самом деле, кроме как обгладывать собственную душу? Ничего ты не можешь. Ничего... Только сохранить ее, пусть и болезненную, пусть и измученную...

Господи, ради любви твоей, не оставляй меня. Дай мне веры в себя, веры в бессмертие своей души, в жизнь вечную, и достанет у меня тогда силы никогда не прикоснуться к этой кровавой рукояти. Помоги, Господи, только об этом и прошу. И тогда никто из них, ни правый, ни левый, не заставит меня этого сделать...»

После очередного приступа отчаяния тоска отступала. Когда ненадолго, а когда и на несколько дней. Но Игорь знал точно, она еще вернется...

И Наташа ощущала это едва ли не сильнее самого поручика. Ненашев не раз поражался тому, как она мгновенно и точно воспринимает каждое его переживание, но ничего не говорит, только прижимается к нему еще теснее, будто хочет забрать, впитать в себя хотя бы часть живущей в нем боли. Игорь знал — смогла бы, она забрала бы ее всю, хоть и пришлось бы ей потом умереть. И от этого знания становилось ему порой зябко. Не верилось, казалось запредельно-космическим, что один человек действительно может сделать для другого все. И цена его при этом не интересует...

* * *

Венчаться решили в Благовещенском соборе. У Колокольникова были на это свои соображения, у Наташи свои. Ее мало занимало то, что, по словам профессора, на праздник Преображения Господня в 1804 году именно там было всенародно объявлено о создании Томской губернии, но она знала, что главной святыней собора является частица мощей святого великомученика и целителя Пантелеймона, которому Господь даровал особую благодать — исцелять человеческие болезни и немощи.

Знала она и о том, каждую среду после вечернего богослужения эта святыня в особом ковчеге выносится из алтаря на середину храма и перед ней совершается акафист святому угоднику Божию, по окончании которого каждый человек может приложиться к святым мощам и вознести перед ними молитву о себе и своих близких.

Потому, побывав в храме, она договорилась о том, чтобы венчание было назначено именно на среду. Девушка надеялась, верила, что, если попросят они вместе в этот день святого Пантелеймона излечить душевную немочь Игоря Ненашева, святой обязательно откликнется. Не может он сделать по- другому...

Уже у церкви, у двух аккуратных, но каких-то уж очень надежных ее башенок, она придержала Игоря за рукав. Подождала, пока уйдут на несколько шагов вперед их попутчики, потом тихонько, пересиливая охватившее ее волнение, сказала:

— Мы там когда... Сама не знаю, как поддалась. Не смогла тебя оттолкнуть, да и не хотела. А потом думаю: «Вот и все, На-

талья. Порченая ты теперь, вековухой будешь. А ты вот... Люблю я тебя пуще жизни, считай, как увидела, а неволить не хочу. Коли не по душе я тебе, давай не пойдем в церковь. Зла держать не буду, ты не думай.

- Я и не думаю, ответил Игорь и, освободив рукав, легонько провел ладонью по ее плечу. А в церковь мы пойдем. Мне тебя Бог дал, другой не надо.
- Ну, ты, коль другую полюбишь потом, из благородных какую, иди. Коль тебе с ней хорошо будет, значит, и мне в радость. Что ж, что под венцом были, куда ж против любви. Вот перед Господом говорю.
- Эх, Наталья Васильевна, глядя в печальные и решительные глаза девушки, тихо сказал подпоручик. Святой вы человек. Ну что я тебе скажу на твои слова... Ничего не скажу. Пойдем, пора уже. Видишь, зовут.
- Подожди, вновь удержала его за руку Наташа. Ты чего носом шмыгаешь? Носки надел теплые, как я тебе наказывала?
- Надел, надел, улыбнулся Игорь, почувствовав, как прокатилась в груди теплая волна.
  - Точно надел? усомнилась она
- Да говорю же тебе, надел, притворно нахмурился он. Все, пошли.

Он взял Наташу за руку, и они, словно дети на прогулке, степенно двинулись к церкви.

— Игорь Вениаминович! — послышалось сзади. — Это вы?

Ненашев недовольно обернулся. В мыслях он был уже там, у алтаря, где из-за огня восковых свечей смотрел своим печальным, все и вся понимающим взглядом тот, кто прислал ему Наташу и спас его, вернув способность жить.

— Ну что, припомнили, господин Ненашев? — весело спросил грузноватый, похоже, подвыпивший офицер, шмыгая нависшим над английскими усиками картофельным носом. — В Галиции вместе были, неужели не припомните?

И Игорь действительно припомнил этого человека, но особой радости от того не испытал. Тот служил в шта-

бе пехотного полка, а поручик Ненашев в полковой батарее, потому встречались они той галицийской осенью всего несколько раз. Как-то играли вместе в карты в офицерской компании, гуляли на полковой пирушке. Ненашев слыл в полку человеком образованным и утонченным, эдакой богемой, даже прозвище у него было — Студент, и вхождение в круг его знакомых было определенной маркой, знаком пусть отдаленной, но все же приближенности к этой самой богеме. Потому войти в этот круг стремились многие. Особенно те, кто ходом мировой войны был переквалифицирован из приказчиков в прапорщики.

Вот и этот, как его, Пономарев, что ли, приглашал его, помнится, выпить, а подвыпив, говорил какие-то витиеватые глупости и пошлости, заставив подпоручика в дальнейшем с ним встреч не искать. Но был он все ж таки сослуживцем, мало того, товарищем по оружию, и сделать вид, что тот ошибся, было просто непозволительно.

— Я обузой не буду, — пообещал Пономарев, узнав, что Игорь с Наташей отправляются на венчание, и тут же без малейшего стеснения напросился в гости. — У меня и шампанское есть, — фамильярно пихнул он кулаком в бок Ненашева. — Две бутылки «Редерера» довоенного розлива. Папаша уберег, шельма такая. Каково, а! Решили, значит, обвенчаться? — продолжал он, вальяжно шагая рядом с Игорем. — Дань условности, разумеется. Раз отцы-матери наши, бабушки-дедушки, значит, и мы, по образу и подобию, как говорится.

Подпоручик хотел было резко ответить разговорчивому сослуживцу, но промолчал. Ведь сказанные сейчас этим Пономаревым слова принадлежали ему самому, недавнему Игорю Ненашеву. Он лишь чуть заметно сморщился, и это тут же приметила Наташа.

— В этом храме мощи святого Пантелеймона, они помогают при болезнях телесных и душевных, — простодушно принялась объяснять она Пономареву, решив, что раз этот офицер так обрадовался, увидев ее Игоря, значит, он ему большой друг. — А Игорь Вениаминович болен. Душа у него болит, понимаете?

- Что ж тут непонятного, рассмеялся тот. Только тут не ваш святой Пантелеймон нужен, а стакан водки. Вот это средство верное. Не понимаю вас, Ненашев, не обращая внимания на девушку, усмехнулся он. Человек с университетским образованием и такое... Впрочем, дело ваше, конечно, но удивительно, право слово. Я, с вашего позволения, этот чертог посещать не буду, остановился он у церковной ограды. Здесь подожду.
- Давай его восвояси отправим, сказал с трудом сдерживающий себя Ненашев, когда они отошли от Пономарева на несколько шагов и остановились, поджидая остальных у высокого крыльца собора. Пусть себе катится колбаской.
- Что ты! Наташа от испуга перестала креститься, заправила под платок вырвавшуюся на волю прядку волос. Он ведь добра тебе желает, а что в церковь не пошел, так, видать, время ему еще не пришло. Господа к Богу не торопятся. Ты ж вот тоже... Прости, пожалуйста.
- Эх ты, божья душа, вздохнул Ненашев, но спорить не стал, тем более что и место, и время для такого занятия были неподходящими. Пойдем. Были мы одни, станет двое.

* * *

- Эх, было б сейчас лето да время довоенное, прихватили б с собой провизию всякую, самовар, гитару или, по-простонародному, гармонику да поехали бы на природу, разливая по рюмкам водку, мечтательно говорил Колокольников. У нас в университете в первые майские дни преподаватели вместе со студентами такие гуляния устраивали. А то можно было бы в летний сад «Буфф» или «Алтай» отправиться. В ресторане посидеть, в кагельбан поиграть, спектакль посмотреть. Да, были же времена, вздохнул он. Раньше, говорят, ходили в татарскую слободу на кулачную «войнишку» поглядеть, теперь другая сама пришла-приехала. Да ладно, что это я? Давайте, господа, за молодых.
- В семье и каша гуще, степенно сказал Быстров. Семья воюет, а одинокий горюет. Вот ведь какая штука пословицы народные, усмехнулся он. Раньше, особенно студентом

еще, было дело, посмеивался над ними. «Ну что там, мол, сиволапые эти мудрого сказать-придумать могли. Вот Гомер, Прудон...» А ведь каждое слово в точку. Так-то.

— Поздравляю, Игорь Вениаминович, — сказал несколько опьяневший хозяин, когда Наташа вышла на кухню посмотреть пирог. — Повезло вам, без всякого ерничанья, от души говорю. Наташа святая женщина. Никогда не оставит и не предаст. Жизнь свою положит, коль потребуется, — он потянул из кармана носовой платок. — Я уж знаю... Давайте выпьем за нее, господа.

И потом, — продолжил он после паузы с совсем уж пьяненькой, портящей его лицо улыбкой. — Не поймите меня превратно, Игорь Вениаминович и уж, бога ради, на дуэль не вызывайте, тем более что это сейчас не модно. Говорю без желания вас обидеть и уж тем более оскорбить...

- Да о чем вы? начал терять терпение не любивший экивоков Ненашев.
- О том, пардон, что для человека нашего с вами круга брак с крестьянкой сегодня и с практической точки зрения дело не лишнее. Это очень демократично, а потому приветствуется и у нас, и уж, конечно, у них. И если, не дай бог, конечно, опять...
- Вот это уже лишние слова, сухо остановил его Ненашев.
  - Я понимаю, но...
- Вот и хорошо, что понимаете. И давайте на том покончим.
- Да полно вам, господа, осклабился совсем опьяневший Пономарев. И, взяв неверной рукой бутылку шампанского со стола, принялся разливать его по стаканам. Как говорят французы, важна не бутылка, главное опьянеть. Верно, поручик? фамильярно подмигнул он Ненашеву и громко захохотал.

Игорю показалось, будто его ударили по лицу тыльной стороной ладони, словно пролившего на ковер чай слугу — небрежно, хлестко, унижающе. От обиды за Наташу к глазам прихлынули слезы, перехватило горло давно не испытываемым

безудержным гневом, но слова «пошел вон» он произнес спокойно и даже как-то обыденно. Потому, наверное, гость и не понял сразу значения сказанного, повесив в воздухе руку с бутылкой, недоуменно спросил:

- Как?
- Самым обычным образом, так же ровно ответил Ненашев, припоминая, в какой именно ящик стола он положил свой браунинг. В дверь. Помощь, надеюсь, не требуется?

Растерянный взгляд гостя стал опасливо-злобным, но прибегать к «помощи» Ненашева Пономарев все же не стал. Молча встал со стула, слегка покачнувшись, одернул мундир. И так же молча, ни с кем не попрощавшись, вышел за дверь, аккуратно прикрыв ее за собой.

- Врага себе нажили, Игорь Вениаминович, сказал в наступившей тишине путеец. Этот не забудет. Отомстит, и отомстит пакостливо.
- Почему вы так думаете? вытер о салфетку повлажневшие ладони Ненашев. В чем секрет такой прозорливости? Он ведь все-таки офицер, хоть и подлец.
- Вот именно что подлец, вздохнул железнодорожник. Видели, как дверь тихонько затворил? Хлопнул бы с треском другое дело. А так... В общем, ждите неприятностей.

Иван Калистратович был прав, и подтвердилось это довольно скоро.

* * *

Утором Игорь увидел, как Наташа, скрутив волосы в узел на голове и заколов их железными шпильками, надевает под платок мягкую полотняную шапочку-подвойник.

- Зачем она тебе? удивленно поинтересовался он.
- Я теперь замужняя, так полагается. Косу девицам носить можно, а мне вот, степенно ответила госпожа Ненашева.
  - А откуда у тебя шапочка такая?
- Так купила когда-то, смутилась Наташа. Пусть себе, думаю, лежит...

- Пойдем на выставку Бурлюка, предложил ей Ненашев, припомнив, что видел недавно на заборе объявление о приезде в Томск «отца русского футуризма» художника и поэта Давида Бурлюка, а также о чтении им лекций «Футуризм искусство современности» и открытии выставки современной живописи в женской гимназии Тихонравовой.
- А что это такое, выставка твоя? бесхитростно поинтересовалась молодая жена. Продавать, что ли, чего будут? Я думала, так попросту пойдем, погуляем.
- Нет. Это другое, улыбнулся Ненашев. Художники будут свои картины показывать, поэты стихи читать. Знаменитость столичная приезжает. Интересно, в общем, будет.
- Нет, Игореша, иди ты один, потерлась щекой о его плечо девушка и стала разматывать платок. Я там и не пойму-то ничего, только обузой тебе стану. Потом, может быть. Научишь меня стихам, какие барышни читают, тогда уж. Лално?
- Чего тебя учить. Ты поумнее многих из тех барышень будешь, что книжки читают. А рассказать, какие чудеса люди своим трудом и талантом делают, конечно, расскажу.
  - Дал им, значит, Господь дар такой. Без него-то как?
  - Дал, согласился Игорь. Иным еще какой дал!

Он обнял Наташу и, легонько отстранив ее от себя, прочел:

— Вы улыбнетесь — мне отрада;

Вы отвернетесь — мне тоска;

За день мучения — награда

Мне ваша бледная рука.

Нравится?

— Ага, — улыбнулась девушка. — Красиво. Только на кой ему ее рука-то?

Игорь смешался, не зная, что ответить, и, заметив это, жена опять улыбнулась.

— Вот я и говорю, иди один. А я вот лучше пироги испеку. Мне на это знаешь какой талант даден? Вот узнаешь. Да еще мука больно уж хорошая, словно манна небесная, а не мука. Я такого помола тонкого уж и не помню видела когда. А коль увидишь где, серки мне купи — лепешечек или палочек.

Она полезная, — пояснила Наташа, заметив недоумение в глазах мужа. — Ее из смолы лиственничной делают, зубы чистит и вкусная. Я тебе денег дам.

От густо хлынувшей в лицо крови Игорь покраснел, отвернулся и, хмуро буркнув: «Не надо. У меня есть немного», быстро вышел в прихожую.

— Пока одни по выставкам к высокому искусству припадать, другие пироги печь, я на собрание дровяного кооператива схожу, — аккуратно наматывая на шею длинный шарф, встретил его там улыбающийся профессор. — И напрасно вы так зубом цыкаете, дорогой Игорь Вениаминович. Дров в нашем доме, говоря простонародным языком, шиш да маленько. А из этого начинания, глядишь, что-нибудь и выйдет... В любом случае эта прогулка будет полезнее, чем лицезрение мазни упомянутого вами господина. А что касается серки, так опять же напрасно нос воротите. Для сибиряков это первое дело, у нас ее все любят.

Он бросил взгляд в сторону комнат и, понизив голос, смущенно добавил:

— Если вам нужны деньги, Игорь Вениаминович, я вам дам. Взаймы, разумеется, — быстро добавил он, увидев, как начало белеть раскрасневшееся было лицо Ненашева. — Устроитесь на службу, вернете.

* * *

Над зданием гимназии — бывшим домом «государева ямщика» купца Кухтерина — висел плакат: «Великий футурист — художник и поэт осчастливил Томск своим прибытием!» Вход на выставку был бесплатным, и это Ненашеву понравилось. На стене он увидел еще один, в этот раз небольшой плакатчик, приглашающий всех желающих побывать на посвященной проблемам футуризма лекции-диспуте Давида Бурлюка в театре «Интимный» в Ямском переулке. Игорь заинтересовался было, но, прочитав внизу сообщение о том, что вход на лекцию платный, интерес к лекции утратил.

«Посмотрим, что у них даром, — решил он. — А может, и Бурлюка повезет увидеть, все-таки знаменитость».

На стенах гимназического коридора обнаружилось несколько, как показалось Ненашеву, торопливо написанных картин, возле которых толпилось немалое количество людей, многие в изрядно поношенных студенческих шинелях. Особенно много этих шинелей было у картины с названием «Парикмахерская». Посетителей цирюльни художник изобразил без голов, которые стояли на отдельных подставках, и их причесывали и брили парикмахеры.

Игорь задумчиво хмыкнул и пошел дальше, надеясь увидеть что-нибудь не менее интересное, но этого ему не удалось. Осмотрев всю выставку, он пришел к выводу, что кроме «Парикмахерской» заслуживает внимания разве что иллюстрация самого Бурлюка к «Преступлению и наказанию» Федора Достоевского, а точнее, шея старухи-процентщицы, которую художник изобразил в виде тщательно выписанной огромной куриной лапы.

- Шарлатанство какое-то, услышал Ненашев голос рядом с собой и, повернув голову, увидел у соседней картины двух немолодых уже мужчин.
- Это же просто мазня какая-то, негодовал один из них, представительного вида лысоватый господин в длинном черном пальто и такой же черной шапке пирожком в опущенной левой руке. Правой рукой он энергично тыкал в холст с изображением солдата, обнимающего женщину. Вот эта унылая баба и тупой солдат с лицом, как лопата, по мнению Машевича, и есть настоящее высокое искусство? Эта самая современность? Интересно было бы знать, сколько времени он затратил на изготовление этой, с позволения сказать, картины?
- Но свежесть красок, новизна письма... Не закончено, конечно, но в перспективе... невнятно отвечал на напористые вопросы его спутник, чем еще больше распалял представительного госполина.
- Да полно вам, Петр Ксенофонтович, повторять вслед за эпигонами Бурлюка подобную чушь. Это вопиющая бездарность и ничего больше. И вот что я вам еще скажу...

Однако ничего больше сказать он не успел, прерванный овациями вошедшему в зал солидному высокому мужчине

лет сорока. Одет тот был весьма импозантно-элегантный смокинг, белый жилет, широкие шаровары и охотничьи сапоги. В правый глаз мужчины был вставлен монокль, в петлице смокинга красовалась ярко раскрашенная деревянная ложка.

Восторженно зашумели студенты: «Бурлюк! Бурлюк!», скривился, будто прокисшей капусты отведал, господин в черном пальто, а виновник торжества между тем деловито проследовал в центр зала и, остановившись там, громко сказал:

- Позвольте, господа, прочесть вам стихотворение Владимира Маяковского «Кадет».
- Кто это Маяковский? поинтересовался у своего товарища остановившийся около Ненашева высокий, нагловатого вида студент в распахнутой шинели.
- Ты что, не слышал про Маяковского? с нескрываемым пренебрежением посмотрел на него тот. Это великий человек, гений футуризма.
- A-а... лениво протянул высокий. Тогда ладно. Послушаем.
  - Жил да был на свете калет.

В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,

Ни черта в нем красного не было и нету, —

хорошо поставленным голосом декламировала между тем заезжая знаменитость.

— Услышит кадет — революция где — то,

Шапочка сейчас же на голове кадета...

«Что я тут делаю? — подумал вдруг Ненашев. — Этот понятно — деньги зарабатывает. Владимир Семенович тоже, Наталья пироги печет. А я? Хватит, пожалуй, Игорь Вениаминович, нахлебником-то быть, пора и делом заняться. А искусство подождет, тем более что особого его присутствия здесь я что-то не наблюдаю».

Привычно стараясь не шуметь, он осторожно, но решительно двинулся к выходу и уже напоследок, закрывая за собой дверь, услышал:

— Известно, какая у волков диета — Вместе с манжетами сожрали кадета. Когда будете делать политику, дети, Не забудьте сказочку об этом кадете...

* * *

Решив заняться поисками работы, Ненашев первым делом отправился искать доску со свежими номерами газет. Таковые он в Томске уже видел, но тогда они его не заинтересовали. Теперь же дело обстояло совсем по-другому, теперь он был женатый человек, семьянин, а это обязывало...

Ближе к центру города на длинной обшарпанной стене присутственного здания он нашел то, что искал — несколько выставленных на всеобщее обозрение последних номеров газеты «Сибирская жизнь».

Игорь быстро и жадно заскользил взглядом по густо усыпавшим желтоватую бумагу расплывчатым черным строчкам и для начала узнал, что в Томске и губернии остро требуются врачи и студенты-медики на борьбу с эпидемией тифа. Откликнувшимся на этот призыв врачам предлагалось жалование в тысячу рублей, студентам, соответственно, поменьше — семьсот целковых.

«Эх, жаль, не врач я и даже не студент-медик, и пользу мог бы принести, и хоть какие средства к существованию приобрести, — невесело усмехнулся про себя Ненашев. — А кто я есть, несчастный филолог-историк, то бишь профессиональный болтун. Кому такие сегодня нужны? Стой-постой, Игорь Вениаминович, — окоротил он сам себя. — Такие-то сейчас и тем и другим потребны, народ охмурять. Дело, конечно, завлекательное, только не по мне.

Тэк-с, что тут у нас еще? Ага...»

«Прошу лицо могущее одолжить недели на три 500 руб., сообщить Загорная 57, кв.7 свободному художнику Долгову. Гарантировать могу только честью и посильным трудом. Остался без копейки вследствие кражи на железной дороге».

«Эх, милый мой Долгов, кто бы мне под честность и посильный труд пятьсот рублей дал...»

«От собственных корреспондентов....В селе Алтайском все тяготы по открытию средней школы легли на местную интеллигенцию не спаянную между собой крепкими узами, и потому их старания не увенчались полным успехом....Характерно, что крестьяне на своих собраниях не являются противниками школ и охотно ассигнуют деньги на школьные нужды — война и революция показали им какою роль в жизни играют знания».

«Видали мы этих любителей знаний и чему их война и революция научили, тоже видали, — подумал Ненашев. — А что, может быть, опять в Алтайскую губернию свои стопы направить? Буду мужицких детей географии и чистописанию учить. В конце концов, дело богоугодное, а самое главное, в армию опять не мобилизуют. Вот уж чего не хочу, так не хочу.

Не зря папин друг, дядя Коля во Владимире, не только говорил, что революция неизбежна и имущество отберут, но и сыновей своих, гимназистов, ремеслам обучил — одного сапоги шить, другого печи класть. Сейчас, видать, пригодилось им это в Совдепии. И чего моему батюшке было меня на месяц-другой в ученики к плотнику не отдать...»

Игорь закурил папиросу, поежился от холода. Опять заскользил взглядом по газетным строчкам и даже ахнул от удивления — вот те на! Не зря говорят, на ловца и зверь бежит. Так, так... «В Томском университете на историко-филологическом факультете открыты курсы, имеющие целью готовить преподавателей для средне-учебных заведений». Так, так. «Курсы трехлетние». Ну, это нам ни к чему, у нас бумага есть о трех курсах университетских. «Логика, педагогика, психология». Ну, тут мы еще сами кое-кого поучим. «Вечернее время... Плата 150 р.».

«Схожу, может быть, подскажут, как направление в какую-нибудь глухомань, где потише, в сельскую школу получить, а может быть, еще и бумагу дадут полезную. Свои же все-таки. Филологи мы или нет?» — все более воодушевляясь и уже начиная рисовать в уме заманчивые перспективы, решил Ненашев.

Напоследок он прочел сообщение о выходе в свет большой общественной газеты «Великая Россия» и что редактором-из-

дателем ее является командир 5-го Томского сибирского полка полковник Григорьев.

«Да-а... — протянул про себя Игорь. — Редактор-полковник, полковник-редактор. Зря я думал, что уже ничему удивляться не буду».

Он опустил глаза ниже и прочел:

— О Россия, прозри и воскресни, Да наступит твой день голубой,

Да звучат окрыленные песни

Из конца и в конец над тобой.

— Прозри и воскресни! — в полный голос воскликнул Ненашев и значимо поднял вверх указательный палец. — Пардон, мадам, это я не вам, — деликатно пояснил он удивленно взглянувшей на него немолодой, чопорного вида, даме в сером драповом пальто и несколько помятой, когда-то роскошной, шапке. — Да наступит ваш день, Игорь Вениаминович! Еще раз пардон, сударыня, вынужден вас оставить, дела.

* * *

- Тут приходили, Игорь, тревожно встретила его дома Наташа. Офицер и солдат с ружьем, сказали, что тебе нужно явиться в военную комендатуру. Вот беда-то какая... Она по-деревенски шмыгнула носом, сдерживая рыдание, ушла в комнату.
- Да погоди ты, не плачь, в чем беда-то? Ненашев торопливо снял пальто, повернулся к вышедшему в коридор Колокольникову. Может, вы поясните, Владимир Семенович?
- Что ж тут пояснять, пожал плечами тот. Неприятности у нас, Игорь Вениаминович. Сказали, что вы офицер, а потому подлежите призыву и, коль на него не явитесь, пойдете под военно-полевой суд. Есть приказ номер какой-то о призыве в войска мужского городского населения от восемнадцати до тридцати пяти лет. Как с улыбочкой поведал мне господин прапорщик, для увеличения боевой мощи армии и облегчения тягот сельского населения, отвлечение которого от занятий хозяйством приводит к сокращению оного, а значит, налицо вред интересам государства. Наташа им, что вы больны и бумага

есть, а этот опять с улыбочкой: болен — на переосвидетельствование, а нет — военно-полевой суд.

- Да откуда же они узнали, что я офицер, адрес и вообще...
- Попробуйте догадаться, язвительно предложил профессор и тут же потерял все свое деланное спокойствие. Да вы что, в самом деле, забыли про приятеля вашего, нашего недавнего гостя, гореть ему в аду!
  - Вы думаете, что...
- Да что уж тут думать, все как в синематографе... обреченно махнул рукой Колокольников. Вы вот что, я им сказал, что вы отбыли к родственникам в Алтайскую губернию и вернетесь, вероятно, не так скоро...
- Да нет у меня там никаких родственников, удивился Ненашев.
- Ну что вы как мальчик, в самом деле? болезненно сморщился Владимир Семенович и, словно обессилев, мешком опустился на стул. Вы что, издеваетесь надо мной, что ли? Коли нет, теперь вас еще... Хватит с нее...
- Я в газете вот сейчас только прочел, что учителя требуются в сельские школы, принялся снимать шинель Игорь.
- Вот, энергично вскочил со стула профессор. Не мешкая идите, записывайтесь в эти самые учителя. Покажете там свою справку, а если ее им мало будет, у меня для них кое-какие бумаги казенного, знаете, образца найдутся, те, что во все времена все вопросы решают. Так что идите не мешкая. Ну что вы стоите, в самом-то деле?!
- Чаю хочу, чувствуя, как к глазам его подкатывают слезы, сказал Ненашев и положил руку на плечо Владимира Семеновича. Чаю-то позволите... Уж не думаете вы, в самом деле, что они на меня облаву устроят? Время у нас есть.
- Наташа, ну скажите хоть вы ему, с мольбой повернулся профессор к молча стоявшей в дверном проеме девушке.

Та разняла скрещенные под грудью руки, подошла к Игорю, положив голову ему на плечо. Потом глубоко вздохнула.

— Пойду самовар поставлю.

Потом Игорь долго успокаивал Наташу, рассказывал ей разные истории из своего владимирского детства, вспоминал

услышанные тогда стихи, свою милую, хоть и строгую маму, отца, с которым они поссорились, когда Игорь накануне окончания университета решил оставить учебу и пойти на войну.

- Как видишь, и там живой остался, гладил он ладошкой по мягкому плечу крепко прижимающуюся к нему женщину. Я везучий. Столько всего было, а видишь, здесь. Сейчас чай будем пить, потом я в учителя пойду записываться, уедем отсюда в деревню какую-нибудь. Не пропадем. Ты ж у нас житель деревенский? Наташа молча кивнула головой, не отрывая щеки от его груди. Ну вот, тебе дело привычное, а я уж за тобой как-нибудь, хорошо?
- Ты не бойся, милый, как ребенка, погладила она его по волосам. Мы с тобой будем всегда, всегда... Даже если... Голос ее дрогнул. Нас Господь повенчал, значит, и у него на небесах вместе будем. Я верю, и ты верь. Милый ты мой, солнышко мое...
- А я и не боюсь, легонько отстранив ее от себя, спокойно сказал подпоручик Ненашев и, словно из окопа вставал, резко поднялся на ноги. — Пойдем, хозяйка, чай пить.

* * *

- Я бы с превеликой радостью дал вам направление в уездное земство для устройства учителем в сельскую школу, но вы подлежите призыву как человек, имеющий без малого университетское образование, с видимым сожалением сообщил ему молодой розовощекий человек в отличном костюме и хитровато прищурился. К тому же, как я вижу, вы в прошлом офицер, а это... Вот если бы...
- У меня есть справка из Новониколаевского госпиталя о направлении меня в длительный отпуск для поправки здоровья вследствие возникшего после контузии душевного расстройства, выложил на стол бумагу Ненашев. Вот, извольте ознакомиться.
- Это хорошо. Очень хорошо, еще больше оживился розовощекий. Это очень упрощает дело, но этого все-таки мало даже для отправки вас в какой- нибудь медвежий угол. Вы, кстати, не опасаетесь ехать в такие места?

- Нет, улыбнулся Ненашев, которому этот человек начинал даже нравиться то ли своей бойкостью, то ли умело разыгрываемой детской непосредственностью. Поеду и к медведям.
- Очень, очень хорошо. Вот если бы еще только кое-какие дополнительные бумаги...
- Думаю, смог бы принести и их. Те, что казенного образца, раздумчиво- медленно сказал Ненашев, и голубые глаза его стали ясными, как июльское небо. Такие подойдут?
- Это было бы хорошо, ответил ему таким же лучезарным взглядом розовощекий. В вашем случае потребуется двухтысячный формуляр. У вас такой, надеюсь, имеется?
- Именно такой, подтвердил Ненашев. И оформлен по всем правилам. Думаю, что завтра сумею его вам занести.

Ненашев щелкнул каблуками, чиновник вежливо приподнялся из-за стола. На другой день Игорь с Наташей отправились в дальнюю дорогу.

* * *

Председатель Каннской земской управы, человек средних лет, с густыми синими прожилками на мясистом красном носу, изрядно изношенный, как и его припудренный перхотью сюртук, мельком взглянул на бумаги Ненашева, сказал врастяжку:

— Хэ-ра-шо. Сразу видно родственную душу, мало, мало осталось у нас интеллигентных людей. — При этом он шмыгнул носом, спрятал голову под столешницу и, звякнув там стеклом о стекло, добавил: — Идите в третий кабинет.

Деликатный Ненашев не стал задерживать занятого важным делом человека и, больше ни о чем не спрашивая, отправился по указанному адресу.

Хозяин третьего кабинета молча показал ему на занимающую едва ли не всю стену карту уезда, буркнул:

- Выбирайте, что нравится.
- А что, можно так? удивленно спросил подпоручик.
- Можно. Почти в полусотне школ вовсе учителей нет.

Игорь окинул взглядом светло-коричневую часть карты — степь и перевел взгляд на зеленую. Подумал с усмешкой,

что в лесу, если рассуждать по— детски, укрыться от житейских ветров будет легче. Завесил на несколько секунд палец в воздухе, затем решительно ткнул им в маленький кружок с мелкой надписью Урманское.

- Хорошо, кивнул земский. Школа там новая, а вот учителя давно нет. Был поляк-каторжанец, так еще весной 17-го уехал. То ли в Питер революцию делать, то ли домой, в Польшу. Вы-то не уедете?
  - Лес там есть? вопросом на вопрос ответил Ненашев.
- Ну, если лес любите, то это прямо по вам место, улыбнулся чиновник. Кроме него там вы мало что увидите. Только далеко это, сотня верст будет.
  - Ничего.
- Пишите заявление, земский протянул лист бумаги, подал ручку.

Через пятнадцать минут он принес Ненашеву учительское удостоверение с печатью и тремя подписями. Сказал деловито, как уже своему:

— Школьное имущество получите на складе.

Указанным имуществом оказались: стопа бумаги, коробка перьев, двадцать четыре карандаша и столько же отпечатанных на серой бумаге тощеньких букварей «по Вахтерову», два десятка желтеньких книжек «Закона Божьего», две книжки Басова-Верхоянцева «Конек-скакунок», а также один арифметический задачник. В качестве приложения к ним Игорь получил приказ генерала Баранова «О новом правописании». Ненашев быстро проглядел глазами бумагу, в которой доказывалась польза и красота старого правописания с последующим требованием, чтобы вся переписка по его «ведомству» велась по старому письму. И дальше предупреждение, что бумагам не будет даваться законного хода, если таковые будут написаны новым штилем.

«Будто и не генерал, а комиссар какой-то», — усмехнулся про себя Ненашев и, оторвав взор от генеральского приказа, поинтересовался:

- Это все?
- На месте еще «народная библиотека» должна быть, книги им еще до германской отправляли, лениво сообщил

конторщик. — А может, ее уже и искурили мужики, кто ж его знает? Далеко.

— Далеко, — согласился Игорь и пошел готовить семью к началу долгого пути.

Глава пятая

Поначалу шла-тянулась буро-черная степь, на которой, словно седые пряди на голове человека, виднелись последние, все еще цепляющиеся за матушку — зиму снежные полоски. Затем стали попадаться корявенькие, словно больные, деревья, далеко отбежавшие друг от друга. Но вот, будто преодолев испуг, стали они жаться к своим соседкам поближе, да и стало их побольше.

Появились березовые колки, с каждым десятком верст все больше приправленные елочками и сосенками, а затем хвойная порода и вовсе взяла свое. Светлая зелень леса стала темнее, стоял он теперь гуще и выглядел куда нелюдимей, чем прежде. Дорога нырнула в него, словно в тоннель, и пошла петлять накатанной колеей средь пихты и кедров, глухой стеной стоящих по обеим ее сторонам. Так что, подняв вверх голову, можно было увидеть, что от бескрайнего моря неба осталась только узенькая речка, обрамленная верхушками могучих деревьев.

Пошли селения, в которых глину и плетни степных деревень сменили темные тяжелые бревна приземистых, недоверчиво-угрюмых домов и толстые жерди заплотов. Лесу здесь не жалели. Когда он ненадолго размыкал зеленые руки, на холмах были видны плешины куцых крестьянских полей.

— По гривкам пашем, где посуще. Болото чертово, горбишь, горбишь, а соберешь всего ничего, — неласково ответил возница на вопрос Ненашева о местных урожаях. — Пшеницу сеют которые, а больше рожь. Оно надежнее. Овес, лен опять же.

Село Урманово, к которому они добрались уже в густых сумерках ветрено-стылого мартовского дня, начиналось с заимки, поставленной в глухой тайге путаной биографии мужиком с фамилией Голопупов. Теперь такую фамилию в селе носили двадцать

три семьи, и нынешние деды приходились тому мужику едва ли не правнуками. Первоначальное же название села Голопуповка на заре нового века решили на сходе все же заменить. Народ зажиточный, степенный, какие уж тут голопуповцы. Неловко как-то.

Здесь, в глухом правобережье Оби, в гуще тайги и смешанных лесов, на бесчисленных речных протоках и заливных лугах зима была суровой и снежной, а лето обычно случалось изнурительножарким. Такими же суровыми в обиходе и жаркими в работе были местные мужики. Занимались они и скотоводством, и земледелием, извозом, рыболовством, охотой, торговали дровами для обских пароходов. Связь с остальным миром осуществлялась по гужевому Нарымскому тракту, летом — по Оби. По этой же дороге сюда, в обмен на продовольствие, везли соль, спички и другие промышленные и продовольственные товары из Томска и Тобольской губернии. Основное население составляли русские казаки да переселенные в Сибирь поляки и украинцы.

Не по этапу, но, гонимые нуждой и безземельем, шли в эти края самоходы. С ранней весны до поздней осени у волостного села появлялись огромные, до ста телег, лагеря. Некоторым удавалось осесть у обжитого места, наняться в батраки к местным хозяевам, другие снимались и шли дальше. Старожилы зорко стояли на страже своих интересов. Когда в соседней с Урманово деревней, нарезая участки новым поселенцам, землемер по небрежности прихватил их земли, мужики тут же взялись за топоры.

Сеять в этих краях предпочитали рожь, находя, что она менее прихотлива к обработке почвы и более устойчива против саранчи. На втором месте были овес и пшеница. Почти пятая часть посевов хлеба отводилась озимым. Все больше стали сажать и картофель.

Нередко случались эпидемии заразных болезней среди скота, лошадей и свиней. Бичом полеводства была саранча-«кабылка». Страдали от нее мужики безмерно, ругали и кляли страшно, но, когда прибыл отряд, чтобы опрыскать поля для очистки от этой нечисти, встретили его с вилами в руках. Отряд уехал ни с чем. Мужики ходили довольные: «Не дали заразам- студентам заразу сеять».

Великих достатков от своих трудов в большинстве своем местные селяне не имели, бедность свою объясняли-оправдывали про-

сто: «и деды так жили». С началом строительства железной дороги урмановцы стали отправляться за заработками туда. В месяц при четырнадцати — шестнадцатичасовом рабочем дне можно было заработать рублей двадцать — тридцать, а то и сорок. Труды тяжелые, но и деньги для мужиков немалые.

Другим источником доходов была расположенная в глухой тайге неподалеку от села старая винница — целый городок из домов для администрации, спиртовых подвалов, амбаров, конного двора, паровой и водяной мельниц, солодовни, бондарни, кузницы... Крестьяне сбывали на винный завод и зерно, и хлеб, получая с этого хоть и небольшой, но прибыток. С началом усобицы работы на железной дороге не стало, винница была сначала закрыта, а потом и разграблена лихими людьми.

Крестьянская жизнь замкнулась на поле, доме и тайге. Однако, хоть и жили урмановцы бедновато, по сравнению с крестьянами российскими не бедствовали.

* * *

— Богато живете, скипидар жгете, — усмехнулся сельский староста, переступив порог предназначенного для размещения учительской семьи дома. — Я вот начальство вроде, да лучинку пользую.

Ненашев снял с головы подаренную Быстровым черную железнодорожную фуражку, осмотрелся по сторонам.

Главным украшением в просторной избе были большие образа в выкрашенных под орех киотах. Счетом семь. Лиц угодников почти нельзя было рассмотреть под зеленоватыми стеклами, мешал этому и яркий блеск металлических риз, «обсыпанных» красными, белыми и зелеными бумажными цветами. Кроме образов, имелись на стенах батальные картинки времен еще японской войны — бравые матросы и солдаты, кривоногие тщедушные японцы, кудрявый дым разрывов, спокойное лицо священника, идущего впереди атакующих цепей русской пехоты. На столике под зеркалом лежало несколько книжек и желтая стопка газет «Барабинская степь».

В комнате было тепло, даже жарко. Высвечивая небольшой круг на столе, горела лампа. Остальное пространство избы — ее

стены, большая часть печи, двери, закоптелый потолок укрывались во тьме, пропитанной крепким запахом табака-самосада.

- Да ну его, скипидаръ этот, взмахнула руками смущенная хозяйка, плотная круглолицая женщина лет сорока. Привез вот Миколай, говорит, вместо керосину. А с него сажа летит, потолок пакостит, не домоешься. Так что ему, не ему ж пластаться...
- Бабы в Сибири волю взяли. О мужицких делах судить берутся, усмехнулся хозяин. Такой же, как и жена, плотный, словно литой, мужик. Воздух тут, что ли, вредный, языки им развязывает. А уж после революции той и вовсе укорота на них не найдешь. И, сделав страшные глаза, рявкнул: Тащи самовар, гостей чаем напоить надо. Сама, что ль, не смекаешь?
- У вас, поди, свой чай будет? поинтересовалась, неторопливо вставая из- за стола, хозяйка. Сами-то мы кирпичный пьем. И того скоро не будет, вздохнула она. Керосину нету, а ситец в городе по пятнадцати рублей немного укупишь. Да и ситец-то, званье одно, а не ситец. Вот когда из России шел...
- Да хватит тебе, уже без рисовки насупился мужик. Люди с дороги. Успеешь поплакаться. Неси, говорю, вечерять да показывай комнату, какую определили. Комнатка хорошая, в обиде не останетесь, повернулся он к Игорю с Наташей. Сын жил, Григорий, с невесткой. Сына «германка» съела, а Варвара, вдова его, к родителям назад жить пошла. Мы не гнали, сама захотела, а детей нажить не успели они. Так что живите, сколь за стол и проживание полагается, староста вам обсказал.

Утром Игорь направился в школу. Она находилась в построенном незадолго до мировой войны деревенским торговцем-меценатом Артемием Павловым небольшом, но добротном деревянном здании, которое делилось на две комнаты. В одной дети раздевались. Это была прихожая. Здесь у стен стояли лавки, на левой стене висела вешалка. В другой был класс. Там стояли четырехместные парты и учительский стол.

От передавшего ему ключи от помещения сторожа Игорь узнал, что всего во всех четырех классах занимается двадцать мальчиков и только четыре девочки, и очень удивился. Он уже знал, что в Урманово без малого сто дворов и в каждом двое, трое, а то и больше

детей подходящего для учения возраста. Получалось, что в школу ходят в лучшем случае один из десяти.

Позже он узнал, что причиной тому часто было не пренебрежение их родителей к учебе, а обычная бедность. Многие крестьяне не могли отправить детей в школу из-за отсутствия одежды и обуви. Нередко детей посылали в школу поочередно. Один год учился один ребенок, на другой год шел следующий. И всегда мальчиков в школах было в три-четыре раза больше. Особенно отрицательно относились к обучению дочерей в зажиточных семьях.

Каких только учителей не встречалось в 19-м году в глухих сибирских селах, и редко кто из них в полной мере соответствовал своему званию и назначению. В основном это были «коллеги» Игоря Ненашева — уклоняющиеся от призыва в колчаковскую армию прапорщики и подпоручики германской войны. Русские, чехи, поляки, евреи, украинцы. К делу своему они относились спустя рукава, а то и попросту ненавидели. Весь страх и всю злобу загнанной в тайгу жизни такие, по мужицкому наименованию, вучителя вымещали на детворе, изводя ее постоянными придирками и наказаниями.

Ненашеву же заниматься учительством даже понравилось. Хотя никем не отмененная программа обучения 1897 года прямо рекомендовала ему «не увлекаться желанием делиться с детьми всеми сведениями, которые он сам имел о данном предмете», новый педагог эти указания отверг напрочь. Игорь стал делиться с ребятами своими знаниями по истории России, не выходя из деревенской избы совершать путешествия в Египет и Лондон. Припомнив не раз прочитанную им в детстве, просто захватившую его тогда книгу Брэма «Из жизни животных», с воодушевлением пересказывал ее своим завороженным слушателям. После двух уроков делали большой перерыв, и все ученики вместе с учителем пили чай из самовара. Тогда слушателем становился уже сам вучитель.

Все дети — и старшие, и младшие — занимались одновременно. С одной стороны сидели старшие дети, с другой стороны — малыши. Занятия начинались с чтения «Закона Божия», которое должен был проводить священник. За учителем оставалось обучение ребят письму, арифметике, основам географии и других об-

щеобразовательных предметов, коль сам преподаватель был в них хоть немного знающ.

Кроме полагавшейся Ненашеву платы за обучение от земской управы, мужики по старой памяти, как привыкли это делать при прежнем, не получавшем никакого жалованья учителе (действительно уехавшем с началом революции в Россию ссыльном поляке) — несли кто десяток яиц, кто пуд муки, кусок мяса или сливочного масла. Однако денег официально за обучение родители не платили.

Впрочем, со всеми заботами и радостями учителя сельской глухомани Игорю еще только предстояло познакомиться, а пока он не спеша оглядывался по сторонам, разыскивая ту самую «народную библиотеку», о которой ему говорили в городе. По словам чиновника, обученная грамоте сельская молодежь любила читать рассказы из крестьянской жизни, а также сказки. Из произведений классической литературы читатели очень любили басни И. А. Крылова, «Капитанскую дочку» Пушкина, «Тараса Бульбу» и «Ревизора» Гоголя, рассказы Тургенева, Мамина-Сибиряка и Григоровича. Мало читались брошюры о сельском хозяйстве. Книги религиозно — нравственного содержания также не пользовались большим спросом. Взрослые грамотные крестьяне чаще читали вслух жития святых и «Библию», книги про Алексея, человека божьего, и Николая Угодника.

В покрашенном уже успевшей изрядно облезть масляной коричневой краской грубо сколоченном шкафу Ненашев обнаружил десяток подернутых ржавчинкой перьев и книгу под названием «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян». Полистав ее, он наткнулся на подчеркнутый чьим-то красным карандашом пункт «Преимущества окончивших курс», под которым значилось: «Ученики, отличнейшие в поведении и по успехам в учении по окончанию полного курса, избираются Окружным начальством в сельские и волостные писаря, если они не моложе 16 лет и если родители их, а в случае полного сиротства, сами они, изъявят на сие согласие. Избранные таким образом ученики поступают для практики в Канцелярию Палат или Окружных Начальников. Ученики, поступившие в волостные писаря, освобождаются от рекрутства».

«Да! — подумал Игорь. — Вот не знал, что от сельской школы такая практическая польза могла быть. Вот это действительно стимул для хорошей учебы, тут любой батянька сына заставит над книжками сидеть».

Рядом с книгой лежала пропыленная желтая бумага, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении заявлением учителя Урмановской школы Петра Лебедева «Его Высокородию Господину Инспектору Народных Училищ Томской губернии 3-его участка от 12 октября 1911 года. Честь имею Вам, Ваше Высокородие, донести, что в настоящее время я приискал столяра, мещанина Михаила Гаврилова Антонова, который соглашается заниматься в мастерских с детьми, жалование ему на первый месяц 15 рублей. Посему покорнейше прошу Вас утвердить Антонова столяром в мастерскую при оном училище. Учитель Урмановской школы П. Лебедев».

«А вот где я того столяра буду искать?» — потер нос Игорь и решил для начала продолжить поиски «народной библиотеки». Она обнаружилась на третьей полке шкапа. Пушкин с Тургеневым там были, а вот вместо Григоровича и Мамина-Сибиряка Ненашев встретил, похоже, такого же вездесущего, как и неистребимого, «Ната Пинкертона», знакомую книжку с черной маской и двумя длинноносыми револьверами на обложке, а также «Пятнадцатилетнего капитана» Жюля Верна, тощенькую серую книжечку под названием «Почему бедна Россия» и несколько старых номеров журнала «Сеятель и вразумитель».

«Ну что ж, начнем, что ли, вразумлять», — подумал с усмешкой Ненашев и, достав из кармана изрядно уже потертой шинели тетрадку и карандаш, стал готовиться к своему первому в жизни уроку.

* * *

С малых лет Игорь Ненашев был веселым и жизнерадостным человеком, как говорится, таким родился. Безмятежное детство, заботливые родители, легко дающаяся ему учеба сначала в гимназии, а потом и в университете не часто давали основания для печали. Да и ту, коль случалась, он без особого труда умел прогонять. Не сумели зачерствить его сердца ни окопы германской, ни ре-

волюционные вихри. Не раз сталкиваясь с мерзкой изнанкой человеческой натуры — подлостью, предательством, жестокостью, он все же так и не научился по-настоящему ненавидеть, даже тех, кто этого вполне заслуживал. Удивлялся только: да как же можно так-то вот?

Пережитое и увиденное им в Славгороде потрясло все его естество, по выходу из госпиталя он понял, что стал другим человеком. Восторженное восприятие мира сменилось почти постоянным чувством одиночества, временности и ненужности своего существования там, где человек чужой для окружающих да, пожалуй, и для самого себя тоже. Где он способен на такие зверства по отношению к ближнему своему, что и сам дьявол на такое со страхом бы поглядел. А человеку все ничего: ест, пьет, песни горланит да братьев своих губит — никак не уймется.

Наталья не просто спасла его от самоубийства, это мог бы сделать и другой человек, но тогда бы Ненашев наверняка бы повторил свою первую попытку и в итоге дошел бы до конечного результата. В этом Игорь ничуть не сомневался. Дело было в другом. Серыми глазами крестьянской девушки Наташи Яковлевой, а ныне Ненашевой взглянул на него сам Спаситель — это Игорь опять же знал точно, хотя, будучи человеком «современным», привычно стыдился своих мыслей и не доверял их даже жене.

И он вновь и вновь вглядывался в глаза Наташи, пытаясь увидеть там то, что увидел тогда, в момент коснувшегося его смертельного дыхания небытия, но теперь видел лишь трогательно-вопрошающий взгляд обычных женских глаз, с маленькой коричневой крапинкой в уголке одного из них — того, что чуть меньше, левого. Без этой крапинки, без шершавых губ, без всем естеством своим отдающегося ему тела он теперь не мыслил своей жизни. Но было ему все же плохо, очень плохо.

Однако при всем при том в нагоняющего на людей смертную тоску меланхолика он не превратился. И хоть от мыслей своих печальных маялся немало и частенько, в обычном общении с людьми был, как правило, по- прежнему обаятелен. Не разучился шутить и, если охватывала вдруг его на людях, заставляя невольно охнуть, скользкая щемящая тоска, на вопрос: «Вам плохо?» — отвечал неизменно: «Не хуже, чем другим».

Да и жизнь шла своим чередом, со своими делами, заботами, своими маленькими радостями, которые порой могут очень много дать мающемуся сердцу. Наташа сразу же по приезду стала участвовать вместе с хозяевами почти во всех домашних делах и благодаря этому очень быстро стала для них своей. Уже через несколько дней Иван и Меланья привычно называли ее Наткой, шутили и незлобливо переругивались, когда что-то не ладилось. Игорь же со своими книжками, долгими молчаливыми раздумьями, чуждыми постоянно занятому работой деревенскому люду, так и остался для них в разряде господ. Среди них хоть и встречаются порой хорошие люди, своими их не назовешь никогда.

Как-то Наталья вернулась с реки, где отбивала вальком и полоскала белье, в хорошем настроении. Прошлась по комнате, напевая:

— Нам не нало шали белы

Были бы пуховые

Нам не надо чернобровых

Были бы рысковые

- Ты чего веселая такая? с улыбкой спросил Ненашев. Как мужики говаривают, копеечку нашла?
  - Да с бабами на речке подружилась, пока белье стирала.
  - Как сумела?
- Да чего хитрого, свои ж, деревенские. Они работают да частушки поют, и я тоже. Они сибирские, а я им наши уральские, пермские.

Она с озорным прищуром взглянула на Ненашева, толкнула его боком.

У миленочка избеночка

Мочаленная

Я така же по миленочку

Отчаянная!

— Это уж точно, — улыбнулся Игорь и притянул ее к себе. — Дай-ка я тебя поцелую, отчаянная ты моя.

Женщина мягко улыбнулась и обвила полные крепкие руки вокруг его шеи. Она была дома. Город с его бестолковщиной, суетой, расчетливой и от того еще более страшной жестокостью был далеко, и ей иногда казалось, что и нет его вовсе. За тайгой поле, за ним

деревня, там опять лес и так до края. И везде один покой, работа и такие же счастливые, как она со своим Игорем, мужики, бабы да детишки. Теперь ей не хватало только их. Ну хотя бы одного для начала — мальчика. Доброго, ласкового, умного, красивого, чтоб точь-в-точь как отец. И все, ничего больше.

* * *

Обступавшие реку горы источали запах июльской хвои, скалистый, сиреневый берег пестрел цветами, небо было пронзительносиним. Прямо к пристани выходили палисадники и огороды уютных и добротных сибирских построек. Зрели яблоки возле домов. Огороды дышали нагретым солнцем укропом и подсолнухами. От кряжистых, приземистых домов шел смоляной аромат аккуратно уложенных в поляницы дров.

Из Томска в деревню Ненашев привез взятую наугад из богатой библиотеки профессора Колокольникова книгу Макса Штирнера «Единственный и его собственность». Не раз уже случалось, что в трудные минуты жизни, не имея возможности поговорить с близким по духу человеком, он брал в руки, казалось, первую попавшуюся книгу и встречал в лице автора не просто друга и единомышленника, но, казалось, самого себя, со всеми своими мыслями и смятениями. Так же было и в этот раз, но еще ярче и осязаемее.

Он испытывал острое чувство радости от того, что он не одинок. То, что происходит с ним, уже было и будет с другими, он не один на этой земле, как и каждый, пусть этого и не осознает. Есть тот, кто-то, кто нас любит, какими мы ни будь, кто нас никогда не оставит, обратись мы искренне к нему, а значит, возьмет к себе и потом, когда нас не станет. А значит, смерти нет и бояться нечего, можно быть свободным. Без страха смерти, в радости любви это так легко...

«Мне кажется, человек — это младенец, и вся разница его жизни с жизнью природы в том, что он хочет сделать все по-своему, как будто до него ничего не было, — читал он у Штирнера. — Но в природе было все то же самое, только человеком называется такое существо в природе, которое действует так, будто нет Бога, закона и вообще нет ничего, кроме человека — царя природы. В этом самообмане — все существо человека.

Проделать опыт той же самой жизни природы за свой страх и риск — вот цель человека».

«Так, именно так и есть, до чего же тонко немец подметил», — думал Ненашев и вновь перелистывал страницу.

«Вообще никто не протестует против своей собственности, а только против чужой. В действительности нападают не на самое собственность, а на то, что она чужая. Хотят получить возможность назвать своим больше, а не меньше; хотят назвать своим все. Вместо того чтобы превратить чужое в собственное, разыгрывают роль, требуя, чтобы вся собственность была представлена третьему лицу (например, человеческому обществу). Требуют возвращения чужого не от своего имени, а от имени третьего лица. И вот эгоистический оттенок удален, все так чисто и человечно!»

«По понятиям темного русского крестьянина, интеллигент есть барин, то есть такой, как я — это тот, кто не пашет, не сеет, не веет, а живет лучше, что, конечно, несправедливо, — размышлял Ненашев. — И если даже забрать у него, как, к удивлению мужика, выясняется, нечего, то хоть головой его в прорубь. Все душе радость. Я это видел, и я это знаю. Но вот ведь здесь, в деревне, эти самые мужики радушно здороваются со мной при встрече, даже помогали, случалось, когда я их просил что-то небольшое сделать для школы. А вот приди сюда большевики? Не знаешь, что будет? Знаешь... Все как один на буржуя поднимутся, глядишь, и Наташа в коммунарки запишется. Вон как она с ними, будто в этой избе и родилась...»

И вновь властной хозяйкой вступала в сердце тоска...

Вечерами, после занятий в школе и проверки домашних заданий — корявых карандашных загогулин на оберточной бумаге или свободных от типографского текста обрывках газет, — дождавшись, когда стемнеет, Ненашев шел бродить по сельским улочкам.

- Поужинал бы, жалостливо глядя на него, просила Наташа.
- Потом, хорошо? неизменно отвечал Игорь, и жена молча присаживалась на табурет. Ожидая его возвращения, привычно теребила подол платья, шептала, повторяя по нескольку раз немногие известные ей молитвы. Устав произносить часто мудреные

и непонятные ей слова, просила как могла: «Пожалей его, Боже милостивый, сними камень с его души. Не вытерпеть ему. Он ведь барчук, Господи, слабые они. Переложи мне его, я вытерплю. Я все вытерплю, Господи, что пошлешь. Его только ослобони...»

Ненашев мог часами кружить по безлюдным улицам Урманово. Механически сбивал заменяющей тросточку веткой верхушки полынных кустов, присаживался иногда на лавочки у крестьянских дворов, так тихо, что не просыпались даже чутко стерегущие хозяйское добро собаки, а поднявшись, шел к чернеющей даже во тьме ночи, по-звериному дышавшей стене леса. Там, упав ничком у крайней сосны, до боли и крови вгонял в усыпанную хвоей неподатливую землю свои музыкальные пальцы и плакал от жалости к самому себе и к Наташе, которая могла бы встретить хорошего человека, а встретила такого блаженного, бесхозного и бесполезного дурака, как он.

Наплакавшись, Игорь шел обратно в село и подолгу стоял у рубленной из вековых кедровых стволов небольшой, по-домашнему уютной церквушки. Подняв голову, старался рассмотреть скорее угадываемый, чем видимый в мареве ночного неба высокий восьмиконечный крест. Смотрел он и на неизменный тусклый огонек в окне небольшой ветхой избушки — жилище прибывшего в Урманово с полгода назад откуда-то из зауральской России священника отца Александра.

Смотрел и так же неизменно подавлял желание зайти, напроситься на разговор, излить душу. По сути, это был незнакомый ему человек, все отличие которого от Ненашева было только в том, что он носил рясу. Был ли он от этого ближе к Богу, знал ли, какими мыслями руководствовался тот, насылая на людей все нынешние ужасы... В этом Ненашев сильно сомневался, а потому, постояв какое-то время у церкви, шел домой. К Наташе.

Однако в этот раз он поступил иначе. Решительно толкнул рукой створку калитки, шурша заполонившей церковный дворик высокой травой, пошел по едва угадываемой в темноте узкой тропке к огоньку. Почему он все-таки сделал это? Ответа Ненашев не знал. Как говорят в народе, сами ноги понесли. Игорь подошел к двери избушки и только хотел постучать в нее, как услышал из темноты:

— Что вы хотели? Я здесь.

Игорь повернулся на звук голоса и, напрягая зрение, разглядел в переплетении кустов сирени лавочку, а на ней смутное пятно человеческой фигуры.

- Простите, вы отец Александр?
- Да. А вы никак учитель? Что-то случилось у вас?
- Нет, Игорь замялся. Ничего особенного. Извините за такую блажь, что ночью... Просто поговорить с вами хотел, да все никак не решался, простите, но побаивался даже, извиняющимся и в то же время несколько напористым от волнения тоном сказал Ненашев.
- Присаживайтесь. Игорь услышал, как священник легонько похлопал ладонью по скамейке. Коль надо, поговорим. Может быть, и помогу вам чем. Не я, конечно, Господь. Все в его власти.

Игорь присел на скамейку.

- Не похоже, чтоб сильно уж вы побаивались, не дождавшись, пока Ненашев начнет говорить, просто и доверительно сказал священник. Игорь почувствовал, что тот улыбается, и ему мгновенно стало легче на душе. И потом, продолжал отец Александр, я ведь не начальник вам и не вождь.
  - А кто же вы? тоже улыбнулся Ненашев.
- Я слуга Богу нашему, Иисусу Христу, а значит, и каждому православному человеку и вам тоже. Да вы говорите, что вас ко мне привело? На дворе ночь глубокая, слушать нас некому.
- Не знаю, как и сказать, батюшка, аккуратно подбирая слова, начал было Ненашев, а затем, словно шагнув с обрыва, стал говорить горячо-сбивчиво:
- Потерял я себя, отец Александр. Думал, что нашел Бога, да надолго радости не стало, опять потерял. А без этого... Без него... Когда сейчас такое... Не знаю, что и сказать вам, виновато улыбнулся он. Вот ведь мечтал стать филологом, других даже учить пробовал, а тут... Ищу Его, а найти не могу.
  - Вы ошибаетесь. Он с вами.
  - Вот сейчас?
- Да, вот сейчас. Раз маетесь, значит, душа ваша для Бога открыта, а что молчит он, так ему лучше ведомо, почему сейчас

молчать нужно. Придет. Как не прийти, коль ждут. Он ведь Создатель наш, Человеколюбец, сына своего грешного не оставит.

Игорь не понимал, что с ним происходило. Он слушал простые, никакими доводами не подкрепленные, по недавним его понятиям, банальные слова и тем не менее верил им всем своим существом.

- Пойдемте в дом, пожалуй, предложил священник. Прохладно, знаете ли.
  - Простите, смутился Ненашев. Я пойду, пожалуй.
- Пойдете, согласился священник. Вот чайку вместе попьем и пойдете. И знаете еще что, давайте в храм с вами зайдем, вы, видать, давно в нем не были. Помолитесь, легче душе будет. Поверьте, знаю, что говорю.
  - Да я и молитвы-то позабыл все, точнее, и не знал их вовсе...
  - «Отче наш» помните?
  - Учил в детстве.
- Вот и хорошо. А то просто помолчите. Господь Вседержитель и без вашего призыва откликнется. Он вас уже давно ждет, вы только, видать, на встречу эту не спешили. А он ждет. Погодите немного, поднялся с лавки священник. Я ключи от храма возьму.

Он задержался на миг в идущем из окна ясном и ровном свете керосиновой лампы, словно раздумывая о чем-то, и Ненашев смог внимательно его рассмотреть. До того, хоть и видел он отца Александра несколько раз, почему-то стеснялся это сделать.

Аккуратно подстриженная черная борода с густой проседью, перехваченный тоненьким пояском, черный подрясник, высокие черные сапоги без каблуков, заношенная фетровая шляпа из черного велюра, серебряный крест на длинной цепочке, а кроме него, на короткой, с левой стороны воротничка — небольшой крестик, тоже из серебра с эмалью. Такой Ненашев видел у одного из знакомых священнослужителей отца и знал — этот значок означает, что его владелец окончил духовную академию.

Статной фигурой и четким разворотом плеч он показался Игорю похожим на его командира полка на германской войне,

спокойного и выдержанного кадрового офицера, тянувшего армейскую лямку еще со случившейся в последний год прошлого века китайской кампании.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, отец Александр обернулся. Глубоко посаженные небольшие глаза его смотрели на Игоря пристально и вместе с тем мягко, без малейшей настороженности. И это в 19-м году!

- Чему вы улыбаетесь? спросил священник.
- Удивляюсь, как вы спокойно на мир смотрите. Будто и вовсе ничего не боитесь.
- Почему же? Боюсь. И смерти боюсь, и мук, насилия, тем более что знаком с ним не понаслышке. Впрочем, об этом не стоит. Потом, может быть...

Потом они пили чай с сахарином и неспешно беседовали.

- Вот вы сказали, что не вождь и не начальник, уже без всякого волнения, доверительно, словно самому большому своему другу, которого не грех и подначить, говорил Ненашев. А я вот в Томске, как приехал туда, читал на стене Казанского монастыря прокламацию. Как сейчас помню:
  - Товарищи, в негодовании слепом

Готовы вы все злое видеть в Боге.

Не смешивайте Господа с попом.

У нас совсем различные дороги...

Я создал мир и населил его,

В виду имея равенство и братство,

И вам в цари не ставил никого...

И точно так же церковь не мое

Установленье — их затея злая.

Я никогда не призывал ее.

Мой храм — весь мир от края и до края.

Священник улыбнулся.

— Ну что ж, как говорится, спасибо и на этом. А вообще-то я, как священнослужитель, обязан придерживаться церковных канонов, но, пусть это и прозвучит как вольнодумство, не считаю их выполнение обязательным для каждого. Ведь там не спросится: что ты сделал для Бога? Спросится только: что ты сделал для человека? Так-то...

— Для человека... — протяжно вздохнул Ненашев. — Вы знаете, батюшка, после того, что со мной произошло, я стал видеть мир по-другому. Проще и в то же время объемнее, что ли. Я ведь и раньше понимал, что один человек не должен лишать жизни другого, но сама эта фраза для меня, по сути, была не больше чем фразой. Не должен? Конечно, не должен. Но убивает же. На войне, по приказу. Не я это придумал, а значит, я вроде бы и ни при чем. А когда понял, что при чем...

Я понял, что все на самом деле очень просто, но едва ли не всем кажется чем-то высокопарным, напыщенным и надуманным и даже граничащим с безумием. Я попробовал говорить об этом с соседями по палате в госпитале, но они смотрели на меня с жалостью и даже с какой-то брезгливой опаской, как смотрят на прокаженного или на человека с помутившимся разумом. Но я-то знаю, что разум мой нисколько не помутился, но, напротив, приобрел способность видеть вещи и явления предельно ясно, будто убрали стоящее перед глазами мутное стекло, и все стало выглядеть по-настоящему реально.

Добро — добром, зло — злом, ненависть и злоба — просто ненавистью и злобой и ничем больше. А любовь не чем-то слабым и беспомощным, но главной движущей силой, какой только может жить человек. Уму непостижимо, как люди не понимают таких, казалось бы, простых вещей, не понимают и не хотят понимать друг друга...

- Вы знаете, мой отец был дворовым крепостным, я-то уже того времени не застал, но и после всегда видел, что мужики и баре всегда жили разной жизнью, в заполнившей сторожку тишине сказал наконец священник.
- Одним народом они никогда не были, в храме только и встречались. Правда, и тут для них особые отгородочки были. Да и хоронили их на разных кладбищах.

Был, верно, общий царь. И скажу вам, когда я учился в духовном училище и узнал, что заболел Александр Третий, я страдал, наверное, больше, чем страдал бы за родного отца. Что отец? Мы маленькие люди, никому не нужные, простые, бедные, наш удел всегда таков, чтобы страдать, болеть, умирать, так и должно быть. Но он — царь! Общий отец всех нас, всей страны, его

смерть — огромное дело... Конечно, я тогда ничего подобного не думал головой своей, говорю, что на сердце ощущал.

А вот когда дошел слух, что убита была вся царская семья, уже ни я, ни кто иной не плакали. А ведь тоже царь наш. В пятом году пошел к нему народ крестным ходом за правдой и что? Получил расстрел. Я всей той истории не ведаю, но одно несомненно, что тут веру в царя и подстрелили. Я, человек монархических настроений, почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих, что бы ни случилось потом.

Надо сказать честно, что и церковь наша уже перед германской войной другой стала, чем я ее с малых лет знал. Влияния ее на народ былого не было. И мы сами, духовенство, тоже тому виной. Трудно мне это вам, мирянину, говорить, да и не я, а вы пришли душу изливать. Но брат вы мне во Христе, потому могу и я перед вами каяться...

Ночь уже перевалила на вторую половину, за крохотным окошком избы начало едва заметно сереть иссиня-черное небо, а разговор двух почти случайно встретившихся людей и не думал кончаться.

- Так вот, перестали мы быть «соленою солью» и поэтому не могли осолить и других, механически теребя лежавшую на столе шляпу, говорил отец Александр. Вера стала лишь долгом и традицией, молитва привычкой. Были, правда, святые люди отец Василий Светлов в Тамбовской губернии, в нашей Пензенской отец Николай. Но редко, очень редко... А тут война... тут и начало иссякать у крестьянина и смирение, а с ним и терпение, вздохнул священник. Я потом слышал от одной прежде богатой и знатной женщины, у которой большевики сына убили: «Это Федосьины внуки отплачивают за наших дедов!».
- А я, батюшка, о своем обществе, о людях культурного сословия так же думаю. Именно каков поп, таков и приход, молча выслушав долгую речь священника, сказал Ненашев, поняв в какой-то момент, что он нужен сейчас этому человеку, пожалуй, ничуть не меньше, чем тот ему самому. Мы несем ответственность за все, что случилось в России. Именно

мы должны были этого не допустить, не жить в своем мирке, отгородившись от мужика и рассказывая друг другу о нем слюнявые сказочки. Должны были не допустить его до звероподобного состояния. А допустили...

- Да, бедность нелегко переносить, иногда отчаяние подкрадывается к душе обездоленных людей, задумчиво сказал священник. Отчаяние и злоба. Мы тоже совсем небогато жили. «Щи да каша пища наша». И хлеб. Все кричали: «Мама, хлебца!» Бывало, мы собьем наши сапоги, мать отдает сапожнику голенища, чтобы наставить на них головки, а сама ходит в наших или собственных дырявых опорках. И так не день, не два, а годами...
- Извините, что я... Что вам об этом вспомнить пришлось. Отец Александр молча кивнул, смахнул со стола невидимые крошки, медленно и старательно отер ладони о старенький рушник.
- Вот так. А потом и общие невзгоды, смута нахлынула. Помню, как-то вышел из храма за ограду летом. Вечер тихий, ясный, и вижу за горизонтом поднимаются багровые дымы, имения помещичьи горят. Смутно стало на душе, думаю, что ждет нас, страну нашу... глуховато сказал отец Александр. И вдруг в голове слова Христовы: «Надлежит всему этому быть!»
- Отчего же надлежит, батюшка, такие мучения огромные, видели бы вы, что я видел... Разве может Господь-человеколюбец такое допустить? Как это возможно? так же глухо спросил Игорь.
- Надлежит... Неизбежно в путях истории человечества и промысла Божия. А если так, то и не нужно чрезмерно удивляться и страшиться. Думаете, я над этим не размышлял, не терзался? Было не раз. Потом как-то подумалось вдруг: «И что ты особенно этим терзаешься? Разве же ты управляешь миром? Есть Бог, Который всем правит, на Него и положись. И всякий делает свое дело. Довольно этого с тебя!»

Священник надолго замолчал. Молчал и Игорь. Затем отец Александр поднял на него глаза, сказал тихо и как-то особенно проникновенно:

- А Божий мир по-прежнему стоит... Меняются правительства, а он стоит... Будут войны, революции, а он все стоит...
- Скажите, почему большевики так ополчились на православную церковь, дошли даже до убийства священников, разрушения храмов, чего и татары не делали? спросил, остро пожалев о том, что нельзя закурить, Ненашев. Думали об этом или просто воспринимаете как данность? Как промысел Божий?
- Видите ли, человек верующий свободен и смел, в отличие от неверующего, просто и рассудительно ответил его собеседник. Он не воспринимает как догму любые идеи, исповедуемые сильными мира сего, поскольку понимает, что вся сила их состоит только в возможности отнять у него хлеб и кров либо земную жизнь.

Для человека, верующего в Христа-Спасителя, его пребывание на земле лишь отрезок пути, и он всегда готов к переходу его души из мира этого в мир иной. Он этого не страшится и тем-то опасен власти, главный аргумент которой — насилие и страх. Якобы бы для блага того же человека. Он этой власти не боится вовсе, а потому и есть для нее наиглавнейший враг, а вместе с ним, конечно же, и церковь.

Отец Александр глубоко вздохнул, привычно перекрестился: — Спаси, Господи, люди твоя.

Царство Божие, где все будут равны и возлюбят друг друга, в нашем бренном мире создать невозможно, и не даст этого сделать не какой-то английский капиталист, а самый обычный человек, его греховная природа, — продолжил священник после недолгого молчания. — Идея единства живет в человечестве извечно, и всегда появлялись люди, которые старались воплотить ее в жизнь. То цари, то философы, то политические вожди. Но, увы, труден этот путь. Даже единая церковь Христова разделилась на православную и католическую, что ж говорить о другом. Первые христианские коммуны, куда люди приходили не по принуждению, но по убеждению, и те распались, слаб и греховен оказался человек для такой жизни...

Но стремиться обрести это царство можно и нужно, чтобы после жизни на земле, после Страшного суда, получить его, коль того заслуживаешь, из рук Божьих, — твердо сказал отец

Александр и вновь показался Ненашеву чудесным образом похожим на его полкового командира. — На том стоит Православная церковь. Большевики же в своих заявлениях обещают создать земной рай, причем в недалеком будущем. Им Бог совсем не нужен, они и без него надеются устроить это благо. Он и вера в Него даже мешают такому устройству, ибо раздваивают человека и смиряют его, тогда как для царства земного нужны люди «новые» — гордые, уверенные, «сильные», как они думают. Вот из этого и совершаются их нынешние чудовищные гонения на церковь и ее служителей как проповедников божественной истины. И я об этом знаю не понаслышке, хоть и не делился этим почти ни с кем.

- Так поделитесь, попросил Игорь. От меня вам скрывать нечего. Простите за простоту одного поля ягоды.
- Хорошо, после паузы сказал священник. Никому об этом не рассказывал, а вам, пожалуй, и расскажу. Самому о том давно хочется какому-нибудь доброму человеку поведать.
  - А я добрый? невольно усмехнулся Игорь.
- Конечно, серьезно сказал отец Александр. Да вы слушайте, коль просили.

Когда в нашей Пензенской губернии взяли власть большевики, стали они церкви закрывать, колокола сбрасывать. Где прошло, а где крестьяне не дали. В Лещаново народ стеной встал, те и отступились. А когда в Москве комиссара Володарского убили и Ленина-Ульянова ранили в Пензе, людей, кто побогаче, познатнее, без вины стали расстреливать. Но скажу, своих, какие проворовались, они тоже не пожалели. Без суда к стенке поставили. Потом чехи поднялись, мятеж в Пензе подняли. Слышали про их выступление?

Ненашев кивнул.

— Те даже чекистов не тронули, лишь своих, кто в чеку эту пошел служить, расстреляли и на Волгу пошли. А большевики, когда вернулись, в 1919 году лагерь в городе открыли. На улице Боголюбской, — печально улыбнулся священник. — Лагерь принудительных работ назывался. Довелось и мне там побывать по Божьему промыслу, — вздохнул он. — Три барака за колючей проволокой, полы сгнившие, стекла побиты, печи неисправные.

Хорошо хоть меня еще по осени выпустили, а зимой не знаю, как и жить бы там пришлось. Да это что... В овраге за городом настоятеля Казанской церкви из Каменки, Евгения Степановича Доброхотова, вместе с двумя его сыновьями расстреляли. Самого Владыку Иоанна в тюрьму посадили, но сохранил его Господь. — Отец Александр перекрестился. — Говорил Владыко, в камере слышно было крики людей, каких во дворе мучили-убивали, трупы под окнами лежали. Немного только до их камеры очередь не дошла... Пришло из Москвы указание убийства прекратить. Отпустили его.

- А вы как в лагерь попали, против власти решились выступить?
- По сей день не знаю. развел руками священник. Может, по доносу, а может быть, просто очередь подошла. Я там, грех жаловаться, не особо долго пробыл. Три месяца без двух лней.
  - Работать заставляли? участливо спросил Игорь.
- Мне легкая работа досталась. Вспомнил свое крестьянское детство да юность и взялся лапти плести для своих товарищей, обувка-то, считай, у всех износилась да и одежка была дыра на дыре. Сколько там пробыл, ни разу в баню не водили...
  - А как отпустили?
- Божьим промыслом... Время прошло, вызывают меня и еще двух протоиереев: отца Антония и отца Михаила, старенького уж, семьдесят пять годков на суд-допрос. Его первого к столу подводят, а мы тут же стоим. Комиссар роется в ворохе разных бумаг, видим нервничать начал. Плохо наше дело. А отец Михаил спокойно стоит, дожидается. А потом вдруг вздохнул: «0-ох, Господи!»
- Что вздыхаешь? спрашивает комиссар, а сам дальше бумагу ищет.

А отец Михаил ему говорит:

— Я вот гляжу, гляжу на вас и думаю: сколько муки-то вам из-за нас, грешных!

Пожалел, значит, комиссара. Тот ничего не сказал, но, видно, растопили его сердце ласковые слова. Наскоро нас допросил да и отпустил на все четыре стороны.

- Как так? изумился Ненашев.
- Вот так. Говорю же, по Божьему промыслу.
- А здесь вы как оказались, если не секрет, конечно? И где семья ваша?
- Оказался я здесь очень просто. Один добрый человек, знающий, сказал Владыке Иоанну, что у меня недруги есть большие, хотят вновь в лагерь отправить, а там при удобном случае и жизни лишить. Чем уж именно я так досадил, и сам не знаю, только решил Владыко Господа не искушать отправил меня в Москву, в патриархию от греха подальше, а уж оттуда меня куда потише, в Сибирь на служение послали. Сам Патриарх Тихон благословил в Томск ехать. Так вот тут и оказался.

А что до семьи... Маленький у меня как раз народился, последыш — Мишанька. Матушка меня помоложе, вот и дал радость Господь, — мечтательно улыбнувшись, перекрестился священник. — Приглядывают за семьей добрые люди, — добавил он после недолгого молчания.

Коль будет на то Божья воля, утихнет немного смута, сюда их перевезу. А может быть, и сам в Пензу вернусь. Это же родина моя — там мальчонкой ножками первый раз на землю встал, там с нее и сойти хотелось бы.

- И как же вы после этого относитесь к большевикам? Неужели простили им это все? — с сердцем спросил Ненашев.
- В Евангелии от Матфея сказано, что Бог проливает свой свет на добрых и злых, любит и добрых и злых, одних радостно, других в крестной муке. Вот такой вам ответ мой...

Христианство прекрасно, высоко, но не плохими ли мы стали христианами в мире? — после долгой паузы задумчиво сказал священник. — Свои родные, русские братья, большевики, оскверняют наши православные святыни: закрывают храмы, мучают и убивают священников. За что? Для чего? — с видимой болью спросил он у темного окна, будто сам лишь недавно не отвечал Ненашеву на эти вопросы. — Заслужили, видно, мы это. А может быть, через эти кощунства Господь хочет возвратить и нас, и самих безбожников к вере?

Ведь допустил же Отец, чтобы евреи распяли Его Сына, а потом поклонились Ему. Евангелие учит быть довольным тем,

что имеем. Ничего мы не внесли в мир с собой при рождении, ничего не вынесем из него при смерти. Кто ж не поймет? А много ль понимает? Прислоняемся волей своей к бесовской воле, а сами ропщем на Бога, что не дает нам силы одолеть напасть. А где же нам, маленьким бесенятам, победить больших бесов — большевиков?

Священник, словно после тяжелой работы, глубоко вздохнул, расстегнул крючок на рясе. Виновато взглянул на Ненашева.

- Ну вот, должен был вас утешить, а сам...
- Ничего, ничего, мягко улыбнулся Игорь. Утешить это ведь не только слезы вытереть. Вы сами не представляете, как мне помогли. Премного вам благодарен.
- Хорошо, коли так, тоже улыбнулся священник. Вы приходите еще, даже если и за полночь будет. Сплю я мало, буду рад видеть. И не думайте больше отчаиваться, это ведь смертный грех. И если покажется вам вновь, что нет Бога рядом, не верьте. Его присутствие неощутимо, нужно только ждать, терпеть, как Он терпел. Придет, не оставит.

* * *

Ненашев захаживал к священнику не часто, не желая выглядеть бестактным, но все-таки приходил, хотелось побеседовать с умным и рассудительным человеком, да и просто посидеть рядом с отцом Александром, напитаться исходящим от него спокойствием. Но времени для душевных переживаний у сельского учителя Ненашева оставалось все меньше. Их властно отодвигала в сторону великая утешительница человеческой души — работа.

Война почти не изменила деревенскую жизнь взрослых и вовсе не коснулась детей, для которых слово «белый» по-прежнему означало снег, а «красный» — завезенные в село переселенцами с Украины помидоры. Обнажились и просохли пригорки, и Игорю приходилось жаловаться родителям на Кешку, убежавшего с урока географии играть в бабки и заигравшегося так, что для возвращения его в класс пришлось отобрать у мальчишки налиток с обещанием вернуть его через неделю, если этот Кеша не будет больше убегать с уроков. Избавилась

от грязи городошная площадка за базарной площадью, и воевать приходилось уже с Колькой и Васькой, Андрюшкой и Митрофаном. А когда земля совсем уж основательно обрядилась в зелень и цветы, в близлежащей рощице приходилось вылавливать не только заигравшихся там мальчишек, но и замечтавшихся девчонок. Хорошо хоть в «воры и разбойники» те играть не любили и на речку купаться и кататься на плотах не убегали.

Нужно было успокаивать едва достающего носом до края парты Мишутку Пряхина, убеждая его, что книжка про Царевну-лягушку тоже интересная, даже для мальчиков, а когда Володя Папельцев прочтет книжку про Конька-Горбунка, он обязательно первому даст ее Мише.

В одной небольшой комнате Ненашев вел уроки сразу для двух классов: младший сидел на левом ряду парт, старший — на соседнем. Если в одном классе шел устный урок, то в другом — письменный. Игорь сразу приметил среди учеников младшего класса высокого не по летам, худощавого, непоседливого паренька с жесткой копной черных волос на лобастой голове и пытливыми черными же глазами. Звали его Александр Глебов.

Заданные классу арифметические задачки он решал, как казалось Ненашеву, когда тот еще не успевал дописать их условие на доске. После чего начинал пересвистываться с сидевшей на ветке в открытом окне птицей синицей, корчил рожицы круглолицему увальню Володе Папельцеву, дергал за косичку сидевшую впереди его Лену Самохину, а пресытившись этими занятиями, начинал прислушиваться, о чем идет речь в старшем классе. И не раз бывало, когда там никто не мог ответить на вопрос учителя, быстро, словно казачью саблю, выбрасывал вверх свою длинную руку. Ненашев кивал ему, а потом не раз стыдил старшеклассников за то, что такой мелкий парнишка знает предмет лучше их самих.

Игорь, говоря простонародным языком, души не чаял в этом мальчишке и, усмехаясь над самим собой, мечтал, что если родится у него сын... Хорошо, если б был он похож на Сашу Глебова. Мечты эти появились после того, как Наташа, сладко уставшая после ночных объятий, тихо сказала ему в темноте:

— У нас ребеночек будет. — И потерлась теплым носом о щеку Игоря. — Слава Богу, а то уж я пугаться стала. Ты мне чуть не каждую ночь спать не даешь, а все пустая. Ты не радый, а? Чего молчишь?

В тот миг вновь, как когда-то на полу Славгородской тюрьмы, Игорь остро почувствовал — Бог есть.

Вскоре ему представился случай зауважать своего любимца, Сашу Глебова, еще больше, причем при обстоятельствах весьма интересных. В Троицу на сельском празднике Ненашеву довелось увидеть великолепнейшее состязание — «бега» между пешим и конным. Рядом с сидевшим на крепкой лошади молодым крестьянином в форменном солдатском картузе и новенькой косоворотке стоял у палки-меты его соперник — босой, в легких полотняных портах и рубахе навыпуск, Саша Глебов. Позади них кучка крестьян, мужиков и мальчишек в праздничной одежде, азартно споря, заключали пари, делая ставки на одного из соперников.

- Саша, ты что делаешь? тревожно спросил подошедший к месту состязания Ненашев у своего ученика. Это опасно, и потом, у тебя нет шансов. Как пеший человек, к тому же ребенок, может обогнать конного?
- Да ты не сомневайся, вучитель, Сашка в аккурат Емельяна оббежит, рассмеялся оказавшийся рядом с Игорем высокий, слегка подвыпивший черноволосый мужик, и по знакомой веселой хитринке в его глазах Ненашев сразу понял, чей сын собирается соперничать с конным односельчанином. У нас, господин хороший, все такие. Я, правда, такой забавы не большой любитель, другое дело на столб слазать иль на кулаках с кем, а дед Сашкин на спор зайца бегом загонял.
  - Неужели правда? искренне усомнился Ненашев.
- Вот тебе и неужели, добродушно рассмеялся черноволосый. Две четверти первача отыграл. А ты говоришь...
- Вы не сомневайтесь, Игорь Вениаминович, подтвердил нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу, худой и жилистый, словно из пеньковых веревок сплетенный, тринадцатилетний Саша. Как бог свят оббегу. Хоть об заклад с кем побейтесь. Только, чур, с выигрыша мне половину.

Заинтригованный Игорь кивнул, соглашаясь, подошел к зрителям и только успел поставить на импровизированном «тотализаторе» урмановского барышника Емельянова сто рублей — вынутая из кармана бумажка оказалась куда крупнее, чем он думал, но заменить ее на глазах у мужиков значило «потерять лицо», — как рванул воздух резкий щелчок кнута и соперники сорвались с места.

Поначалу Сашка даже опередил немного конного мужика, но затем четыре лошадиные ноги быстро доказали свое преимущество перед двумя человеческими и всадник ушел далеко вперед.

— Тьфу ты, — досадливо махнул рукой Игорь. — А я еще уши развесил, сказки слушая. Понятно, пешему конного не обойти. Элементарная логика.

Однако уже очень скоро его стройное логическое построение было разрушено до основания. Дистанция деревенских бегов была невелика, но включала в себя поворот на 180 градусов. На крутой «подкове» лошадь вынесло далеко в сторону, она сбилась с ноги, и бежавший, по мнению Ненашева, просто с немыслимой для человека скоростью Сашка, вьюном обогнув вешку, вновь ушел вперед. Всадник пригорячил каблуками коня, перевел его в галоп и вновь стал настигать мальчишку. Но обогнать его времени скакуну уже не хватило.

Восхищенный Ненашев отдал все выигранные деньги оттеснившему в сторонку Сашку отцу своего ученика. А потом, порывшись в карманах, щедрой рукой вручил пареньку хранимый им едва ли не с гимназических времен швейцарский перочинный ножик.

Даже не подозревая, что очень скоро его щедрость окупится многократно, так дорого, что большей цены и представить нельзя...

* * *

Во время жизни в Урманово Ненашев только один раз видел официального представителя власти — подпитой милиционер приезжал разбирать пьяную драку с членовредительством. Окончилось дело тоже пьянкой, но уже без драки, и наутро отоспавшийся, нагруженный гостинцами служитель закона отбыл обратно в волость. Дело было закрыто ввиду примирения сторон. Не заглядывали в село и партизаны, которых, по слухам, в уезде водилось уже немало, и невесть куда исчезнувшие из села трое молодых мужиков, по другим уже слухам, отправились к ним за вольной жизнью.

Уже в конце октября крепко лег снег. Потом посыпало его день ото дня все гуще, опоясав сугробами деревенские улицы, вступила в свои права долгая сибирская зима. Дров было в достатке, съестных припасов тоже, гражданская война осталась за глубокими снегами, и казалось, что теперь ее можно не бояться вовсе. Правда, согреваться в школе стало непросто, прижимистые мужики на дрова для учения были жадноваты.

Ночью, прижавшись округлым животом к Ненашеву, Наталья не раз шептала:

- Чуешь, как ножками сукожит, мальчик будет, видит Бог, мальчик.
- Девочка тоже хорошо, сонно отвечал Игорь. Давай спи.
- Скоро сон-то пропадет у тебя, хихикала жена. Знаешь какое дите голосистое будет. Я братишку своего нянчила, так орал, хоть уши затыкай.
- Это ничего, улыбался в сладкой полудреме Ненашев. — Сейчас-то хоть дай поспать спокойно.

Однако спать спокойно ему оставалось совсем немного. В начале декабря мир вновь перевернулся для Ненашевых с ног на голову, и вестником этого события стал отец Александр.

- Очень хорошо, что вы пришли! озабоченно сказал он едва переступившему порог Ненашеву, и Игорь увидел, что не-изменно спокойный священник не просто взволнован, но серьезно испуган. Хотел сообщить вам, чтобы шли ко мне незамедлительно, но не знал как. И самому к вам идти тоже никак нельзя было.
- Да что случилось-то? недоуменно спросил Ненашев, чувствуя, как объяло холодом сердце, больно потянуло в паху. Еще не зная, что скажет ему священник, он сразу же понял пришла беда, и беда нешуточная.

- Убить вас мужики хотят.
- Откуда известно? забыв снять с головы шапку, опустился послабевшим телом на стул Ненашев.
- Сказал один тут, Сашки, вашего ученика Глебова, отец, присел рядом на табурет священник. Грех беру на душу, что вам говорю, на исповеди сказано было, но коль сподвигнул Господь меня все ж вам об этом сказать, думаю, простит Человеколюбец. Да и Василий этот неспроста, видать, покаялся, раньше-то в церковь не часто ходил. И, по чести сказать, не он один. Против российского мужик здешний куда реже в церковь ходит, исповедуется, причащается. Хватает и таких, что вовсе в Бога не веруют. Считают, сами сила, никто им не гроза, не указ. Храм Божий пуст, проповедь священника глас вопиющего в пустыне.

Да что это я! — спохватился отец Александр. — Об этом ли сейчас? Так вот, говорит этот Василий, жалко вучителя, хороший мужик, хоть из господ, а иначе никак нельзя. Сам, говорит, не хочу, а против общества никак нельзя, со свету сживут, облегчите душу, батюшка.

- Да за что же убить? с тяжелой тоской спросил Игорь. За что им меня убивать? Кому я здесь что плохое сделал?
- Не за что, а почему, грустно улыбнулся священник. Так сказать, не по злобе, а из хозяйственных соображений. Скоро красные вернутся, а с чем нашим урмановским мужикам их встречать? Из других сел выступали против Колчака, а наши поостереглись, за хозяйства свои побоялись, что пожгут. Они ведь им и жизни, и души дороже, хозяйства те. Теперь вот хотят перед новой властью оправдаться. Знают же, что вы офицер бывший, скажут, следил за нами. Не давал народному делу помочь, подбивал против Советской власти выступить, если вернется, наганом стращал. Так мы не испугались и сами его, товарищи... За вас мы. Старики хотят Ивана Мясоедова попросить, чтобы он вас убил.
  - А кто это? вяло поинтересовался Ненашев.
- Да самоход, как здесь говорят, каторжанец, махнул рукой отец Александр. Про таких мужики говорят: хорошо б

задницей о стенку. И сам жив, и другим жить не мешает. Вот он, думают, для такого дела и сгодится.

- Что же делать теперь? так же вяло спросил Игорь.
- Бежать, что ж еще. Я тут и кошеву приготовил. Сподобил Господь в уезд собраться, а я, по его милости, и на людях это говорил. Так вы домой теперь, хозяину не говорите ничего, собирайтесь и с утра, до петухов, ко мне. Побежим! усмехнулся священник и неожиданно по-молодецки подмигнул Игорю. Драпать надо, Игорь Вениаминович. Ничего, не тушуйтесь, мне оно дело привычное.
- А как же Наташа? недоуменно спросил Ненашев. Она ведь в положении. Ей уже рожать скоро. Как ей в такую пору, по такой дороге?
- И об этом не беспокойтесь, деловито заверил его отец Александр, на мгновение превратившийся из служителя церкви в бравого командира полковой команды разведчиков-охотников. И на такой случай выход имеется. Доставлю до Томска, как говорят мужики, в чистом виде. А там уж как Божья воля...

* * *

Большие расстояния и необходимость ездить не только днем, но и ночью привели к появлению в Сибири особых экипажей, приспособленных к местным условиям. Такая кошева была длиннее обычной, с косым изгибом бортов, специально для защиты седока от холода снабжалась особым фартуком и козырьком, а внутри обшивалась киргизской кошмой. Имелась такая замечательная повозка и у настоятеля урмановской церкви отца Александра, в миру Александра Тихонравова.

* * *

Какой ни будь долгой дорога, конечный пункт имеется у любой. Неожиданно мало помыкавшиеся в пути спутники прибыли в Томск в самый канун вступления в него частей пятой армии большевиков, 20 декабря 1919 года.

— Вот, — сказал, открыв им дверь, Колокольников. — Полюбуйтесь. — Он взмахнул зажатой в руке трубкой газеты. — Полюбуйтесь на это!

- Можно мы все-таки в квартиру пройдем? устало улыбнулся Ненашев, придерживая под локоть едва державшуюся на ногах Наташу. С дороги, знаете.
- Конечно, конечно, смутился Колокольников. Вы уж извините. Я... Тут... Сейчас я чайник поставлю. Вы как...
- Я прилягу пойду, тихо сказала Наташа. Слаба стала совсем.
- Конечно, конечно, засуетился профессор. Вы уж извините меня, тут у нас такое... Вся власть из города бежала, чего и ждать теперь... Только парад военный, на пути к победе, дескать, и вот... Страшно мне, Игорь Вениаминович. Ругаю себя за слабость, а сделать с собой ничего не могу. Страшно и все.

* * *

13 октября 1919 года в Томск был доставлен из Бийска молодой человек, называвший себя цесаревичем Алексеем. Это был первый претендент-самозванец на место убитого в Екатеринбурге наследника престола — телеграфист из Кош-Агача Алексей Пуцято.

На вокзале был выстроен почетный караул, который возглавлял военный министр генерал Иванов-Ринов.

Самозванец устроился со всеми удобствами в дорогой квартире в центре города, и бесконечной чередой потянулись банкеты, молебны, выезды в театр и, конечно же, богатые посетители, с радостью готовые жертвовать на нужды новоявленного «цесаревича». Пуцято рассказывал им, что ему удалось бежать от большевиков на одной из станций между Екатеринбургом и Пермью в 1917 году. Затем его приютили некие «преданные люди», после он пробирался на восток и, лишь оказавшись в тылу у белой армии, рискнул назвать свое «настоящее имя».

Однако ему не повезло. В это время в Томске находился бывший преподаватель цесаревича швейцарец Пьер Жильяр. Самозванца посадили под арест, но до выяснения всех обстоятельств держали на достаточно привилегированном положении.

А начавшаяся фарсом поздняя томская осень 1919 года стала стремительно превращаться в трагедию. Начало положила

стихия. 4 ноября в городе случилось уже не раз переживаемое им ранее сильное наводнение, помешать которому не смогла и построенная перед германской войной дамба. Было сорвано с причалов несколько барж и пароходов, паромов, унесено много дров и других грузов, имелись и человеческие жертвы.

Вслед за водой разбушевавшейся Томи в город хлынули пока еще первые вестники возвращавшихся в него большевиков. Сначала это был штаб 1-й Сибирской армии под командованием генерал-лейтенанта Анатолия Пепеляева. Вслед за ним из Омска прибыло Министерство народного просвещения.

Однако власть все еще пыталась делать вид, что ничего особенно страшного пока не происходит, и в доказательство этому по случаю годовщины образования Российского правительства 18 ноября на Ново-Соборной площади был проведен военный парад. Через три дня после этого начались массовые выезды из города на восток беженцев и жителей Томска. На следующий день, 21 ноября, из города ушли чехословацкие войска.

28 ноября генерал-майор Пепеляев распорядился о воспрещении выезда из Томска мужчин, разрешив эвакуацию только раненым, больным и семьям военнослужащих.

5 декабря совещание гласных городской думы и представителей общественных организаций приняло решение создать комитет самоохраны и народное ополчение. На следующий день из Томска в Иркутск выехал епископ Томский Анатолий с келейниками, сопровождая святые мощи Иоанна Тобольского.

17 декабря 1919 года городская дума в экстренном заседании постановила, ввиду отъезда из Томска представителей государственной власти и армии, принять на себя всю распорядительную власть и образовать Комитет общественного порядка и безопасности. А уже на следующий день только что созданный комитет постановил «признать свою деятельность прекращенной» ввиду того, что воинские части города перешли на сторону военно-революционного комитета, а названный комитет взял на себя дело охраны города.

21 декабря 1919 года вышел в свет последний номер газеты «Сибирская жизнь», на первой полосе которого сообщалось, что «ввиду невозможности продолжать издание «Сиб. Жизни»

издательство и редакционный комитет временно приостанавливают выпуск газеты с 21 декабря 1919 года».

* * *

— «Начавшееся разграбление станции Омск продолжалось весь день 14 ноября, — читал вслух Колокольников присевшему на краешек кресла Ненашеву и прилегшей на диване, придерживающей округлый живот Наталье. — Разграблены были интендантские склады, железнодорожные пакгаузы и груженые вагоны на путях. Тащить начали солдаты, поощряемые офицерами, а к ним присоединились уже разные темные личности из гражданских и железнодорожных служащих. Тащили чай, табак, бумагу, хмель, орехи, сахар, масло...»

Он закашлялся и, прервав чтение, вынул носовой платок.

— Извините, опять разволновался. Так вот дальше. «... Мыло, крупу, обувь, кожу, мануфактуру и много других товаров. Солдаты тащили в свои вагоны, перегружая их разным ненужным хламом, а начальство поощряло и даже принимало само участие в этом преступлении.

Притащив к себе партию товара, солдат не делился им со своими товарищами, а сейчас же открывал торговлю и продавал тем, у кого не хватило смелости самим обзавестись товаром этим способом. Ограбленный товар покупало у солдат и начальство по дешевой цене, оправдываясь тем, что они участия в грабеже не принимали».

Все, — сложил вчетверо газету Владимир Семенович, медленно и аккуратно положил еена письменный столик. — Большевики победили везде. И на фронте, и в душах абсолютного большинства наших соотечественников. Эти мародеры в Омске никакие не колчаковцы ни те, кто грабил, ни те, кто покупал, а такие же большевики. Отбросы общества с офицерскими погонами на плечах. Теперь московские владыки пришли навсегда, уж на наш век точно. Мешать им больше некому — все у них.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

25 декабря 1919 года в Томск вновь пришла советская власть, а на другой день у Натальи и Игоря Ненашевых родилась дочь Ирина.

Впервые увидев ее на руках у Наташи, Игорь онемел от восторга и щемящей сердце жалости. Он смотрел на маленькое красно-синее лицо с крепко зажмуренными глазами, крохотным носиком и кукольными губами, на нежно-желтый одуванчиковый пушок на ее голове и понимал с абсолютной, какой-то хрустально-чистой ясностью, что это он сам, вновь рожденный Игорь Ненашев. Теперь ему вновь придется познавать мир, идти к людям. Но к кому? К сумасшедшим, убивающим и калечащим друг друга из-за аморфных идеалов или стопок разноцветной резаной бумаги? Нет. Это страшно. Невозможно это.

Бежать туда, где болезнь эта еще не выплеснулась наружу, сдерживаемая законом и традициями? Покинуть Отечество, но уберечь вот эту новорожденную часть себя самого...

- Что с тобой? сквозь «ватную» пробку в ушах услышал он голос жены. Ты посмотри, какая она хорошенькая, дочурка твоя.
  - Моя, только и сказал Игорь. Моя...
  - Возьми ее на руки.
  - Я?.. Я боюсь.
- Эх ты, снисходительно-довольно улыбнулась Наташа. — А еще офицер. Бери, не бойся.

Ненашев с величайшей осторожностью, словно мортирную бомбу, принял из рук жены укутанного в старенькое одеяло нового человека. Чего бы там ни происходило в мире, сейчас они были вместе...

* * *

В тот же день постановлением Томского ревкома были распущены городская дума и управа. Начались преследования участников белого движения. Вблизи станции Томск-2 был организован лагерь для пленных солдат колчаковской армии. «До окончания гражданской войны» были заключены в концлагерь видные томские предприниматели — Фуксман, Горохов, Вытнов, Кухтерин. Заработали чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью. По постановлению томской ЧК без суда и следствия — в шестидесятишестилетнем возрасте — был расстрелян видный общественный деятель, журналист, исследователь Сибири Александр Васильевич Адрианов.

В первой половине января 1920 года был арестован директор института исследования Сибири Сапожников, но вскоре по ходатайству работников института он был освобожден. Сотрудники института уже давно не получали жалованья, но продолжали работать. На лето 1920 года намечалась двадцать одна экспедиция, в том числе восемь естественно-исторических и две бальнеологические — Томская радиологическая и Среднеалтайская.

* * *

В один из дней середины марта профессор Колокольников вернулся с лекций раньше обычного. Непривычно молча отдал Наташе пальто в передней, разулся, надел тапочки, прошел в гостиную и, усевшись на стул, принялся фальшиво насвистывать «Боже, царя храни...».

- Что с вами? удивленно-встревоженно поинтересовался Ненашев.
- Уволили меня из университета, Игорь Вениаминович, как нежелательного для советской власти элемента. Да не меня одного, людей куда заслуженнее профессоров Аносова, Грибовского, Залесского, Иванова... В общем, все мои дела и жизнь тоже псу под хвост, вяло махнул рукой Владимир Семенович. Средств существованию более не имею... Буду себе новое занятие подыскивать.

— Да где же вы его по нынешним временам найдете-то? — вздохнул Игорь. — Теперь я буду этим заниматься, по крайней мере, я вас помоложе.

* * *

На следующий день Ненашев принялся месить ногами расквашенный грязный снег. Обошел, как ему показалось, едва ли не весь город, но никакой работы отыскать не удалось, несмотря на то что побывал он и на Евграфовской, и на Большой и Малой Королевской, Дроздовской, Ереневской и других, названных в честь городских купцов улицах, которых в Томске, по словам Колокольникова, насчитывалось вместе с переулками более полусотни. Большинство лавок было закрыто, а в оставшихся, лишь взглянув на него, торопливо махали руками: «Нет, нет, господин хороший, нет для вас никакого дела».

Утром вместо шинели он предусмотрительно надел невесть какими путями попавшую в дом профессора Колокольникова старенькую сибирку из потертого синего крепа. Неумело застегнул на левой стороне крючки, по- рабочему заправил в сапоги специально не глаженные костюмные брюки. Помогло мало. Косились на него рабочие в тяжелых пальто и полушубках, с хмурой подозрительностью поправляли ремни винтовок поспешавшие по своим военным делам красноармейцы. А уж ушлых приказчиков не то что потертая сибирка и брюки в сапогах, комиссарская кожаная куртка на Игоре не обманула бы — людей не по одежке, по взгляду приучены были определять. У Ненашева же взгляд был откровенно «бывший», и поделать он с этим ничего бы не смог, если б даже и захотел. Владимирская библиотека не дала бы.

Увидев табличку с надписью «Бочановская улица», Игорь свернул было на нее, но, сделав несколько шагов, остановился. Вспомнил, как, рассказывая о Томске, профессор упомянул и об этой его достопримечательности. Бочановская была в городе «улицей любви», на которой после начала золотодобычи в Сибири один за другим стали открываться дома терпимости, и перед мировой войной здесь насчитывалось около десятка таких заведений.

«Тут уж для меня точно места не предусмотрено, разве что польки на рояле бренчать, но с этим я еще подожду, пожалуй», — решил Ненашев.

Идти в университет не имело смысла, спрашивать работу на заводе или фабрике он попросту остерегался.

Игорь глубоко вздохнул, представив огорченно-жалостливый взгляд Наташи, безнадежно пошарил ладонями в карманах сибирки, наверняка зная, что ни папирос, ни табаку он там не найдет, и медленно двинулся в сторону дома Колокольникова.

Уже темнело, и вместе с окутывавшей город мглой все сильнее давила на сердце тоска. «Не оставь меня, Господи, — повторял, шагая по почти обезлюдевшим улицам, Ненашев. — Дай почувствовать присутствие твое. Не дай впасть в уныние. Укрепи, Господи. Все вытерплю, не оставь меня только».

Он поднял глаза от земли и увидел растянувшуюся над черным маревом уличного канала редкую цепочку тусклых фонарных огоньков. Словно ниточку путеводную... А в нескольких шагах от себя темную сутуловатую фигуру с лестницей на плече, с керосиновым бидоном в одной руке и горящей лампой в другой.

«Надо же, фонарщик, — с изумленной улыбкой подумал Игорь, чувствуя, как прихлынули к глазам слезы. — Это же просто чудо какое-то. Не помню только, что это значит, к счастью или к несчастью его встретить».

Что это означает для него лично, Ненашев узнал очень скоро.

— Эй, парень! Тебе говорю, — ожег холодом сердце донесшийся из-за спины голос.

«Патруль? Поведут в чека или...»

Он медленно повернулся и увидел махавшего ему рукой из раскрытых дверей какого-то лабаза пожилого коренастого мужика в припорошенной мучной пылью рабочей тужурке.

— Чего ты как рыба тухлая! — недовольно крикнул тот. — Заработать не хочешь, а то нам самим быстро не управиться? Делов на час, а деньги хорошие.

Через пару минут успевший с непривычки быстро вспотеть Ненашев торопливо грузил мешки с мукой на стояв-

шие во дворе лабаза телеги. Быстро и молча работали рядом с ним двое молодых мужиков- грузчиков, редко и тихо ругался сквозь зубы не отстававший от них пожилой. Через час Игорь почувствовал, что, если поработает в таком темпе еще немного, он просто упадет от изнеможения. Подгибающиеся при ходьбе ноги мелко дрожали, не желая слушаться своего хозяина, выскальзывала из скрюченных пальцев горловина какого уже там по счету мешка, а мужики, словно только лишь приступив к работе, продолжали действовать сноровисто и неутомимо...

* * *

Водка кончилась быстро. Выпивший лишь первую порцию, Ненашев решил посидеть немного со своими новыми товарищами, чтобы не показаться невежливым, и теперь, тихо ковыряя щепкой снег под керосиновым светом фонаря, придумывал причину для ухода.

Пожилой рабочий, полузакрыв глаза, тихонько напевал:

— Уж ты удаль, моя удаль, Молодецкая душа. Не сгубили меня люди, Сам загинул, парень, я.

Любил да красну девицу, Хороша она была, Я хотел на ней жениться, Хотел замуж ее взять, Но отцу не приглянулась, Не женил отец меня.

С того горя, с той досады Начал водку, водку пить. Отец видит: дело плохо, В рекруты меня отдал...

Худой парень в стареньком полушубке по имени Кирилл молча курил трещавшую дешевым самосадом самокрутку. Его приятель, раскрасневшийся здоровяк с круглым, как подсолнух, конопатым лицом, Никита, сцедил с донышек бутылок в свой стакан последние капли живительной влаги, переправил ее в засаленный рот. Затем с видимым удовольствием разбил пустую посуду о кирпичную стену. И наконец, перебив на полуслове старика, пьяно улыбаясь, заявил:

— А я вот сам песню сочинил. Как этот, князь-то бывший, Толстов. Только пошибче, позабористей. Слышь, господин, — крепко пихнул в плечо Игоря. — Как тебе песня моя глянется?

— Чики-чики ножик вострый

Баринку под ребрышко,

Чики-чики барыньку

В мяконькое гнездышко.

Улыбаясь в лицо побледневшему от бессилия Ненашеву, он довольно захохотал, стукнул кулаком по ящику.

— Давай-ка, ваше благородие, еще неси. Чего ждешь-то? Притомился, что ль? Правильно. Это тебе не на мужицкой шее ездить. — Он злобно сплюнул себе под ноги и уже с нескрываемой угрозой выдавил: — Уши, что ль, законопатило? Неси давай.

Смешавшись в единый комок, клокотали в груди Ненашева страх и бешенство, но он сумел пересилить себя и ответил конопатому почти миролюбиво:

- Да где ж я денег столько наберу? Дал уже, хватит. Мне ведь, как и вам, семью свою кормить надо. Дочка у меня маленькая совсем...
- Не сдохнет твоя семейка, белогорлик, чувствуя свою силу и безнаказанность, грубо пихнул его ладонью в плечо Никита. Наши ж не померли, когда вы с нас кровь сосали. Теперь пусть твои поголодуют.
- Вы на меня не кричите, поднялся с ящика Игорь и, не имея больше силы сдерживаться, добавил: И не пихай меня, понял? Сказал, не пойду, значит, не пойду. Бывайте здоровы, Павел Семенович, кивнул он пожилому и сделал шаг к выходу из двора.

Навстречу ему, медленно опустив руку в карман полушубка, встал Кирилл. Никита, гадливо улыбаясь, умело выставил вперед плечо, подступая с другой стороны.

«Эх, был бы у меня мой браунинг, полыбился бы ты сейчас», — только и успел подумать Ненашев...

* * *

Он с трудом поднялся на ноги, выплюнул сгусток крови из разбитого рта.

— Еще надо или хватит покуда? — поинтересовался Кирилл. — Спасибо скажи, ваш бродь, что я тебя кастетом не приголубил, дите твое пожалел. Иди, пока Никита ослаб.

«Ослабевший» от удара затылком о бревенчатую стену, Никита тяжело помотал головой, уперся подгибающимися руками в землю, хрипло заматерился:

- Порешу суку.
- Иди-ка домой, мил человек, тронул Игоря за плечо пожилой мужик. Не дай ребятам грех на душу взять.

Ненашев отвел от плеча его руку, нетвердым шагом вышел за ворота. Вынул из кармана носовой платок, высморкался, словно шинель, оправил сибирку и, стараясь держаться ровно, быстро пошел домой.

Браунинга на привычном месте не оказалось. Игорь перерыл все вещи в ящике комода, потом выбросил их одну за другой на пол. Пистолета не было. Ненашев глухо зарычал от ярости и бессилия, припоминая, что в кухне у Наташи должен быть только что принесенный ей от точильщика хлебный нож.

«Сумею ножом-то? — мелькнуло в голове у Игоря. — А, ладно, как-нибудь. Штыком же мог... Главное, чтобы Наталья ничего не заметила. Волноваться будет, а ей вредно...»

- Ты чего ищешь, Игореша? услышал он за спиной озабоченный голос жены.
- Вещь тут одна у меня была, исчезла куда-то, не оборачиваясь, чтобы она не увидела его разбитого, уже начавшего опухать лица, как мог спокойно сказал Игорь. Да бог с ней.
- Револьверт я спрятала, опустилась она на колени рядом с ним. Дай-ка посмотрю, что у тебя тут.

Быстрыми пальцами ощупала его лицо, вздохнула горестно, а затем деловито сказала:

- Тебе надо примочку под глаз свинцовую сделать и водки полстакана выпить. У нас дядька любитель был подраться, так он завсегда так делал.
  - Дядька? тупо спросил Ненашев.
  - Ага, Савелий Прокопьевич.

Игорь посмотрел в ласково-печальные, все понимающие глаза жены, вытащил из кармана сибирки несколько смятых ассигнаций.

— А я тут вот... — сунул их торопливо в руку Наташе и заплакал, пачкая разбитыми губами ее шею.

Глава вторая

Долгая зима сменилась такой же долгой, капризной весной. То чернило сугробы, скалилось в лужах остроглазое солнце, то сыпал мелкий колючий снежок, передавая вахту такому же мелкому колючему дождю, и опять грело землю и душу успевшее соскучиться по работе мартовское солнышко. Природа, словно беременная женщина в преддверии родов, сама не знала, чего же ей все таки хочется — «рассолу» то ли «конфекту», и наконец-то выбрала, разродилась. Появился на свет веселый красавец, услада самого заскорузлого сердца, принялся ласкать теплым ветерком обнажившуюся от снега землю красавец апрель.

В один из первых его дней ранним утром Игорь опять вышел на улицу в поисках новой работы. Куда идти, он не имел ни малейшего представления, потому брел, шаркая подошвами по скукожившейся от ночного холода земле, рассчитывая на один лишь случай. И тот не замедлил появиться из-за угла обшарпанного дома в образе худощавого молодого мужчины, в перетянутой ремнем с револьверной кобурой длинной кавалерийской шинели.

Сухое длинное лицо этого человека, широкий волевой подбородок, по-татарски узкий разрез холодных глаз показались Игорю знакомыми. Он было замедлил шаг, но тут же вспышкой мелькнуло в голове воспоминание о дорого ему стоившей случайной встрече с прапорщиком Пономаревым. Ненашев почувствовал себя так, будто плевка на перилах ладонью коснулся, судорожно повел плечами, опустил голову и тут же услышал такой же знакомый, как и это лицо, голос.

— Простите великодушно. Ваша фамилия Ненашев? Игорь Вениаминович?

Игорь ощупал взглядом латунную пуговицу на командирской шинели, вяло скользнул глазами повыше на белое, чисто выбритое лицо.

— Были вместе в команде выздоравливающих в Смоленске. Сентябрь 15-го года. 71-го Белевского полка подпоручик Корицкий, — приветливо-деловито сообщил краском. — Помните?

«Ну вот, опять начинается», — обреченно подумал Ненашев, но в прятки играть не стал. Молча кивнул головой.

- Рад видеть вас в добром здравии, словно и не заметив его холодности, все так же приветливо продолжил собеседник и, стянув с руки кожаную перчатку, протянул Игорю длинную сухую ладонь. Вижу, вы не в армии, жаль. По мнению, которое у меня сложилось от нашего с вами знакомства в Смоленске, вы просто природный военный, особенно для штабной работы. Такой способности к логическому мышлению, умению систематизировать и правильно оценивать полученные данные...
- Нет, я не в армии, не особенно деликатно перебил его Игорь, решив прекратить ненужный и уже становившийся опасным для него разговор в самом его начале. Упоминаемого вами доброго здравия у меня как раз не наблюдается. Контузия, знаете. Нервная система расшатана.
- Контузию у Колчака на службе получили? не стирая с лица чуть заметной улыбки, деловито поинтересовался собеседник.

«Вот оно», — механически подумал Ненашев, выпрямился и, вытянув руки по швам, отчеканил:

- Никак нет, товарищ командир! У Колчака не был. У Гришина-Алмазова получил, во время службы в Славгороде, в сентябре 1918 года.
- Перестаньте, Игорь Вениаминович, поморщившись, махнул рукой Корицкий. Только встретились, а вы уже ерничаете, как и в Смоленске. Я ведь вас тогда хорошо запомнил и с тех пор, верите нет, испытываю к вам симпатию и уважение. Я ведь тогда войны только понюхал, как солдаты говорят, а вы уже с опытом были. «Владимира» вам, помню, в госпитале вручали. Мундштук вы мне еще тогда подарили, потерял я его, правда, где-то.
- Я не враг вам, поверьте уж на слово, внимательно посмотрел он в глаза Ненашеву и вновь улыбнулся. Скажите лучше, как поживаете? Контузия действительно серьезная? И потом подождите, как это в сентябре в Славгороде? Там же тогда боев не было, прочно чехи и временщики стояли.
- Контузия, Николай Иванович, обычная, припомнив, пока Корицкий говорил, его имя и отчество, ответил Игорь, неожиданно для самого себя решив разговаривать с этим человеком прямо, без обиняков, положившись на Божью волю и судь-

- бу. И получил я ее не в сражении, а во время мужицкого бунта, прошу простить, выступления революционных крестьян. После того в армии уже не служил. Прятался от призыва в колчаковские войска, был недолго сельским учителем, а теперь, по сути, никто. Не имею даже возможности жену с маленькой дочкой содержать. Пробовал было грузчиком даже трудиться не вышло. Не принял меня гегемон-пролетариат. Вышел вот подыскать работу хоть какую-нибудь и вас встретил. Уж не знаю, к счастью иль к несчастью? уже совсем без обиняков неожиданно для самого себя заявил он.
- Так ведь сейчас объявлен призыв бывших офицеров в Красную армию, словно и не услышав последних слов Ненашева, деловито сказал Корицкий. У нас и те есть, кто у Колчака служил, а уж Гришин-Алмазов и вовсе дело давнее, да и невелика была фигура. Вы поймите, Игорь Вениаминович. Краском легонько взял Ненашева за рукав пальто. Пришла новая жизнь, с новыми реалиями, и пришла, поверьте мне, всерьез и надолго. В ней нужно жить, а не витать в каких бы то ни было мечтах и иллюзиях. Подумайте об этом с присущей вам логикой, ведь убежденным бескомпромиссным врагом советской власти вы наверняка не являетесь. И если здоровье позволяет...
- В Красную армию? дернул щекой Ненашев. Слуга покорный в ней служить. Он увидел, как напряглось лицо его собеседника и, решив не дразнить больше гусей, добавил: Как, впрочем, и в любой другой. Не знаю, поймете вы или нет, но мне сейчас проще самому встать под пулю, чем послать ее в другого человека. Хватит, хрипло выдавил Игорь из себя последнее слово. Видит Бог, хватит...

Он вынул из кармана застиранный, но чистый носовой платок, вытер подрагивающей рукой лицо.

- Извините...
- Я вижу, вы разволновались. Похоже, действительно не вполне здоровы, участливо посмотрел на него Корицкий. Давайте отложим этот разговор. С контузией шутки плохи, по себе знаю. Но я вам предлагаю к нему вернуться. Я не на последнем счету в Красной армии, по старым меркам генерал, начальник всех военных учебных заведений в Сибири, и, думаю, смог бы помочь

вам найти работу по вашим силам и возможностям, причем, вероятно, без стрельбы.

Он расстегнул висевшую у него на боку полевую офицерскую сумку, вынул из нее блокнот и карандаш. Нашел чистую страницу, торопливо начеркал на ней несколько строк.

— Вот, возъмите записку. Придете с ней по указанному адресу завтра в шестнадцать ноль-ноль, вас пропустят. Не придете, ваше дело. Все равно призовут. А вот уж с кем вы тогда будете перестреливаться, с поляками или врангелевцами, и не скажу. Не от меня зависит.

* * *

- Не ходи, просто сказала Наташа. Не помрем с голоду. Найдем небось себе пропитание.
- А как? с тоской спросил Игорь. Всюду стена. Не хочешь, а пойдешь... Дай Бог поможет, он вроде бы хороший человек, на германской вместе были. Это дорогого стоит.
- С тем, что на свадьбе-то у нас, ты тоже был на германской той, твердо поджав губы, сказала жена. А он тебе как помог, неужто запамятовал?
- Это с каких пор бабы мужикам перечить стали? нахмурив брови, посмотрел на нее Ненашев. С печальной улыбкой притянул жену к себе, осторожно погладил пальцами ее висок. Некуда нам деваться, ласточка моя, пойду. Не все ж люди на земле мразь. Если совсем никому не верить, лучше, наверное, сразу удавиться.
- Глупостей-то не говори, откинув голову назад, строго взглянула ему в глаза она. Удавиться. Что за слово такое? Решил, так иди уж, держать не стану. Только не глянется мне это, Игореша. Подальше бы уж лучше от этих-то...

* * *

Корицкий стоял у конторки, внимательно проглядывая разложенные на столешнице бумаги. Кивком головы поздоровавшись с Ненашевым, он сложил их в аккуратную стопочку, несколько секунд задумчиво глядел в окно. Затем, словно очнувшись от забытья, показал Игорю рукой на покрытый облупившейся желтой

краской неудобный канцелярский стул у такого же скучного канцелярского стола.

- Садитесь, поговорим, пока я располагаю временем. Хотелось бы помочь в меру возможностей своему бывшему сослуживцу. Вижу, вы о чем-то хотели бы спросить? пристально взглянув в глаза Игорю, улыбнулся он. Спрашивайте, не стесняйтесь. Расставляйте, как говорится, точки над и.
- Прямо спрашивать? будто не заметив приглашения садиться, прищурился, словно перед выстрелом, Ненашев.
- Можно и прямо, уже без улыбки ответил краском. Коль про честь офицера не забыли, не думайте, что у других память короче вашей.
- Хорошо. Ненашев взглянул зачем-то в окно, провел ладонью по брюкам, затем твердо взглянул в глаза начальнику Сибвуза. Тогда вы, вероятно, знаете, какой вопрос интересует меня в первую очередь?
  - Думаю, что знаю. Почему я у красных, не так ли? Игорь молча кивнул.
- Что ж... Попробую вам объяснить как смогу. Да вы садитесь, закуривайте, вновь показал рукой на табурет Корицкий. Не часто, знаете, с образованным человеком общаться приходится. И верите ли, я даже доволен, что вы задали мне этот вопрос. Ведь для меня главное, чтобы именно такие, как вы, меня если не приняли, то поняли хотя бы.

Он медленно прошелся по комнате, сложив в замок руки, хрустнул костяшками пальцев, словно разминаясь перед тяжелой работой или дракой, затем уселся за стол напротив Ненашева, внимательно посмотрел ему в глаза.

— Предки мои принадлежат к татарскому роду Корицких, — спокойно и размеренно начал краском. — Согласно польскому гербовнику, это один из самых знаменитых княжеских родов польско-литовских татар, предком которых был кыпчакский хан Эдигей. Дед мой Матвей Корицкий служил в уланах, участвовал в сражениях с французами и, кроме прочих наград, имел медаль за взятие Парижа. Отец дослужился до генерала, и по сей причине мне его едва удалось спасти от расстрела. Человек с такой родословной и биографией дол-

жен был бы, по всем понятиям, сражаться против большевиков, а я служу им. Парадокс, верно?

Ненашев вновь молча кивнул.

— А вместе с тем ничего странного, по крайней мере для меня, здесь нет. И, пока есть свободное время, попробую объяснить почему. Вот вы знаете, Ненашев, в городке, где я гостил в юные годы у своей тетушки, ни один престольный праздник не обходился без драк. Когда дрались между собой пьяные мужики, это мало кого интересовало. Слабое развлечение. Но частенько случались стычки более мерзкие и страшные.

Отказала, скажем, девка парню, эдакому ухарю-молодцу, загорелось у него сердечко ретивое, собрал этот подлец своих дружков, таких же подлецов, и идут они к дому этой барышни. Высаживают в нем окно и ждут, когда хозяин выбежит, чтоб душеньку потешить — избить его до полусмерти, а то и до смерти. А еще лучше, если гости у него в то время будут, чтоб и их отмутузить. И уж совсем хорошо, если хозяин не с пустыми руками выскочит, а, скажем, с безменом. Тогда его вообще в землю втопчут. Как же, на тихих добрых людей с безменом мерзавец выскочил...

- Не пойму, к чему вы это мне рассказываете, Николай Иванович, усмехнулся Ненашев. Я же не в Англии родился и жил, наслышан о таких делах был с детства, да и видеть, к несчастью, приходилось.
- А не приходилось вам видеть, кто и как таких лихих ребятишек останавливал? поинтересовался с такой же усмешкой Корицкий. Нет, не полиция. Та обычно позже появлялась. А останавливали их соседи этого несчастного, то есть мужики с топорами. И вот когда они появлялись, все буйство этих молодых подонков мгновенно утихало и исчезали они тут же самым волшебным образом.
- Почему? словно удивляясь собственному вопросу, поднял вверх брови краском, а затем твердо постучал по столу указательным пальцем. Да потому, что видели перед собой силу, выступать против которой означало только одно смерть или, в лучшем случае, тяжелое увечье. Так и в российском масштабе: выйдет против пьяной банды, заметим, не большевиками выпущенной на улицу, а просвещенными либерал-демократами, чело-

век с топором, и банда эта перестанет существовать. Только так и никак иначе. Это и есть власть, которая нужна сегодня. Без нее от России останется один прах.

Корицкий вновь твердо постучал указательным пальцем по столу, словно утверждая таким образом высказанную им идею, поднялся с табурета.

- Вот почему я, офицер и дворянин, которому, говоря между нами, абсолютно чужда как российская, так и мировая революции, пошел еще в декабре 17-го к Ленину и Троцкому. И не я один. То же самое сделали такие известные люди, как генерал Брусилов и ряд других наиболее здравомыслящих военных. Скажем, командующий вооруженными силами Республики в Сибири Василий Иванович Шорин. На германской войне полковник и георгиевский кавалер, ныне краснознаменец. А несколько мне знакомый генерал генштаба Балтийский, одним из первых вступивший в Красную армию, говорил, что он и многие другие офицеры служили царю, потому что считали его первым среди слуг отечества, но он не сумел разрешить стоящих перед Россией задач, оказался слаб для этого и отрекся.
- Не могу не согласиться. Думаю, что в управлении Николая Романова повторилось то же, о чем писал в своей записке екатерининский канцлер Никита Панин о правлении Петра Третьего: «Сей эпох более всего примечателен большими приключениями при малых делах и управлением припадочных людей», заметил успевший несколько расслабиться Ненашев и показал рукой на портсигар на столешнице. Вы позволите?
- Да, конечно, кивнул головой мало прислушивающийся к его словам начальник Сибвуза и тут же вновь заговорил о том, что, похоже, занимало его давно, но подходящего собеседника, способного выслушать и оценить по достоинству его рассуждения, все это время не находилось.

Николай Второй был обречен на гибель, — жестко резюмировал он. — Знаю со слов матери, которая, можете себе представить, была фрейлиной ее императорского величества, встречи с полковником Романовым как с частным лицом для многих были небезынтересны, но и только. Хороший семьянин? Пожалуй. Если считать безусловное подчинение жене и пребывание

под ее немецким башмаком семейным достоинством, то он им, конечно, обладал.

Трусость и предательство — вот главные черты его царствования. Случалось общественное негодование или народ принимался бунтовать, тут же уступал трусливо и непоследовательно. Сильных независимых людей боялся, прятался от них за спиритическим столом или ворон стрелял в Царском Селе. А между тем судьба посылала ему предостережения, на которые он, просто как образованный человек, обязан был обратить внимание. Ведь пятый год показал ему, чем может грозить русский бунт, по словам Александра Сергеевича, бессмысленный и беспощадный.

И что же он сделал? — запальчиво ткнул пальцем за окно Корицкий. — Стал выставлять одного за другим в руководители внутренней политики в государстве ничтожнейших людей — Горемыкина, Штюрмера, князя Голицына. И все равно судьба была к нему еще долго благосклонна. Ему, по евангельскому изречению, вина прощалась семьдесят семь раз.

Народ простил ему Ходынку; он удивлялся, но не роптал против войны с Японией. Отнесся к нему с доверием в начале войны с Германией. И все это он превратил в ничто ради трусливого желания избежать семейных сцен с властолюбивой истеричкой. И среди унижений и надругательств продолжал влачить свою жалкую жизнь, не сумев даже погибнуть с честью в защите своих исторических прав!

Николай Иванович перевел дыхание, потянулся за лежавшим на столе портсигаром.

- А вы, пожалуй, все еще жалеете, что монархия в России перестала существовать? Монархия, а не Николай Второй? не удержался от вопроса Игорь.
- Что? рассеянно спросил краском, механическим движением разминая папиросу. Возможно, и так. Но сейчас это уже не имеет значения, и доносить на меня, усмехнулся он, дело для вас, по меньшей мере, неразумное.
- Оскорблять меня тоже, ровным голосом парировал Heнашев.
- Извините. Корицкий прикурил и, сделав подряд две глубокие затяжки, повесил в комнате свежее облачко дыма. Так

вот, нашлись думцы, взявшие на себя задачу спасения нашей многострадальной родины, и, заболтав ее до предела, ввергли страну в хаос. На их место встали большевики, и мы приняли их как правительство, которое намерено восстановить государство.

Ведь практически любому здравомыслящему человеку после того, что начало твориться в России с приходом к власти Керенского и компании, стало понятно, что при такой беспредельной воле само бытие России попросту невозможно, немыслимо без мощной и твердой государственной власти. А власть западноевропейского типа, о которой грезили разнообразные думцы, для нас заведомо непригодна.

- Да, и мне, и большинству пошедших на службу к большевикам офицерам многое в них не нравится, в том числе и их утопические идеи. Но другой силы, способной сохранить Россию, сегодня кроме них нет, просто не существует. А для этого... Для этого можно и на душу себе наступить... резко понизив голос, добавил он.
- О чем вы говорите? болезненно сморщился Ненашев. Верите ли хоть сами себе? Какое государство, какая Россия? Она для них не земля, не навоз даже, а так, плацдарм для мировой революции...
- А пусть хоть и так, жестко взглянул на него краском, и Ненашев невольно вздрогнул, не в первый раз пожалев, что пришел сюда и затеял этот непростой и опасный для него разговор. Но вы-то, как человек военный, должны знать, что для развития наступления любой плацдарм должен быть укреплен и защищен, продолжал между тем не заметивший его смятения начальник Сибвуза. И уже через четыре месяца после переворота в октябре Ленин в своей программной статье под названием «Главная задача наших дней» на всю страну говорит о том, что самое главное теперь для большевиков добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь именно Русь так он и пишет стала могучей и обильной и что для этого имеется материал и в природных богатствах, и в человеческих силах.
  - Вот именно что материал...
- А пусть и так... вновь твердо бросил Корицкий. Вы поймите наконец, что сейчас речь идет не о том, будет или нет

у нас парламент, а о самом существовании России. Ведь для Запада наша держава, пока она сильна, бельмо на глазу. Так было и так будет всегда, если нам сейчас удастся удержать свои границы и не потерять государственную независимость. Это сейчас вопрос вопросов. А дальше... Дальше они, может быть, и меня самого налево спишут, не исключаю такой возможности. Но сейчас так. И тяжело мне от всей окружающей нас действительности, может быть, не меньше вашего, но...

Он замолчал, расстегнул верхнюю пуговицу на вороте гимнастерки, достал из кармана платок, отер им шею и ладони. Вздохнул, положив руки на стол, и уже спокойно, тихим, словно после тяжелой работы, голосом сказал:

— Если сегодня не будет диктатуры мощной организации, каковой являются ныне большевики, мы почти наверняка вступим в долгое смутное время, подобное тому, что уже было у нас триста лет назад, и из него бог знает что выйдет. Вероятнее всего полное крушение России. Нам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постепенно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя, против сора, который мы в себе носим.

«Страданий полон путь безвестный, темнее ночь, — неожиданно продекламировал начальник Сибвуза. — И мы должны под ношей крестной не изнемочь…»

Краском немного помолчал, потом легонько хлопнул себя рукой по коленке.

— Так, на отвлеченные темы побеседовали, теперь давайте к делу. Нам сейчас очень не хватает грамотных офицеров, имеющих педагогический и боевой опыт, и просто порядочных людей. Как начальник Сибирского управления военно-учебных заведений предлагаю вам место приватного преподавателя на Сибирских пехотных курсах младшего комсостава. Вы не будете зачислены в штат, поскольку для этого необходимо быть членом большевистской партии, но будете считаться на военной службе. Лекции, практические занятия, прием экзаменов, проверка письменных работ, полагаю, вам вполне по силам. Природоведение, фортификация, основы пулеметного дела, действия полуроты в бою — все это, полагаю, вам знакомо.

- Я, Игорь Вениаминович, тогда, в госпитале, оценил вашу начитанность и эрудированность, и рассказчик вы были просто замечательный, потому уверен, что вы достаточно легко с этим справитесь, продолжал он, приметив огонек любопытства в глазах Ненашева. Тем более что преподавательский состав на этих курсах очень сильный. Преподаватель математики Пафнутин закончил казанский университет, главный руководитель по русскому языку Успенский московский университет и даже духовную академию, географ Лебедев тоже выпускник казанского университета. Курс геодезии и картографии читает профессор Павлов, которого мы очень ценим. В том числе и платим ему довольно прилично, усмехнулся Корицкий. Так что, я думаю, вам легко и даже приятно будет найти общий язык и работать вместе с этими людьми.
- С ними возможно и даже вероятно, согласился Игорь. Но вот с юнкерами...
  - С курсантами, пристукнул по столу пальцем краском.
- Хорошо. Так вот с курсантами. Вы уверены, что я и с ними смогу найти общий язык? Ведь они у вас, как я полагаю, сплошь пролетарии, с классовым чутьем, и к таким, как я... Вы простите меня за, возможно, излишнюю дерзость, увидев, как нахмурился Корицкий, просительно поднял руку Ненашев. Но я говорю это не из желания вас поддеть. Просто, дожидаясь встречи, я успел прочесть у вас в приемной отрывок статьи в журнале «Военное дело» и небольшой, очень характерный кусочек из нее запомнил буквально дословно. Некий Н. Кузьмин пишет: «Мы говорим генералам и офицерам, пришедшим к нам на службу: «Гарантировать вам, что вас не расстреляют по ошибке красноармейцы, мы не можем, но гарантировать вам, что мы вас расстреляем, когда вы начнете изменять, мы можем и даже обещаем».
- Хороший офицер-фронтовик должен заставить своих подчиненных бояться его больше, чем вражеских пуль, вновь нахмурился начальник Сибвуза.
- Звучит сильно и, без сомнения, верно, согласился Ненашев, понимая, что предложение Корицкого для него, пожалуй, единственный более-менее благополучный выход из создавшегося положения, и все же в силу и характера, и давно выработавшей-

ся в нем привычки к противоречию продолжая бороться за свое «я». — Только это для нормальной, цивилизованной армии, где само назначение офицера командиром того или иного подразделения не подлежит обсуждению его подчиненными, так же как и не ставится под сомнение его право заставлять их выполнять свой долг всеми доступными ему средствами.

- Вот что, товарищ Ненашев, встал из-за стола почувствовавший, что его собеседник уже «дозрел» и теперь только старается сохранить свое реноме, Корицкий. Я так понимаю, что выбор у вас небольшой. Вы что, хотите быть мобилизованным в общем порядке что, если вы сейчас откажетесь, произойдет неминуемо и отправиться на польский или врангелевский фронт? Если нет, то почему я вас, собственно, должен уговаривать? Вы же уверяли в госпитале, что у вас врожденная склонность к логическому мышлению, и где же она здесь, позвольте спросить?
- Виноват, товарищ начальник. Ненашев тоже встал, вытянул руки по швам. Когда прикажете приступить к выполнению своих обязанностей?

Глава третья

Томские 2-е Сибирские пехотные командного состава курсы Рабоче-крестьянской Красной армии готовили командиров пехотных и пулеметных взводов. Курсанты изучали военные предметы и получали начальную общеобразовательную подготовку.

Учебная программа первоначально была рассчитана на четыре месяца, затем срок обучения был увеличен до шести. Это была не только учебная, но и строевая часть, основу которой составлял курсантский батальон четырехротного состава.

Незадолго до поступления Ненашева на службу на курсах начались регулярные плановые занятия. За короткий срок курсанты должны были освоить большой по объему материал: тактику и фортификацию, топографию и воинские уставы, артиллерию и связь, социально-политические и общеобразовательные предметы. Много времени отводилось изучению оружия. По-

мимо винтовки Мосина, станкового пулемета «максима» изучались ручные пулеметы Льюиса и Кольта, станковые Виккерса, Шварцлозе, Гочкисса, Сен-Этьена, пушки системы Розенберга и Маклена, миномет «Дюмезиль», доставшиеся красным в качестве военных трофеев в Сибири.

Командный состав курсов насчитывал около тридцати человек, и в основном, как и Игорь, это были бывшие офицеры. Среди преподавателей имелось и немало недавних юнкеров колчаковской учебно-инструкторской школы, в прошлом учителей, мобилизованных в армию Верховного правителя летом и осенью 1919 года. Они стали работать на курсах преподавателями общеобразовательных предметов. Обязанности заведующего курсами исполнял в прошлом генерал царской армии Савич-Заболотский.

Однако уже вскоре его сменил присланный из штаба 5-й армии военспец Михаил Иванович Шпилев. Подполковник Русской армии, всю Первую мировую войну он провел в окопах, а с началом гражданской стал служить советской власти, отличившись в сражениях на Восточном фронте. Кроме него на курсы прибыло еще трое военспецов, тоже бывших офицеров, добровольно пошедших служить в Красную армию и принимавших участие в боях против Колчака.

Работа действительно оказалась для Игоря не сложной и вполне соответствовала объему сохранившихся у него знаний. Он должен был читать семнадцать часов лекций в неделю с почасовой оплатой, причем за опоздание на лекцию более чем на пятнадцать минут без уважительных причин на преподавателя налагался штраф в размере ее оплаты.

Выяснилось так же, что преподаватель «приличного поведения» один раз в три года должен командироваться на маневры, полевые поездки, театры военных действий на срок не более двух месяцев с представлением отчета о своей поездке.

Ненашев стал одновременно преподавателем воинских и общеобразовательных дисциплин. Кроме основ фортификации и артиллерийского дела, он вскоре начал проводить занятия по русской литературе и природоведению, а затем и сибиреведению. Правда, для этого Игорю самому пришлось засесть за учеб-

ники и исторические труды, но последнее обстоятельство истосковавшегося по таким занятиям Ненашева только обрадовало.

За чтение лекций Игорь получал около шестисот рублей в месяц, которых едва хватало на дрова и кое-какие продукты. Ему и Наташе выдали городские продовольственные карточки, но на них обычно можно было получить только хлеб.

Недавние учителя томских школ, избавившись от военной службы, принялись работать со своими взрослыми учениками не за страх, а за совесть. Почти для всех из них это было не просто привычное, но любимое, жизненно необходимое во все времена дело, которому они когда-то решили посвятить всю свою жизнь. И если советская власть хочет, чтобы они обучали этих крестьянских и рабочих парней географии, литературе и русскому языку, да еще дает им за это паек, значит, эта власть не так уж плоха и на нее стоит потрудиться.

Большинство побывавших на германской и гражданской войнах офицеров служили новой власти просто потому, что судьба не оставила им иного выхода. Задача была одна — устроиться по возможности на тыловых должностях. И, достигнув этого, они держались за свои должности всеми силами. Чтобы сохранить место, многие были согласны и унижаться, и терпеть. Ведь иной возможности обеспечить пропитание своих семей и получить хоть какую-то гарантию от попадания в заложники, а затем под расстрел не было.

С тех пор как руководство советской России стало использовать бывших офицеров в качестве военных специалистов, наиболее надежным средством обеспечения их верности считалось наличие в качестве заложников их семей, и уже в начале гражданской войны начальниками штабов военных округов по частям было разослано предписание: «По приказанию Председателя Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкого, требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей

семьи....Все начальники обязываются всегда иметь адреса своих подчиненных бывших офицеров и чиновников и их семей».

Подбор специалистов осуществлялся по рекомендациям двух коммунистов, подтверждающих лояльность претендента по отношению к советской власти. Однако лояльность эта постоянно подвергалась сомнению, и потому военный комиссар курсов товарищ Левочкин частенько производил «фильтрации», после которых очередной преподаватель из числа бывших офицеров освобождался от занимаемой должности, а то и препровождался в ЧК. Таких случаев было немало, и два первых начальника курсов были отправлены комиссаром именно в это учреждение.

Все это происходило на глазах курсантов, испытывавших к «белогорликам» не больше симпатии, чем сам военком, потому «слить» победителей и побежденных в одну семью, как об этом мечтал комиссар Левочкин, не удавалось. В таких обстоятельствах бывшие офицеры-преподаватели не смели и не могли быть начальниками. Курсанты зачастую отказывались выполнять их требования, а настаивать на своем означало получить предложение следовать «золотопогонной сволочи» по известному адресу, а то и обвинение в контрреволюции с последующей отправкой в ЧК.

* * *

Злым демоном Игоря Ненашева стал совсем еще молоденький, лубочно-белокурый и голубоглазый курсант Василий Акимушкин, любимой поговоркой которого была: «Эх, жить весело, да бить некого». Кроме этой имелась у него в ходу и еще одна: «Бей очки да воротнички!»

У Акимушкина был толстогубый рот, казачий чуб из-под солдатской фуражки, неизменно нагловатый взгляд, английский френч и красивая двухрядная гармонь. Играть на ней он не умел, но частенько приходил с ней на курсантские посиделки. Передавая инструмент восхищенному знатоку, лениво цедил: «Смотри не спорти. У колчаковских бандитов отбил» — и значимо сплевывал на сторону.

Этого парня Игорь Ненашев попросту боялся и еще больше того боялся, что страх его глазастый курсант когда-нибудь

углядит и тогда чувство испытываемого Ненашевым стыда преобразится в унижение, чего Игорь допустить не мог. Знал, что тогда он Акимушкина может попросту застрелить, как хотел застрелить избивших его мужиков-грузчиков...

С детских лет Игорь искренне считал себя трусом, но, будучи человеком мыслящим, логически рассуждал, что если уж опасности не избежать и по физиономии ты все равно получишь, лучше этот момент не оттягивать и себя длительными страхами не изводить. Потому решительно ввязывался в драки не только с такими же гимназистами, как и он сам, но и с куда более привычными к этому делу ребятами из рабочих кварталов. И кто бы знал, чего ему эта «решительность» стоила...

* * *

Все началось на лекции под названием «Поповский дурман», прочесть которую комиссар Левочкин поручил отличающемуся высокой революционной сознательностью и политической подкованностью курсанту Акимушкину. Читка лекции состоялась перед началом урока сибириведения, проводить который должен был Ненашев, и потому уйти с нее он не смог. Это выглядело бы уже просто вызывающе.

— Зовут терпеть насилия и издевательства, а попы за это прекрасную жизнь после смерти обещают. Утешают вроде, а тем человека от борьбы за свое счастье в сторону отодвигают, — значимо и напористо говорил Акимушкин. — Кому от того выгода — понятное дело, эксплуататорам, а церква их прислужница. Говорят, терпи. Возлюби господина своего — он тебе чашку похлебки от своего капиталу даст. Ладно когда у народа силы настоящей не было — потерпишь, куда денешься. А когда война ему винтовку дала, терпежу конец. Тут ясно все как божий день. Тьфу ты, — сплюнул он. — Не враз того бога поминать забудешь. Прилипчивая язва.

Ну да ничего, товарищи, советская власть и с этим микробом справится. Вот у меня газета «Знамя революции». — Он разгладил ладонью лежащий перед ним на конторке листок, поднес его ближе к глазам. — А в ней постановление губревкома, чтобы улицам с поповскими названиями наши, советские, значит дать. Духовская теперь товарища Карла Маркса, Соборная — площадь Революции, Монастырский переулок — товарища Плеханова.

Курсант бросил строгий весомый взгляд на слушателей лекции, пристукнул кулаком по столешнице конторки.

— И никаких гвоздей, с корнем язву. По-нашему, по-рабочему. Чтоб, значит, и памяти не осталось. Так что и нам, как борцам за трудовой народ, надо от этой тухлятины избавляться, какие к ней, может быть, еще скрыто привержены, и других отваживать, давать им ума-разума.

А то еще прощать врагов своих надо, говорят, — утратив напускную значимость, по-мальчишески усмехнулся он. — Поработителей, значит. Это как, чтоб он мне потом по шее навалял, а то голову срубил? Это уж и вовсе вражья песня, по какой чека плачет, и сознательному бойцу она поперек горла должна быть.

Или вот еще глупость и контра разом, — строго взглянул он перед собой. — Не убий, мол, а то на Страшном суде воздастся. А коль он контра лютая или попросту бандит-лиходей? Как оно? Его пусти добром, так он сколько еще народу пролетарского загубит. Пуля ему и весь разговор. А поп, что слезки по нему льет, еще и сам под его ножик попадет или добра своего церковного лишится. Да нам того не жаль. Народ и без него проживет, без дурмана поповского жизнь себе наладит.

Бог, бог, а кто того бога видел? То-то. А, товарищ Ненашев? — внезапно повернулся Акимушкин к Игорю. — Что по этому поводу, — брезгливо улыбнулся он, — антиллигенция думает, интересно было бы прознать?

- У вас бабушка есть, Акимушкин? тоже улыбнулся Ненашев.
  - Есть, недоуменно подтвердил курсант.
- А я вот ее не видел никогда. Значит, получается, что и нет ее?

Лектор по-мальчишески открыл рот, затем густо покраснел, недобро сузил глаза.

— Получается, что вы тут поповский дурман проповедуете красным бойцам. Вот что получается. И я этого так не оставлю, к комиссару пойду.

— Это ваше право, товарищ курсант, — уже без улыбки сказал Игорь. — Но, может быть, простите мне все же подверженность поповскому дурману? Я ведь осколок старого мира на службе у революции. Перекуюсь, дайте срок.

Однако обещания своего Ненашев не выполнил и, хотя после словесной стычки с Акимушкиным дал себе слово больше никогда его не провоцировать и быть тише воды ниже травы, очень быстро слово это нарушил.

Произошло это на стрельбище, куда Ненашев, заменяя отсутствующего командира взвода, привел курсантов для занятий по стрельбе из нагана. Акимушкин стрелял неважно, и Игорь хорошо видел почему. Однако, памятуя о данном себе зароке, помалкивал. Но характер и молодость взяли свое, и он не удержался. Подошел к курсанту и как только мог мягко сказал:

- Встаньте устойчивее, Акимушкин. Ноги шире, рука прямая, мышцы расслаблены. И первым суставом пальца на спуск, а не вторым надо нажимать.
  - Бабушку свою поучи, недовольно буркнул тот.
- Что? Ненашев покраснел и мысленно выругал себя за дурацкое желание подсказать что-то этому питекантропу. Ну, раз вы Вильгельму Теллю не уступите, я молчу.
- Вильгельма вашего буржуйского не знаю, привычнонагловато взглянул на него Акимушкин. — Что он там за стрелок, может, горохом по старухам? Учить много всяких найдется, особливо кто сам не умеет...

«Сейчас я из-за своего гонора врага себе наживу, — подумал Игорь. — Главное, Наташе не проболтаться, живьем съест. «О нас-то ты подумал?! Сиротами оставить хочешь?» Ну и что там еще у них в таких случаях говорить полагается».

— Товарищ Филипчук, — повернулся Ненашев к рослому, привлекавшему его своим постоянным спокойствием курсанту с кадровой солдатской выправкой. — Дайте мне, пожалуйста, ваш наган.

Ненашев как-то спросил этого миролюбивого на вид, степенного курсанта: каково ему было на германской войне убивать людей, а паче того своих на гражданской, не испытывал ли он при этом неловкости, что ли?

- Какая такая неловкость, товарищ военспец? улыбнулся в ответ курсант. Чудное говорите. У него ружье, у меня ружье, значит, мы равные; ничего, побьем друг друга земля освободится.
- Пожалуйста-а... Спасиба-а... насмешливо хмыкнул Акимушкин. Ну, давай с «пожалуйста», поглядим...

«Ох, умою я тебя сейчас, — подумал Игорь. — Только спокойно. Только спокойно, Игорь Вениаминович...» В своей способности умыть наглого курсанта он не сомневался и имел для этого веские основания.

* * *

В дореволюционной России стрелковый спорт не имел широкого распространения. Спортивные общества, как правило, насчитывали в своих рядах лишь десятки членов. Согласно уставу запрещалось принимать в них военнослужащих младших воинских чинов, студентов, учащихся учебных заведений и женщин.

Ненашев, с юных лет неприязненно относившийся к военному делу, сумел, однако, записаться в такую секцию, движимый одним-единственным желанием. Считая себя демократом и либералом, он был попросту возмущен тем фактом, что ему что-то нельзя, пусть это что-то ему и вовсе не требовалось. Игорю удалось побывать лишь на нескольких занятиях по стрельбе, когда, выяснив, что он студент, его из этого общества вежливо попросили. Однако и этих посещений вполне хватило для понимания того, что субтильный юноша-пианист с вечно задумчивым взглядом является природным стрелком. Как говорится, от бога.

— Феномен, — с немалым уважением резюмировал обучающий его стрельбе из револьвера участник трех войн, отставник-поручик, когда Игорь, особо не затрудняясь, из шести выстрелов пять положил в яблочко. — Такого учить — только портить.

Тогда студент Ненашев насмешливо-высокомерно посмотрел вокруг, вышел из тира и до самой германской войны оружия в руки не брал. Но в Карпатах, а затем под Ригой его феноменаль-

ные способности дважды спасали ему жизнь, отобрав взамен три чужие — две австрийские и одну немецкую. Уже на гражданской, во время выступления боевиков белого подполья в Новониколаевске, где Игорь выздоравливал после тяжелого ранения и контузии в местном госпитале, он заколол штыком и русского, своего брата по крови. И, как вспоминал потом много раз со стыдом и страхом, не испытал при этом никакого ужаса или раскаяния, а одно лишь торжествующее злорадство. Позже он за полста метров снял из нагана с крыши казармы мадьяра -пулеметчика, за что оставшиеся в живых благодаря этому обстоятельству восхищенные приятели-офицеры три дня поили его коньяком.

Самого же Игоря его подвиги не радовали вовсе, поскольку всякое насилие и уж тем более убийство ему были противны. Приняв позже командование полуротой, он водил своих бойцов в атаку, не вынимая из кобуры револьвера, за что заслужил репутацию большого чудака. Но упрекнуть в отсутствии смелости его бы не смог никто, потому Ненашева терпели. Недоумевали только — что он здесь делает? Ведь уйти тачать сапоги или варить гуталин, как это сделали десятки тысяч офицеров бывшей царской армии, он мог бы без особого труда. Да и в университете подающему немалые надежды молодому человеку место лаборанта наверняка бы нашлось.

Вероятно, им двигала давняя, с детских лет присущая привычка делать все не так, как общая масса, зачастую наперекор логике. Раз потомственные офицеры, профессиональные военные, вместо того чтобы бороться с врагами Отечества, предпочитают отсиживаться по углам, ожидая, чья передавит, значит, это будет делать он, человек, по природе своей мирный и офицером ставший, по сути, случайно.

Так он и делал, пока не укатали сивку крутые горки, не износилась до дыр, не выгорела в огне кровавых войн, не занылазаплакала от ужаса и безысходности светлая его душа...

После славгородских событий и до этого дня он не выстрелил ни разу, пообещав себе не поднимать больше оружия на кого бы то ни было. Однако тут случай был другой, заносчивого пролетария требовалось проучить, и Ненашев не сомневался, что сумеет это сделать.

* * *

Он взял у Филипчука наган, четким движением поднял руку, прицелившись навскидку в сидевшую на дереве, нахохлившуюся в дреме ворону, затем в валявшийся на обочине ржавый, невесть как попавший сюда чайник.

— Пристрелян хорошо, — со знанием дела глядя за действиями Ненашева, ровно сказал курсант. — По центру берите, товарищ военспец. Не промахнетесь.

Игорь кивнул, неторопливо подошел к рубежу. Поднял и вновь опустил руку с наганом. Подмигнул оторопевшему Акимушкину, поднял затвердевшую, как палка, руку и выпустил в мишень все шесть пуль.

Обгоняя друг друга, бросились вперед курсанты, но всех опередил Акимушкин.

— A-a-a! — торжествуя, заорал он от мишени Ненашеву. — Я ж говорил. Других учить хорош ты, ваше благородие, а сам-то... Одну только дуриком в десятку и положил.

Вставший рядом с ним Филипчук молча и очень внимательно осмотрел мишень. Поковырял в ней пальцем. Затем с завистливым уважением старого солдата взглянул на Ненашева.

- Погоди, братва, шумнул он на заходившихся от смеха товарищей. Над собой ржете, дурачки. Ну, товарищ военспец... Всякого я за пять лет солдатчины видел, но чтоб так! Шесть штук одна в одну... Сила.
- Ах ты ж... задохнулся от смешанного с растерянностью гнева Акимушкин. Ах ты ж... Ты вон как...
- Товарищ военспец, начальство идет, прервал его жаркую речь Филипчук.

Ненашев обернулся и увидел шагах в тридцати от себя высокого и прямого, как гимназическая линейка, Корицкого.

— Становись! — рефлекторно повинуясь давней выучке, скомандовал он. —

Р-няйсь! Смирно! — И быстро, но без суеты пошел навстречу командиру. Небрежно-четко — в казарменной скуке запасного полка этот жест был отработан филигранно — бросил ладонь к козырьку фуражки. — Товарищ начальник, взвод

курсантов проходит подготовку по стрельбе из револьвера. За командира взвода приват-преподаватель Ненашев.

— Бывшее благородие, — презрительно-лениво бросил из строя успевший вернуть себе привычную развязность Акимушкин. — И, натолкнувшись на твердый взгляд начальника Сибвуза, замолчал. Но глаз не опустил, смотрел на него прямо и даже с вызовом.

Корицкий подошел к строю и остановился напротив Акимушкина. Снял с головы фуражку и, обтерев ее внутри вынутым из кармана носовым платком, вернул на место. Без нажима в голосе спросил:

- Ваша фамилия?
- Курсант Акимушкин
- В чем дело, товарищ Акимушкин? Революционной дисциплины не признаете?
- Революционной дисциплине, как партиец, подчиняюсь. Лицо курсанта побелело, в голосе пробилась нервная хрипотца. Только, товарищ командир, контру эту признавать не хочу. Благородие бывшее, классово чуждый, а туда же, пролетариев учить. Его в чеку отправить надо, а он тут из нагана пуляет. Я б таким оружия в руки не давал. Говорю, в чеку его надо. Он пулю в пулю кладет, так уж лучше ему самому пулю выделить, покуда...
- Вы считаете, что бывшим офицерам, пошедшим служить в Красную армию, оружие доверять нельзя? с показным добродушием спросил Корицкий. А вот легендарный командарм 5-й армии товарищ Тухачевский еще в 1918 году рассудил иначе и сказал, что, по его мнению, такое отношение не только оскорбительно, оно еще и связывает командира, лишает его смелости, инициативы, и член Реввоенсовета фронта старый большевик Петр Алексеевич Кобозев с ним согласился. А ведь это было летом 1918 года, Акимушкин, и вот тут, в Томске, тогда были враги.

Корицкий смахнул в тишине невидимую пылинку с ворота шинели, четко и раздельно сказал:

— Кстати, товарищ Акимушкин, не стану от вас скрывать, и ни от кого никогда не скрывал, что я тоже в прошлом офицер. Хочу только спросить: вы в Красной армии давно служите?

- Почти год, подбоченился Акимушкин. Благодарность имею.
  - А я с декабря 1917-го. Понятно?
  - Понятно, товарищ начальник.
- Вот и хорошо. И вообще, должен вам сообщить, что за свою уже немалую службу в Красной армии, в том числе и на боевых участках, я знаю всего два случая перебежек офицеров старой службы к белогвардейцам. А вот имен тех бывших офицеров, кто героически сражался за революционную Россию и отдал за нее свою жизнь, мог бы назвать немало! возвысил он голос. И прославленных республикой краснознаменцев тоже. Понятно вам, Акимушкин, о чем я говорю?
  - Понятно, буркнул тот.
  - Вот и хорошо.

Начальник Сибвуза поправил на голове фуражку, провел взглядом вдоль строя.

— Товарищи курсанты, верные бойцы Республики Советов! — Он положил левую ладонь на эфес шашки, большой палец правой вставил за желтый ремень портупеи. — Вам выпала большая честь и большое дело — спасти от голодной смерти наших братьев и сестер, революционный пролетариат Москвы и Петрограда. Пока наши товарищи не жалея себя бьются с бандами поляков и Врангеля, а их дети в России умирают от голода, здесь, в Сибири, в Алтайской губернии, кулацкие элементы и их прихлебатели гноят тысячи пудов хлеба, уклоняются от продразверстки, обрекая революцию на голод. Бывшие партизаны-анархисты шкурнически укрываются от призыва в Красную армию, собирают банды, убивают советских работников и красноармейцев.

Краском достал из галифе носовой платок и, отерев им вспотевший лоб, уже без всякого пафоса, спокойно и деловито сказал:

— Принято решение о создании особого сводного отряда курсантов Томского и Омского училищ для отправки в кулундинскую степь и наведения там революционного порядка. Пора там, товарищи курсанты, по-настоящему советскую власть устанавливать. Ваш взвод один из лучших в училище и потому пойдет в поход в полном составе. Вопросы есть?.. Все правильно, спрашивать тут не о чем. Выступаем завтра.

Он ребром ладони выправил козырек фуражки и, мгновенно напружинившись, отрывисто бросил: «Взвод, равняйсь! Смирно! Вольно! Разойдись!»

* * *

Уже укладывались спать, когда в дверь квартиры профессора Колокольникова негромко, но уверенно постучали.

- Это чека, тронул за рукав вышедшего в прихожую Игоря уже стоявший там в халате и тапочках профессор. Лицо его побагровело от волнения, говорил он путано, но твердо: Меня они... Вам уйти... Наташа вещи пусть приготовит. Если...
- Успокойтесь... осторожно освободил руку Ненашев. Идите в комнату. Я теперь как-никак без малого красный офицер. Сам посмотрю, кто там и зачем. Сразу чека... криво усмехнулся он. Может быть, просто бандиты.

Подпоручик инстинктивно отер о полу халата извлеченный из тайника пистолет, встал сбоку от дверей.

— Кто там в такую пору? — «лениво» зевнул Игорь и осторожно дослал патрон в ствол сухо щелкнувшего браунинга.

Болезненно сморщившись, махнул рукой, прогоняя выглянувшую в коридор Наташу. Та нахмурила брови, поплотнее запахнула на груди наброшенный поверх длинной нижней сорочки платок, но уходить и не подумала. Только отступила на шаг, молчаливо застыв в дверном проеме.

— Корицкий, — ответили из-за двери. — Вы там поосторожнее с оружием, Ненашев. Открывайте, свежо.

Игорь перестал покусывать нижнюю губу, как всегда делал во время сильного внутреннего напряжения, чуть подрагивающими влажными пальцами отодвинул засов.

— Простите за поздний визит, — коснулся пальцами козырька фуражки краском, успокаивающе взглянув на Наташу. — Долго не задержу.

Та молча кивнула, бросила быстрый взгляд на мужа и бесшумно скрылась в полумраке комнаты.

— Проходите, Николай Иванович, — махнул пистолетом в сторону стоящего у небольшого столика кресла Игорь и тут же быстрым движением спрятал браунинг за спину.

— Не смущайтесь, Игорь Вениаминович, время военное, требуется быть настороже. К тому же вам полагается теперь штатное оружие, — усмехнулся нежданный гость. — Потрудитесь завтра с утра пораньше получить у оружейника самовзводный револьвер системы «наган». — Корицкий подошел к столику, не присаживаясь в кресло, осмотрелся по сторонам. — Уютно у вас, я уже и отвык от такой обстановки. Да-а...

Вот вы мне на жизнь жаловались, Ненашев, а вам ведь только позавидовать можно, — бросил он взгляд в сторону дверей, где скрылась Наташа. — Простите за откровенность, на миг увидел я вашу милую жену, и этого вполне хватило, чтобы понять, что этот человек любит вас беззаветно. Не себя в вас, а именно вас. Ничего для себя, всем для другого, единственного, готова пожертвовать.

- А вы что, по-другому? еще не успокоившись после пережитого волнения, спросил вдруг Игорь и тут же мысленно выругал себя за бестактный вопрос, задавать который, по сути, почти незнакомому ему человеку он попросту не имел права. Да еще в такой мало располагающей к доверительно-интимной беседе обстановке.
- Бестактный вопрос, вздохнул Корицкий. Но я вам, Игорь Вениаминович, на него отвечу, поскольку задумывался над этим давно, а сказать некому было. Не встречалось в последнее время мне людей, к которым я бы испытывал искреннее душевное расположение. Вам скажу. И потом, мы ведь с вами хоть и не на великую, но все же на войну собираемся. А такое мероприятие, усмехнулся он, по понятным причинам неизменно располагает к душевным разговорам, пусть и накоротке. Курить можно у вас?

Ненашев кивнул, усевшись в кресло, пододвинул ближе к гостю массивную пепельницу, достал из кармана халата папиросы.

- Вы присядьте все-таки, Николай Иванович.
- Я любил когда-то и думал, что именно так. Краском положил на столик фуражку, не сгибая спины опустился в кресло. Теперь не знаю. Ольга Александровна... Она хорошая женщина, но... Знаете, сказано ведь, что Господь создал человека по образу и подобию своему. Одного человека, единственного, а не двух мужчину и женщину. Потом разделил этого человека на две поло-

винки, и вот бродят миллионы этих половинок по белу свету, ищут свою вторую, как говорится, в одном-единственном экземпляре изготовленную часть. Некоторые, но мало, очень мало кто, находят, другие думают или убеждают сами себя, что нашли, а третьи лепятся к какой первая подвернется вкривь и вкось, просто для удобства жизненного передвижения, и так-то и живут до самой смерти. Как говорится, не хуже других.

Корицкий замолчал, раздавил в пепельнице окурок.

- А вы как? осторожно спросил Ненашев, потушив рядом свою папиросу.
- Женщина должна иметь мужа, и он у нее есть. Причем, неожиданно усмехнулся Николай Иванович, как и полагалось в старое время офицеру, наш союз был заключен с согласия командира части, поскольку невеста была признана барышней «доброй нравственности и благовоспитанна». Впрочем, хватит, оставим этот разговор. Я вам тут принес бязь, выдали еще полгода назад из захваченных у колчаковцев запасов на портянки.

Начальник Сибвуза встал, вынул из висевшей у него на боку непомерно распухшей полевой сумки аккуратно перевязанный розовой дамской ленточкой сверток, положил его на стол.

— Вы упомянули в разговоре о том, что у вас грудной ребенок... Я, конечно, не специалист, но, вероятно, на две-три пеленки здесь должно хватить, или сошьет для ребенка что нужно жена ваша. И тут вот еще две новые нательные рубахи, думаю, что их тоже можно будет как-нибудь использовать. Берите без всякой амбиции, где теперь для малыша что необходимое найдешь...

Ночной гость одернул шинель под ремнем, взял со столика фуражку.

- Засим позвольте откланяться. Попрошу вас, Игорь Вениаминович, прибыть в училище заблаговременно, не позднее шести ноль-ноль. Перед погрузкой в эшелон проведем оперативное совещание.
- Может быть, чаю все-таки выпьете? оправившись от первого испуга перед этим энергичным и грозным человеком, предложила незаметно вернувшаяся в прихожую Наташа. Вы нам так...

- Не стоит благодарности, по-прежнему сухо сказал Корицкий. И провожать меня не стоит.
- Может быть, на дочку нашу, на Ирочку, взглянете? Она у нас знаете какая хорошенькая, только кашляет очень сейчас, ума не приложу, что делать.

Краском внимательно посмотрел на свои матово блестящие сапоги, медленным движением поправил козырек фуражки, коротко дернул вбок подбородком.

— Виноват, спешу, — не глядя на Наташу, внезапно осевшим голосом ответил он, повернулся было к выходу, но тут же остановился. Сказал, будто приказ диктовал: — По ложке меда, масла растительного, муки и горчицы сухой. Перемешать, раскатать в лепешку и на грудь на два часа. Матушка моя так брату делала.

Еще раз поправил на голове фуражку и торопливо вышел за дверь, задев кончиком шашки за косяк...

- Ты родителям-то написала, что замуж вышла, как я тебя просил? спросил Игорь, когда Корицкий ушел.
  - Нет, глядя в сторону, сказала Наташа.
- А почему? Стыдишься за меня, что ли? укоризненнообиженно поинтересовался он.
- Глупый ты, грустно улыбнулась женщина. Я тебя люблю, как любви стыдиться? А родителей у меня вовсе нет, говорить тебе не хотела.
  - Как нет?
- Так. Прибрал Господь. Почитай вся деревня наша сгорела, когда я уже девчонкой в городе в прислугах была. Спали, когда занялось. Маманя с батей, сестренка, Митюша, братик, он маленький совсем был. Всех Господь в одночасье прибрал.

Игорь молчал.

Наташа погладила его ладошкой по плечу, твердо посмотрела в глаза.

— Знаю я, как дорогое самое терять, знаю. И как одной, без родной души быть на белом свете, тоже. Но Господь милостив, тебя мне послал, ребеночка, Ирочку нашу. Не одна я стала в Божьем мире. А до того житье разве было...

Она говорила, а Ненашев молчал, чувствуя, что, если он не уйдет через минуту-другую, то просто по-мальчишески раз-

рыдается от переполняющего его душу горького и радостного чувства.

- Ну что тут у вас? осторожно выглянул из своей комнатки профессор. Ушел этот? Кто это был-то?
  - Генерал советский, устало сказал Ненашев.
  - Кто? растерянно посмотрел на него Колокольников.
- Да ладно... Ушел он, спать, наверное. Да и нам с вами пора. Мне завтра в дорогу. В шесть ноль-ноль, как вы, наверное, слышали.

* * *

— Ты не бойся, Игорек. Ничего не бойся и греха смертного на душу не бери. Никак не бери. А мы с тобой будем всегда, всегда. Даже... — Голос ее дрогнул, но Наташа Яковлева была девушкой сильной и упасть ему не дала, укрепила вновь. — Если и не увидеться нам... Нас Господь повенчал, значит, и у него там вместе будем. Я верю, и ты верь. Милый ты мой... Иди.

Ненашев подкинул на плече вещевой мешок, подошел к подвешенной к потолку, сплетенной из сосновых дранок крестьянской зыбке, приобретенной профессором Колокольниковым на городской толкучке.

Ирина не спала. Лежала на спинке, закинув чуть ли не за голову свои пухленькие колбаски-ножки, старательно пыталась затащить в рот край подола длинной рубашки. Она недоуменно посмотрела на отца, не понимая, зачем ее отвлекают от такого важного дела. Ненашев туго двинул кадыком, тихонько провел ладонью по одуванчиковым волосам дочери. Только отнял руку, девочка быстрым движением ухватила его за палец.

«Думаешь, сильные мы с тобой? — грустно улыбнувшись, подумал Игорь. — Как бы не так, цыпленочек. Не удержишь папку, не удержишь...»

Он осторожно высвободил палец из ладошки дочери, коротко поцеловал жену и вышел за порог.

Наталья перекрестила закрывшуюся за ним дверь и обессиленно опустилась на стул. Она знала, что они с Игорем больше на этом свете не увидятся, но говорить ему о своих мыслях не стала. Ни к чему было мужа перед дорогой печалить. Да и верилось еще, хоть и самую малость, вдруг да обойдется...

Глава четвертая

- Через три часа приступаем к погрузке в эшелон, деловито сообщил Корицкий собравшимся в небольшом зале командирам и политработникам курсантского спецотряда. На сухом лице краскома, таком же жестком, как ремни его новенькой портупеи, Игорь не заметил и следа вечерней задумчивости и печали. Словно опытный, уверенный в своей силе гладиатор перед схваткой, Корицкий был абсолютно спокоен и даже чуть приметно улыбался. Сообщаю вам, что час с небольшим назад я был на встрече с председателем Сибревкома товарищем Смирновым.
- Oro! уважительно качнул головой один из сидящих в зале командиров, другие возбужденно переглянулись.
- Так точно, с Иваном Никитовичем Смирновым, подтвердил начальник Сибвуза. Исходя из этого, товарищи, вы должны понимать, какое внимание оказывается нашему отряду и насколько серьезна поставленная перед нами задача. Мы с вами должны воспринимать наш поход и донести это понимание до каждого курсанта как полноценную боевую операцию, от которой зависит успех всего сражения на заключительном этапе гражданской войны. Именно так и никак иначе.

Теперь об обстановке в районе наших будущих действий. Товарищ Смирнов буквально несколько дней назад вернулся из Алтайской губернии и нашел возможность поделиться со мной своими наблюдениями.

Так вот, надеяться нам там придется в основном только на самих себя, поскольку партийная и советская работа в губернии на сегодняшний день практически не налажена, связь с уездами у Барнаула крайне слабая. Работа губернских органов на местах совершенно не чувствуется. А отсюда и разгул партизанщины.

Корицкий уселся за стол, поудобнее устроил между колен шашку, достал из кармана брюк портсигар.

— Постановлением Сибревкома объявлен призыв на воинскую службу, который в губернии откровенно саботируется, причем наиболее отъявлено бывшими партизанами, многие из которых дезертировали из своих частей, чтобы избежать отправки на фронт, и являются теперь главной ударной силой повстанцев.

С ними необходимо будет расправиться беспощадно, невзирая на их былые заслуги перед советской властью, часто сомнительные и раздутые. Присутствующий при нашем разговоре полномочный представитель ВЧК по Сибири товарищ Павлуновский считает, что по отношению к восставшим следует применить высшую меру наказания, а кроме того, подвергать наказанию и тех командиров частей, которые не будут применять ее к партизанам. Как вы понимаете, это напрямую касается нас с вами.

Краском медленно размял пальцами папиросу, прикурил и тут же положил ее на край стоящего на столе блюдца. Внимательно глядя на поднимавшийся к потолку тоненький синий дымок, в полной тишине продолжил:

— Было отмечено, что партизанское движение начинается в тех местах, где нет железной дороги. Был отряд какого-то анархиста, бывшего партизана Рогова. Он вроде бы ликвидирован. Сейчас там орудует некто Плотников, отряд которого насчитывает около шестисот человек. Это правый эсер, но называет себя народным социалистом. Говорит крестьянам, что его задача — выделить Сибирь в самостоятельную область и отгородиться от советской России. Высланные на усмирение плотниковцев из Семипалатинска войска были ими разоружены.

Отношение крестьян к нам недоброжелательное и даже враждебное. Вызвано это главным образом тем, что мы у крестьян берем все, а им ничего не даем. Товарищ Смирнов сказал, что рассчитывать на получение мануфактуры, сельскохозяйственных машин в большом количестве не приходится. Нужно действовать убеждением и силой. Если кровь проливается, то пусть на пользу государства. Надо нажимать...

Наша задача состоит в том, чтобы обеспечить проведение призыва, второе не менее важное задание — проведение продразверстки в местах прохождения нашего отряда и незамедлительной отправки хлеба в Москву и Петроград.

Корицкий взял с блюдечка успевшую потухнуть папиросу и, повертев ее в пальцах, вернул на место.

— По сообщению продкомиссара Баранова из Славгорода, во многих волостях крестьяне принимают собственные постановления по выполнению продразверстки. В одних они пишут,

что «не пришли к заключению», в других — «сдача добровольная», в третьих — «по усмотрению» или «отказать». В общем, что хочу, то и ворочу. Баранов просит о присылке вооруженной силы, обещая лишь тогда приступить к вывозке хлеба. И силой этой будем мы, товарищи.

Сообщаю вам также, что, согласно приказу товарища Павлуновского, для проведения мер административной расправы в районе действий нашего отряда организован военно-полевой трибунал. Председателем его назначен член коллегии Омгубчека товарищ Лепсис, члены — товарищи Корицкий и Курдюков. Военно-полевому трибуналу при нашем отряде присваиваются права губчека. Что это означает, вам объяснять не нужно...

И последнее. Во время беседы с товарищами Смирновым и Павлуновским было предложено в нашей деятельности применять метод, который для быстрого и действенного решения вопросов на местах предлагают товарищи, уже ведущие напряженную борьбу с мятежниками в зоне наших будущих действий. Он прост и заключается в следующем. Я вот тут записал.

Корицкий достал из нагрудного кармана френча сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув его, раздельно прочел:

«По прибытии в село или в деревню нужно немедленно сделать общее собрание.

Объяснить положение как международное, а главное, о наступлении поляков.

...Брать заложников, кулаков, расстреливать самым беспощадным образом тех кулаков, которые активно участвуют или участвовали в бандах, конфисковывать все имущество и передавать на учет исполкому или ревкому, брать лошадей, машины сельско-хозяйственные, передавать для общественного пользования лошадей. Весь обмолоченный хлеб сдавать на ссыпные пункты.

Если находите нужным, расстреливайте десятками на месте, а также берите заложников, которые менее виновны в участии или в поддержке чем бы ни было бандитов».

Это все, что я хотел вам сообщить перед походом, товарищи командиры. — Он на несколько мгновений задумался, затем неожиданно улыбнулся, вновь взял с блюдечка папиросу и, наконец-то раскурив ее, дважды глубоко затянулся. — Машинистку

нашу Апполинарию Карловну мы с собой в поход не возьмем, климат для нее в степи не подходящий. Потому вас, товарищ Ненашев, попрошу остаться. Вы у нас человек в этом деле сведущий, отпечатаете на «Ундервуде» мой приказ для прочтения перед строем перед отправкой. Остальные свободны, товарищи.

Когда захлопнулась дверь за последним покинувшим комнату командиром, Корицкий прикрыл ее еще плотнее, опустившись на стул, затушил папиросу и вновь вынул из кармана портсигар.

— Присаживайтесь, Игорь Вениаминович, покурим, побеседуем. Двадцать минут у нас есть, а в дальнейшем такая возможность вряд ли представится. Извиняться перед вами за то, что включил вас в состав отряда, не собираюсь. Как командир я попросту обязан был это сделать, поскольку вы единственный из моих подчиненных, кто довольно хорошо знает район предстоящих боевых действий. Понимаю, что участвовать в этом мероприятии у вас нет ни малейшего желания, да и я, как вы, наверное, догадываетесь, предпочел бы драться с достойным и сильным противником, но...

Николай Иванович задумчиво посмотрел на лежавший в его ладони портсигар, раскрыл его, предложив папиросу Ненашеву.

— Так вот об этом, но... — продолжил он, вновь глубоко затянувшись папиросным дымком. — Вот о нем и хотелось бы с вами сейчас поговорить, несмотря на нехватку времени и неудобство нашего с вами положения. Мне очень важно, чтобы меня выслушали именно вы, а выслушав, со свойственной вам логичностью мышления оценили сказанное и сделали свое резюме. Согласны?

Ненашев молча кивнул.

— Так вот. Я еще с германской войны понял для себя, что чувство долга и общественного сознания, в понимании его европейцами, у нашего русского мужика отсутствует напрочь. Он сам, его семья, а еще в большей степени его земля, лошадь и корова — вот для него Отечество, опора и сам смысл жизни. Дальше этого он не видит ничего, даже прямой угрозы его маленькому мирку, не понимая и даже не думая о том, что тот является частью мира общего, государства. И коль то находится в смертельной опасности, значит, и его халупа с лошадью и коровой, Марфой и Васяткой — тоже.

Мне случалось читать на германской войне письма мужичкам из дома. Хлеба не хватает, дорого все, как без хозяина-кормильца землицу обрабатывать... А в конце обязательно пожелание. Но не бить крепче супостата, а как можно быстрее прибыть домой, как сосед, который взятку дал и от службы отделался. Вот Емелька Попов приехал с фронта раненный в ладонь — вероятнее всего, самострел, — убежденно качнул головой Корицкий. — Пролечился два месяца, а потом сходил на завод, дал мастеру сто рублей — теперь там работает. Или Скворцов, молодец. Был в лазарете и получил такую болезнь, с каковой на фронт не посылают.

Получил, я думаю, Скворцов этот триппер, а возможно, керосинчиком повязку смачивал, рану травил, чтобы не заживала. Они и тогда так делали, и теперь так же. Поначалу врачи даже верили, что это «солдатская медицина», — усмехнулся краском. — Ведь и посейчас в деревне керосин — «лекарствие». Но потом военнополевые суды за керосин на ранках стали расстреливать. И правильно делать... — Начальник Сибвуза с хрустом развел руки в стороны и опять вкусно затянулся папироской. — Я уверен, что мужику наплевать на формальную для него политическую составляющую власти. Все равно, как она себя называет — монархия, демократия, диктатура, республика. Это все для него пустые слова, не больше. Есть порядок, нет бандитов — хорошая. Позволяет его грабить разной рвани, как после февраля, плохая. Забирает хлеб и гонит на войну — чужая.

- Так ведь нынешняя власть и берет сверх меры, и на непонятную польскую войну гонит! перебил его Ненашев.
- Верно. И берет, и гонит, спокойно подтвердил Корицкий. Но как сейчас по-другому? Может быть, вы знаете? А я знаю, что если сейчас мы возьмем у мужика все, что у него есть, значительная часть городского населения все равно вымрет. В лучшем случае нам удастся сохранить лишь наиболее продуктивную его часть, армию и государственный аппарат. Власть делает ставку на рабочего, противопоставляя его мужику, что понятно. У рабочего нет ни земли, ни хозяйства сиречь средств производства. Он целиком зависит от хозяина, роль которого сейчас взяла на себя власть. Город, его рабочий вот носитель власти, и именно его она должна кормить, если хочет себя со-

хранить. А мужик, он, на земле не на камне, найдет, чем прокормиться.

- Недовольство крестьян тем, что у них попросту отбирают ими же выращенный хлеб, вполне понятно, пожал плечами Игорь. Это частная собственность, и в любом цивилизованном государстве за нее принято платить.
- Ну так то в цивилизованном, а наше-то когда таковым было? усмехнулся краском. И, вообще-то, вы должны, очевидно, знать, что такие понятия, как твердые цены, запрет на спекуляцию, реквизиции хлеба издавна известные меры предотвращения голода, и придумали их не Ленин с Троцким, а их предшественники французские революционеры. Это они предписали реквизировать у Жана и Пьера излишек его урожая, оставляя ему лишь так называемый семейный запас и семена для посева, а затем Конвент отменил и это, а специальная комиссия превратила все продовольственные запасы республики в общую собственность. Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие.
- Не предполагал обнаружить у вас столь хорошие знания в этом вопросе, с интересом посмотрел на него Ненашев.
- Ознакомился, нашел время, вновь усмехнулся начальник Сибвуза. Неужели, думаю, русский варвар обошел тут цивилизованную Европу? Оказывается, ничего подобного. Реквизиции проводились национальной гвардией, причем часто с боями. Были введены хлебные карточки и смертная казнь за спекуляцию. А результат, по мнению французских историков, был таков: правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода. Правда, для этого потребовалось в одной только мятежной Вандее уничтожить то ли полмиллиона, то ли миллион крестьян, но на то и война.

Корицкий смял в глиняной тарелочке окурок папиросы и тут же потянул из портсигара другую.

— Мужик решил, раз у него хлеб — значит, он победил город, то есть власть, и теперь вполне может обойтись без нее, — знакомо для Ненашева крепко постучал он указательным пальцем по столу. Брезгливо вытер палец платком, чиркнул спичкой. — При этом ему даже в голову не приходит, что при таком раскладе он очень

скоро станет либо холопом у польского пана, либо негром у американского плантатора. И сейчас наша задача не просто взять у него хлеб, но взять так, чтобы он понял — власть есть, и может она все. Все. Понял и крепко запомнил.

Вот они сейчас, — Николай Иванович пыхнул в низкий потолок комнаты папиросным дымком, — выступают против преобразования созданных ими советов в ревкомы и засилья в них пришлых, чуждых им людей. Причем не просто горланят о своем недовольстве на сходках — идут на открытую борьбу. По-человечески их понять можно, это действительно обидно. Но только по-человечески. С точки зрения государства, эти самодеятельные советы сейчас просто вредны, поскольку занимаются, говоря простонародным языком, перетягиванием одеяла на себя. А в условиях суровой борьбы властные структуры должны быть именно властными, но не кумовскими. И мужик, заходя в ревком, должен шапку на пороге снимать, трепет ощущать, входя в присутственное место, а не кричать с порога: «Эй, Иван Петрович, сделай мне то-то и то-то, а от этого ослобони, мне оно ни к чему». Только так и никак иначе. Что вы на это скажете, Ненашев?

- Я не могу сказать, что определился с этим твердо, но все же соглашусь, пожалуй, с вами в том, что большевики на данный момент являются исполнителями исторической неизбежности и правят Россией Божьим гневом и попущением, медленно сказал Игорь. Они власть, которая нами заслужена, и выполняют волю промысла, хотя и сами того не знают и об этом не думают. Они, очевидно, не хуже кадетов, эсеров, октябристов, которые обладай они сейчас полнотой власти, вероятно, делали бы примерно то же, что и Ленин с Троцким, если бы у них хватило на это духу. Но стать спутником и верным слугой нынешних московских самодержцев я, по совести, не могу, хотя и против них не пойду.
- И все же вы здесь, то есть с ними. Пардон, с нами, усмехнулся Корицкий.
- Да, я здесь. Пардон, с вами, и вы прекрасно знаете почему. Пишу и перебираю бумажки, учу курсантов географии, пойду в бой с вооруженным противником, если получу такой приказ. Но...

— Что же вы замолчали? — тяжело посмотрел на него краском. — Хотите сказать, что обязанность расстреливать безоружных мужиков вы оставляете за бездушной машиной, а точнее сказать, кровавым палачом Николаем Корицким, а сами этого делать не станете?

Ненашев побледнел, отвернулся, уставил пустой взгляд в окно.

- Так вот, четко и раздельно отчеканил Корицкий. В походе я намерен придерживаться простого принципа, выработанного для завоеванных им территорий Наполеоном Бонапартом «Ни одной бессмысленной жертвы и беспощадный террор в случае малейшего сопротивления».
- Но ведь мы же с вами не на захваченной территории, а на родной земле, Николай Иванович, с горечью в голосе сказал Игорь. И перед нами не иноземцы, чуждые нам по крови и духу, а свои, русские люди. Неужели вы этого не понимаете?!
- Да, это так, сухо ответил краском. Он поднял руку, чтобы расстегнуть пуговицу на вороте гимнастерки, но та выскользнула из его пальцев, и Николай, злобно ощерившись, оторвал ее с мясом. И если вы думаете, что меня этот факт не угнетает, то, поверьте на слово, ошибаетесь. Но что делать-то?.. Без насилия и смертей здесь мы не сможем отправить хлеб в Россию, чтобы спасти жизни там. Много больше жизней, а вместе с ними аппарат власти и саму власть. Без которой страна вновь будет ввергнута в хаос! Это что, нужно объяснять?!

А хлеб у них есть, так же как и чудовищная жадность, — уже гораздо спокойнее сказал он. — Вы знаете, Ненашев, что еще до революции в той же Енисейской губернии на выкурку самогонки уходило до трех миллионов пудов хлеба, по два-три пуда на душу? И это в области, которая отнюдь не принадлежит к разряду хлебородных. Что же говорить об Алтайской губернии, где его до войны было без меры, и вывозился он отсюда в огромных количествах.

Да, для его получения приходится идти на жесткие меры, — вновь привычно постучал по столу указательным пальцем краском. — Но лучше обрубить палец, чем дать сгноить гангрене всю раненую руку. Это вам скажет каждый врач да и просто любой здравомыслящий человек. Или вы думаете иначе, имеете свой безболезненный рецепт решения этого вопроса? Тогда уж поделитесь,

будьте так любезны. И учтите, вопроса «кто виноват?» для меня сейчас не существует. На него будут отвечать другие умные головы, и то в мало обозримом будущем. Я, как человек военный, обязан отвечать на вопрос «что делать?». То есть ставить перед собой реальную задачу, а поставив, использовать все доступные мне средства для ее исполнения. Других средств я здесь не вижу...

Нарушители, насильники и грабители, окажись они среди наших бойцов, пойдут под расстрел вместе с теми, кто станет чинить нам препятствия в сборе продразверстки, а уж тем более выступать против этого с оружием в руках. Такого рода приказ я вам сейчас и продиктую.

И главное. Сказав «А», необходимо говорить «Б». — Он поднялся со стула, привычным движением поправил кобуру револьвера. — Потому, товарищ Ненашев, хочется вам этого или нет, придется выполнять все приказы, которые вы от меня получите. Иначе, при всей моей к вам душевной предрасположенности, пойдете под суд военного трибунала. Это понятно?

- Так точно, встал из-за стола Ненашев. Одернул под ремнем гимнастерку. Разрешите сесть?
- Да полно вам, Игорь Вениаминович, поморщился Корицкий. Полно. Придет беда, посмотрим, как ей ворота открывать. Не торопите ее раньше времени. Садитесь-ка лучше за «Ундервуд», кроме вас, с этим динозавром никто не управится. Поработаем немного.

Игорь уселся на стул, поерзал, устраиваясь поудобнее, положил пальцы на затертые «копейки» клавиш пишущей машинки.

— Я готов.

Начальник Сибвуза прошелся немного по комнате, задумчиво потеребил пальцами околыш фуражки.

— Значит, так. Печатайте.

«Приказ номер один по отряду особого назначения Н.И. Корицкого. Омск, 10 июля 1920 года.

Первое. Сего числа на основании приказа помглавкома от 10 июля я вступил в командование отрядом особого назначения для подавления восстания в волостях Славгородского уезда». Успеваете?

— Чуть медленнее, если можно.

— Хорошо. «Второе. Боевые товарищи! Ни одной капли крови, ни одной напрасной слезы. Дисциплина, справедливость, порядок, гуманное и дружелюбное отношение к мирному населению. Беспощадное истребление вожаков черных банд и тех, кто мешает строить нам социалистическую жизнь. Где можно — слово, где нужно — меткая пуля. Вперед!

Да здравствует советская республика! Да здравствует трудовое крестьянство! Приказ прочесть перед строем. Начальник и комиссар отряда Корицкий.

Начальник штаба Рослов».

Засим все, Игорь Вениаминович, я вас больше не задерживаю. Пора в поход.

* * *

12 июля 1920 года сводный отряд курсантов сибирских училищ двумя эшелонами прибыл на станцию Славгород. Сразу же по прибытии, никому не докладывая о своей отлучке, Игорь Ненашев отправился в город. Он надеялся, что в суматохе разгрузки и размещения части на новом месте его недолгого отсутствия попросту никто не заметит, поскольку у него в подчинении никого не было, да и сам он, по сути, кроме Корицкого, никому не подчинялся. А заметят — и ладно, будь что будет.

Его все больше охватывало равнодушие к собственной судьбе. Угнетающе частая в недавнем прошлом мысль о том, сколько ему еще осталось, где и когда придет конец земному существованию Игорька Ненашева, больше не томила его сердце. Всем своим естеством он чувствовал, что ответ на этот вопрос он теперь знает, и страха при этом Игорь не испытывал, одно удивление. «Вот так, значит, а я-то думал...» Точила только сердце боль: а как же Наташа, дочка, что теперь предстоит вынести им и что он может сделать или не сделать, чтобы помочь им уцелеть? Без него, но вдвоем, не в одиночку порадоваться еще красотам и радостям Божьего мира.

В его черепной коробке уютно и прочно, как птичка в гнездышке, обосновалась мысль о том, что второе посещение им этих мест станет для него и последним. Где-нибудь здесь он навечно и останется, и место, где придется истлевать его косточкам, казалось Не-

нашеву не таким уж и плохим. Лучше бы, конечно, во Владимире, на холме у родной Клязьмы, но раз нет — годится и это.

Прибыв впервые сюда летом 1918-го, городской житель Ненашев с первых же дней полюбил степь. Среди заброшенных волею судьбы и гражданской войны в Славгород офицеров его чувство разделяли немногие. Другое дело — маревое спокойствие, густая сень и завораживающий воздух русского леса, величественные горные хребты, ласковый вечерний шепоток черноморской волны... А тут что?

А тут были нигде не виданный им ранее бескрайний простор, особый запах, особый посвист ветра, белые ковыльные перекаты и разноцветье непаханой земли.

На подъезде к городу он долго смотрел из раскрытых дверей теплушки в бескрайние и безлюдные поля, медленно тянувшиеся вслед за скупо мерявшим версты эшелоном, и казалось ему, что вместе с взглядом убегала к далекому горизонту вся его восторженная и опустошенная душа. И если и имелась у свободы «историческая» родина, то она явно была здесь. А где у свободы родина, там и ему уголок родной...

* * *

Первым делом он решил отыскать Екатерину Олизко, узнать, известно ли ей что-нибудь о судьбе Михаила Киржаева. Девушку эту он не знал, хотя и встречал, возможно, на улицах невеликого городка Славгорода, не догадываясь об этом. Игорь знал только, что Михаил любит ее, и не сомневался, что Екатерина его тоже. Очень уж счастливым выглядел в последние дни августа 1918-го начальник славгородского гарнизона штабс-капитан Киржаев. Знал Ненашев и о том, что отец Кати в городе человек довольно известный, как помнилось со слов Михаила, хлеботорговец, потому считал, что дом его будет найти не так уж сложно. И действительно, довольно быстро сумел это сделать.

— Да вон за поворотом его дом, товарищ командир, — охотно ответил на его вопрос молодой парень в перепоясанной тоненьким ремешком старенькой выцветшей рубахе. — Только он заколоченный стоит, давно уж сбежала контра недобитая. А на кой он вам, буржуй этот? — с интересом взглянул он на Ненашева.

Тот ответил ему строгим взглядом, молча приложил палец к губам.

— Понятно, — посерьезнел парень. — Так вот там дом его, значит, — почти шепотом повторил он и, то и дело оглядываясь на ходу, быстро пошел дальше.

Ненашев усмехнулся, поправил ремень и двинулся к дому «недобитой контры».

Доски на окнах были прибиты давно, это Игорь понял сразу, но уходить не спешил. По давней привычке доводить дело до конца он мазнул взглядом по сторонам и, увидев за забором соседнего дома склонившегося над огородной грядкой человека, подошел поближе.

Огородником оказался пожилой мужчина в заношенной чиновничьей тужурке, в смешно выглядевшем на заросшем густой щетиной лице пенсне с потрескавшимися стеклами.

Распрямившись, он внимательно посмотрел на Ненашева, не торопясь ответить на его вопросы о том, когда и куда уехала семья Олизко. Игорю показалось, что в бытность свою в Славгороде он этого человека встречал. Впрочем, мало ли людей встречал он в той жизни. Она стала прошлым, и они тоже. И вспоминать ни о ней, ни о них Ненашеву не хотелось. Не было для него ничего хорошего в этих воспоминаниях.

- Когда? Куда? Эх, молодой человек, кому дело до чужого, когда свое на былинке держится, жизнь то и дело на ниточке висит? вымолвил наконец «чиновник». Разве не так?
- Вам лучше знать, сухо ответил ему Ненашев и повернулся было уходить, когда огородник, приблизившись к забору, легонько потянул его за рукав. Игорь недоуменно обернулся
  - Не узнаете меня?
- Возможно, мы и виделись, неуверенно пожал плечами Ненашев. Но...
- Вот и хорошо, что не узнаете, перебил его мужчина. Сейчас, знаете, лучше, когда не узнают, грустно усмехнулся он. Сами-то не боитесь так-то по нашему городу ходить, господин подпоручик? Вдруг признает кто? Или вы теперь... Так думаете, что... Смотрите, эти ничего не забывают.

— Не боюсь, — ответил усмешкой Игорь. — Где надо, о моем прошлом известно, остальные меня не интересуют. Да и потом... Впрочем, это не важно. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

Мужчина промолчал, вновь склонился над грядкой. И, казалось, не обращая уже никакого внимания на Ненашева, вполголоса сказал:

— В Омск его дочь увезла к брату. Апоплексический удар у него случился, как мужичье на город напало, а брат Степана Ильича доктор известный. Уж год тому как уехали, а может, и больше.

* * *

Как мать, ежеминутно чувствуя его всем своим естеством, носит под сердцем еще не родившегося ребенка, все время гадая, каким он появится на свет Божий, так и он носил в груди то греющие, то режущие душу и плоть, но не все никак не обретающие законченной формы главные для него, жизнеопределяющие мысли. Искал и боялся ответа на непростой вопрос: почему человек всю свою жизнь живет только окружающим его миром, стремясь познать его, приспособиться к нему и даже пытаясь изменить, но вовсе не изучает самого себя, свой, не менее огромный, таинственный мир? Потому что так проще и менее страшно? И если это так, собственный это его выбор или промысел Божий, ограждающий человека от прикосновения к чудовищным тайнам? Кто он такой, Игорь Ненашев, в естестве своем Христу брат или Сатане? К кому шагнет в краткий миг последнего выбора?

Рассуждая об этом, Ненашев шел по Славгороду мимо крепких купеческих домов с затейливыми красочными узорами на ставнях окон, саманных мазанок, а то и приземистых землянок, которых было не в пример больше купеческих хором. Перед мировой войной на девяти улицах города: Столыпинской, Московской, Садовой, Филатовской, Павлодарской и других — жили около пяти тысяч человек. И жили по-разному.

«Как, впрочем, и во все времена», — подумал Игорь, шагая по Соборной улице к базарной площади. Летом 18-го он провел в этом городе без малого два месяца, и немощеные, без дождей

пыльные, с дождями грязные, широкие улицы как-то успели стать для него уже не просто привычными, но чуть ли не родными, будто уехавшие жить за моря за леса и несколько одичавшие там сестры улиц владимирских.

Городом Славгород был необычным, поскольку разделялся на городскую и крестьянскую части. Игорь слышал, что крестьяне села Славгородское отказали в просьбе основать новый город на месте их поселения самому Столыпину, ни много ни мало главе Правительства Российской империи. И тот, именуемый разнообразными сторонниками социальных реформ не иначе как сатрапом и вешателем, принуждать мужиков не стал. Новый город стали строить рядом с заважничавшим селом, и строить основательно.

Он был строго распланирован, и никакого хаоса в застройке не допускалось, не в пример другим сибирским городам, где Ненашеву тоже случалось побывать.

Весь уклад Славгорода был подчинен торговле. Вся округа, верст до двухсот, а то и более, тянулась к его базарам и магазинам. Здесь предлагалось все необходимое в крестьянском хозяйстве, даже самые современные сельскохозяйственные машины, в том числе знаменитой американской фирмы «Мак Кормик». Имелось в городе и представительство торговой фирмы с не менее звучным названием «Зингер». На шумных базарах, которые до конца 1919 года не сумела «закрыть» даже гражданская война, крестьяне могли сбыть весь свой товар.

Имелся в городе специальный скотный базар, где продавался лишь скот и сено. Был, конечно, и хлебный базар. Там торговля шла оптом и в розницу. Особенно богатыми бывали базары осенью, после сбора и обмолота урожая. В предбазарные дни еще с вечера втягивались в город бесконечные обозы со всяким добром. Подгонялись гурты скота. Но то было только началом. Утром весь город, все улицы были запруженными возами, целыми обозами, включая и верблюжьи, и гуртами скота. Стоял неумолкаемый скрип тележных колес, ржание лошадей, мычанье коров и человеческий гомон. И все это двигалось на базары, чтобы продать свое и купить необходимое в хозяйстве, а заодно и повеселиться.

Здесь можно было покататься на каруселях, покушать с пылу горячие мясные пирожки или мороженое и насладиться отлич-

ным квасом из бутылок и, конечно, не им одним. Хотя на питейные заведения еще в 1914 году были повешены замки, пить сибиряки меньше не стали. Хлебушка хватало, а значит, хватало и самосидки.

В памятную Игорю ночь с первого на второе сентября 1918 года под видом едущих на такой базар селян в город проникли ударные группы чернодольских повстанцев.

При воспоминании о том, что произошло вслед за этим событием, Ненашев поморщился, зябко повел плечами. Отгоняя хмарь с души, стал изучать фасады домов на ближайшей к нему стороне улицы и увидел на воротах одного из них устремленную ввысь длинную жердину с привязанным к ней пучком соломы. Поначалу удивился, но потом вспомнил, что в его бытность здесь в Славгороде так обозначали постоялый двор. И на вывеску тратиться не надо, и приезжим издалека видно.

Имелась в городе и гостиница «Сибирь», гордо именуемая номерами, в которой Игорю по приезду в Славгород довелось несколько дней пожить. И даже сейчас, после многочисленных испытаний, он вновь поежился, вспомнив о населявших эти номера несметных полчищах каких-то уж особенно кровожадных и непобедимых клопов.

«А подальше лавчонка, невесть из чего сбитая, была, — вновь припомнил Ненашев. — Там еще Ходя-китаец длинными конфетами собственного изготовления торговал. Ох, купить хотелось, да неловко было офицеру-то. У него и яблочки были, и халва, пряники. Была б здесь Наташа, да китаец тот, да пряники его... Она б с ним торговалась, цену сбивала. Она-то умеет, хозяйственная, не мне чета...» К глазам Игоря жарко прихлынули слезы, он на мгновение остановился. Справившись с собой, поглубже надвинул на глаза козырек фуражки и мерным солдатским шагом двинулся дальше.

Огромная базарная площадь была почти пустынна. Даже возле небольшой, но какой-то по купечески степенной и основательной церковки стояло и сидело лишь несколько нищих, испуганно поднявших глаза на перетянутого ремнем с револьверной кобурой красного командира. Ненашев постоял, переминаясь с ноги

на ногу у входа, затем решительно снял с головы фуражку, трижды перекрестился и вошел в храм.

Полумрак зала освещался лишь тонкими язычками пламени восковых свечек, и гуще всего их огонь был у иконы Богоматери с младенцем и образа Николы-угодника, пожалуй, самого почитаемого святого у простых русских людей.

«Умиротворитель враждующих, защитник невинно осужденных и избавитель от смерти напрасной», — вспомнил Ненашев слова Натальи.

«Хорошо бы свечу поставить, — подумал он, осмотревшись по сторонам. — Да только у кого, пусто в Божьем храме».

Опровергая его предположение, раздались позади Игоря неспешные старческие шаги, Ненашев обернулся и увидел перед собой невысокого седобородого священника.

- Что вам угодно? приветливо спросил он. Чем вам помочь?
- Простите, батюшка, что я при оружии в церковь, извинился Игорь. Я сейчас уйду. Хотел вот только свечу Николаю Чудотворцу поставить.
- Свечу я вам дам, так же спокойно и приветливо сказал священник. А с оружием в Божий храм, верно, нельзя. Хотя вам его оставить можно. Я ведь до принятия сана тоже военным человеком был, офицерский чин имел, как и вы, думаю, потому понимаю. Коль вы при исполнении, на войну собрались и благословления хотите попросить, можно.
  - Хочу, батюшка, благословите душу свою там сохранить.
- Благословляю, сын мой, трижды перекрестил склоненную голову Ненашева священник. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я сейчас принесу свечу, поставите ее, и пойдемте на улицу, спросите, коль еще есть о чем.
- Вы сказали, что были военным. Если не секрет, как давно и почему оставили службу? почтительно поинтересовался Игорь у священника, когда они вышли из храма. Поверьте, мне это очень важно.
- Я вам верю и скажу. Было это очень давно, полвека уж тому. Был я молоденьким офицером в 9-м гренадерском сибирском полку. Под Плевной ударил на нас Осман-паша, когда стали турки

из окружения прорываться, и весь удар их нам первым достался. Полег наш полк. Все поле у Копаной могилы было мертвыми да покалеченными усеяно. Меня ж ни саблей, ни пулей не задело, только как разглядел все это, когда туман сошел, сомлел совсем, едва разумом не помутился. Слабоват оказался для военной службы, понял, что нипочем больше на человека оружье не подниму, вот и пошел в церковь, Господу нашему, Человеколюбцу Иисусу Христу, служить и ближним своим, конечно.

- А вы сами убили тогда? жадно спросил Игорь.
- Вижу, нужно это вам, потому скажу, твердо посмотрел ему в глаза старичок. Убил. Двух турок убил. Одного пулей, другого саблей, в горло ему, бедному, попал, упокой Господи его душу.
- Как же вы о нем Господа просите, когда он магометанин, нехристь? удивился Ненашев.
- Так ведь Христос не спросит на Страшном суде: веришь ли ты и во что веришь, в какую церковь ходил и ходил ли? мягко улыбнулся священник. Спросит Он: ввел ли ты бездомного под свой кров? Накормил ли ты голодного? Был ты человечен или нет? Как ты можешь приобщиться к Богу, если ты даже не человек? Если ты не человек не о чем говорить даже... Понимаете меня?
- Понимаю, опустил голову Игорь. Что только делать мне, не знаю. Не хочу на войну с мужиком идти и не идти не могу. За свою жизнь не опасаюсь, у других отнимать не хочу, близких моих, дочку крохотную, жену, на заклание не могу отдать...
  - Давайте присядем, помолчав, сказал священник.

Они прошли к стоявшей в углу церковного дворика, в тени двух высоких берез, беседке, уселись друг напротив друга за небольшим столиком. Тихо шуршала листва, где-то за стеной церкви слышались крики играющих в войну мальчишек.

- Бах! Бах! Убитый! Так нечестно, я тебя первый убил!
- Русский мужик человек решительный. Он или уж терпит смиренно, и терпит долго и глубоко, или уж если взялся за дело, то доведет его до конца, раздумчиво сказал священник. Сказали: «Бога нет» и отца убить можно, и нечего тут мучиться, как если клопа раздавить... Интеллигенты-революционеры

от него ушли, не угодил он им. А про большевиков мужики говорят: плоха власть, да наша. Никакого страха не боится, эти порядок наведут. Кого убеждать в бурю революционную, когда все словно в горячке — действовать надо. Вот большевики и действуют.

Прихожанин один, серьезный мужик, обстоятельный, сказал мне недавно, что во всех смутах образованные господа виноваты, интеллигенция, значит, и самая вредная мысль ее о том, что людьми можно управлять без насилия, без казни. Я ему говорю, ведь вы христианин, а Христос не велел людей убивать, а он мне в ответ, так убивать Христос не велел людей, но разбойников казнить он не запрещал.

- Так вы что, за большевиков, что ли? немало удивился Ненашев.
- Зачем же? спокойно ответил священник. Патриарх Тихон издал указ, чтобы служители Церкви не вмешивались в политическую борьбу, а занимались своим прямым делом богослужением, проповедью Евангелия, спасением души. Говорят, предлагали ему за границу выбраться, чтоб жизнь не подвергать опасности, а он ответил, что пусть плохи большевики, но ведь и они мои духовные дети. Как же я могу бросить их? И остался. Так ведь и светский писатель Федор Достоевский говорил: «Все мы друг за друга виноваты».
- Нам не под силу совершить подвиг святого человека, но каждый из нас может сделать то, что ему под силу, вздохнул старичок. И мы должны помнить, как апостол Павел говорит, что все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе, что сила божия в немощи совершается. В сознании того, что человеку в его немощи и слабости не достичь того, о чем он мечтает, но что силой Божьей он этого может достичь.

Священник помолчал, затем, поднявшись с лавки, перекрестился на крест на куполе церкви, внимательно посмотрел на Ненашева.

— Вот что сказать хочу вам на прощание. Сказано: «Да будет воля Твоя, Господи», и на земле так же, как она исполняется и на небеси. Наша воля — дурная, злая, нерассудительная! — возвысил голос священник. — Ведь мы при своем малом уме, да еще испорченном теперь, и не можем знать, что хорошо для нас

и что плохо. Положитесь же на волю Божию и ничего не бойтесь. Все свершится по его повелению.

* * *

- Вы где были, я вас искал? резко спросил Корицкий, повстречавшись Ненашеву на крыльце дома, где разместился штаб курсантского отряда.
- Виноват. У меня здесь жили хорошие знакомые, уехали, оказывается, устало ответил Игорь. Извините, я потерял следы дорогого мне человека, пытался их найти. А в итоге собственный штаб пришлось разыскивать, усмехнулся он.
- В другой раз потрудитесь докладывать об отлучке, уже без особого раздражения сказал командир спецотряда. Не вас же, в самом деле, Игорь Вениаминович, учить воинской дисциплине. Впрочем, хватит об этом. Придется вам вновь выступить в роли секретаря-машинистки. Пойдемте за мной, продиктую короткий приказ.

Он прошелся по комнате, наморщил лоб.

— Значит, так... Печатайте.

«Вверенному мне отряду приказываю выступить походным порядком для подавления самым решительным образом движения повстанцев. При входе в каждую деревню объявлять мой приказ и приказ полевого трибунала о сдаче оружия в течение пяти часов с момента объявления. При неисполнении означенного приказа лиц, у коих найдено будет оружие, — расстреливать. Командующий отрядом особого назначения и военком Корицкий. Начальник штаба Лавровский». Все.

Ненашев закончил печатать, вынул из «Ундервуда» листок приказа, положил его на стол ближе к Корицкому. Встал, одернув под ремнем гимнастерку.

- Разрешите быть свободным?
- Да, конечно, машинально ответил о чем-то задумавшийся краском и тут же отрицательно мотнул головой. Впрочем, нет. Отставить. Придется вам, Игорь Вениаминович, еще свой полевой паек отрабатывать. Будем составлять

доклад товарищу Смирнову в Сибревком. Вот здесь вы мне уже не только как специалист по «Ундервуду», но, возможно, и как стилист потребуетесь. Начнем.

«12 июля сего года со вторым эшелоном вверенного мне отряда прибыл на станцию Славгород, разгрузился и в полном составе отряда вступил в город. Из полученных сведений можно было сделать заключение, что главный недостаток — отсутствие организованного командования и управления...» — быстро катал слова Корицкий.

— Погодите немного, — попросил его Ненашев. — Я все-таки не профессиональная машинистка.

Тот кивнул, соглашаясь, повторил последнюю фразу и, уже медленнее, продолжил: «Поэтому, обсудив обстановку, решил принять гарнизон как старший начальник, учредить свою комендатуру и руководить операцией всех войск».

Как вы считаете, Игорь Вениаминович, не слишком решительное заявление? — пристально взглянул он на Ненашева.

- Офицер обязан действовать решительно в любой ситуации, пожал плечами Ненашев. Вам, Николай Иванович, это известно лучше меня. Хотя и осмотрительность вещь нелишняя, как ни банально это звучит, усмехнулся он. В общем, вам решать.
- Вот именно, подтвердил Корицкий. Мне. Так что продолжим. Давайте, как там полагается, с новой строки.
- «...Повстанцы действуют группами по двести триста человек, преимущественно в конном строю. Вооружение: пики, сабли, вилы, охотничьи ружья и редко винтовки с крайне ограниченным числом патронов. Артиллерии и пулеметов не имеют. Руководители отряда старики, подпрапорщики японской войны, крайне неразвитые и невежественные. Молодежь к ним мало присоединяется. Но есть чья-то опытная рука, узнать которую стараюсь. Мобилизуя население, руководствуются таким принципом: устраивают сход, назначают комсостав и в этой же волости формируют части, чем объясняется существование 5-го крестьянского Волчихинского полка».

Он замолчал, подошел к столу с разложенной на нем

картой, посмотрев на нее, так же четко и размеренно стал диктовать дальше: «Мое решающее направление — южные волости Славгородского уезда. Обстановка такова: отряды повстанцев, выйдя из Михайловской волости, заняли Волчиху, Ярославцев Лог, Каип, Ключи. В Ключах стояла добровольческая рота коммунистов из Славгорода, которая, будучи совершенно небоеспособной, так как никто в роте с военным делом не знаком, отступила сначала в село Троицкое, а потом в поселок Городецкий. Повстанцы заняли Троицкое 12 июля...

Я двинул отряд двумя колоннами по дорогам Славгород — Троицкое, Славгород — Златополь. Укрепив в этой местности власть и восстановив полный порядок, 14 июля отряд теми же колоннами должен будет занять линию Апаевский — Писаревский; 15 июля правая колонна займет Ключи, левая — захватит повстанцев в Каипе; 16-го правая колонна подойдет к поселку Иркутский. Левая двигается на Михайловское.

Достигнув такового положения, принимаю во внимание следующее: Михайловское примыкает к бору, в который повстанцы могут скрыться. Поэтому пехотой обхожу Михайловское с запада по бору и отрезаю повстанцам возможность уйти в бор.

Решительный удар наношу по Михайловскому конницей под своей лично командой. Пройдя бор и выгнав повстанцев оттуда, держу направление на Волчиху для входа в связь с 26-й дивизией».

Он подошел к Ненашеву, положил руку ему на плечо.

— Это, кажется, все. Хотя нет. Напечатайте еще вот что: «Настроение отряда великолепное. Командующий особым отрядом, начальник и комиссар Сибвуза Н. Корицкий».

Вот теперь все, Игорь Вениаминович.

Начальник Сибвуза помассировал пальцами кожу под глазами, с хрустом потянулся. — Поглядели на славный город Славгород и довольно. Пора и нам за бойцами в путь, мятежников воевать

Глава пятая

18 ноября 1919 года в Славгород вошли партизанские отряды Григория Савченко и Семена Толстых. Выступая на митинге во время перезахоронения погибших в сентябре 1918-го чернодольских крестьян-повстанцев, нахмурив широкое, с маленькими, глубоко укрытыми глазами и такими же маленькими, лихо подкрученными вахмистрскими усиками лицо, Семен Толстых говорил:

— Вы смотрите на эти ужасы, дикое чудовище, неслыханное в истории. Невинная кровь пролилась в Ново-Платове, Подогрееве, Хабарах, Подсосново. В одном Славгороде расстреляны тыщи людей — невинных жертв.

Мы свидетельствуем перед этой могилой лежавших трупов, расстрелянных наших товарищей и всех остальных расстрелянных товарищей в других местностях и даем клятву навсегда, что мы все как один, мужчины и женщины, малые и старые, будем вооружаться, не считаясь ни с какими трудностями и не боясь никаких угроз. Дальше терпеть нельзя. Сил у нас много, разгромим колчаковские банды и не допустим более проливать невинной человеческой крови и проливать слезы.

Он стянул с большой, начавшей лысеть головы высокую мерлушковую папаху, смял ее в такой же большой ладони медленно, раздельно повторил:

— Не допустим больше проливать невинной крови и слез...

Через полгода, летом 1920-го, в Степном Алтае вспыхнуло мощное крестьянское восстание, во время которого армейскими частями Красной армии, интернациональными ротами и коммунистическими спецотрядами крови было пролито не меньше, чем при выступлении чернодольцев... Повстанцы, в свою очередь, не щадили коммунистов.

* * *

Установившаяся в начале 18-го года на Алтае советская власть была для сибирского мужика просто манной небесной. Мало того что она дала крестьянину землю, так еще и аннули-

ровала все недоимки предыдущих лет, избавила от платежей казне и царскому кабинету.

За такую власть стоило повоевать, и пошедшие на большие жертвы в борьбе с Колчаком крестьяне надеялись, что с приходом Красной армии их борьба будет оценена по достоинству и на освобожденных партизанами территориях управление по-прежнему станет осуществляться созданными ими органами. Рассуждая так, они, естественно, не могли знать о том, что в декабре 1919-го 8-я Всероссийская конференция РКП(б) приняла постановление, в котором разъяснялось, что если в освобожденных от врага районах страны окажутся повстанческие организации, которые безоговорочно не подчинятся приказам командования Красной армии и не пожелают прекратить своего самостоятельного существования, то «никакого чувства благодарности по отношению к ним быть не может. Здесь есть один путь, путь беспощадной, самой решительной ликвидации этих отрядов».

Вслед за словом в ход пошло и дело. Повсеместный роспуск избранных населением Советов и замена их назначенными сверху ревкомами, состоявшими только из коммунистов и им сочувствующих, расформирование самостоятельных партизанских отрядов. На этом бывшие алтайские партизаны, зачисленные в ряды 5-й Красной армии, ответили дезертирством из ее частей.

По данным барнаульской уездной комиссии, в конце мая 1920 года в уезде насчитывалось около тысячи дезертиров, и почти все из них были в недавнем прошлом партизанами. При этом дезертиры, имеющие семьи и крепкие хозяйства, в конечном счете, добровольно являлись с повинной в органы советской власти, поскольку боялись репрессий. Скрывались или вставали на путь активной борьбы с коммунистами, как правило, бессемейные и неимущие крестьяне.

В мае 1920 года ситуация в степном Алтае обострилась еще сильнее, что было вызвано жесткими мерами, предпринятыми советской властью против дезертиров, принудительным изъятием продовольствия у крестьян и призывом в Красную армию. Перед крестьянами предстал их старый враг образца колчаковского, 1919 года. Он также задарма выгребал хлеб из амбаров и забирал на войну — теперь с поляками и Врангелем — сельскую

молодежь. А уж как он себя при этом называл и какие лозунги развешивал, существенного значения не имело.

К тому же продотрядовцы порой допускали такие «вольности», что даже местные коммунистические руководители открыто называли их «колчаковской бандой». «Ведут себя так, — говорили крестьяне, — будто нам жить незачем, да и они тоже не собираются».

Как считал уполномоченный Алтайской губернской чрезвычайной пятерки Афанасий Толоконников, продразверстка вызвала недовольство не только у зажиточных крестьян, но и у бедняков, так как они не могли, как раньше, за деньги, а чаще за отработку, приобрести хлеб у селян побогаче, поскольку он был взят на учет по продразверстке.

Тот же Афанасий Толоконников в своем докладе в Алтайскую губернскую чрезвычайную пятерку писал: «Восстание бывает там, где общество доведено до высшей меры негодования какой-либо личностью или властью, или представителями ее, или каким-либо классом, от которого ему стало невмоготу. Не нужно забывать, что сибирские крестьяне с ног до головы собственники плюс к этому самолюбивы, горды, а в завершение темны, как ночь, а следовательно, к последним нужно подходить с целью их завоевания с особой на этом осторожностью».

* * *

Население Алексеевской волости Змеиногорского уезда и многих волостей Славгородского уезда Алтайской губернии фактически отказалось выполнять наложенную на него продовольственную разверстку. Новобранцы Каипской волости прислали в уездный военкомат уведомление об отказе служить в Красной армии, и еще около шестисот человек не явилось на призывные пункты в других волостях. В западной части Барнаульского уезда бывший партизанский вожак Филипп Плотников организовал вооруженный отряд.

Будучи военным комиссаром дислоцировавшегося в Барнауле 1-го запасного полка 5-й Красной армии, он не скрывал своего недовольства коммунистическими порядками, был арестован Алтайской губчека, бежал из концлагеря южно-сибирских железно-

дорожных мастерских с помощью конвоиров и открыл активные военные действия против коммунистов.

Началом же массового восстания алтайских крестьян против советской власти стало 29 июня 1920 года, когда в селе Алексеевка Змеиногорского уезда повстанцы, организовав неожиданное нападение, разгромили отряд Семипалатинского уездного комитета по борьбе с дезертирством. Было убито около ста красноармейцев, а остатки отряда — приблизительно сорок человек — взяты в плен.

В начале июля восставшие из центра мятежа двинулись по трем направлениям: в северном (на Славгород), в северо-восточном (на Барнаул) и юго-западном (на Семипалатинск). Тесня небольшие отряды войск внутренней охраны, местных коммунистов и милиции, повстанцы 11 июля 1920 года находились еще в сорока верстах от Славгорода.

Идейным центром борцов против власти вновь, как и в 1919-м, стала Волчиха. Здесь и в Михайловке было сформировано шесть крестьянских полков.

«Народ Сибири не выдержал гнета коммунистов. Он не хочет ничьей диктатуры, — говорилось в воззвании Волчихинского районного штаба повстанцев к окрестному населению. — Народ не желает угнетаться одной кучкой захватчиков (узурпаторов) над всеми людьми. Коммунисты крепче царского самодержавия взяли власть в свои руки и заглушили свободное слово, жестоко отвергли неприкосновенность личности, свободу совести и свободу печати.

Сибирь не хочет заморить голодом родную ей Россию. Сибирь даст все, что сможет, для голодной России, а также для борьбы с русской и иностранной буржуазией. Сибирский народ говорит: «Нет места насилию и гнету». Он встал не против народной власти, а против насилия. Лозунг повстанцев: «Да здравствует свобода, равенство, братство и любовь. Да здравствуют Советы. Долой коммунистов и нет места капиталу.

Товарищи! Никто без очевидной причины не подвергается аресту, а о расстрелах нет и речи».

Последнее было неправдой, были и аресты, и расстрелы, и рубка пленных. 29 июня плотниковцы сделали набег на село Урла-

повское, где расстреляли двух остановившихся на ночлег красноармейцев, убили сельского секретаря Марию Згурьян. Заняв село Ракиты, повстанцы устроили над коммунистами публичный суд. Арестованного выводили на крыльцо и спрашивали у селян: «Что с ним делать будем?». Если большинство кричало «смерть!», человек был обречен, если нет, подлежал записи в народную повстанческую армию. В ночь после суда повстанцами были зарублены уполномоченные по продразверстке и советские работники, позже было казнено еще девятнадцать коммунистов. При отступлении 17 июля из Михайловки повстанцы расстреляли семьдесят четыре красноармейца 445-го батальона ВОХР, которые находились у них в плену. Были и другие случаи убийства захваченных повстанцами в плен коммунистов и продотрядовцев.

* * *

Даже очень слабо вооруженные, плохо организованные, не имеющие грамотного управления и средств связи, восставшие крестьяне на первых порах довольно успешно противостояли регулярным частям Красной армии, имеющим на вооружении пулеметы и артиллерию.

8 июля 1920 года 1-й, 2-й и 6-й Каипский полки общей численностью около трех тысяч человек после длительного боя вынудили 445-й батальон войск внутренней охраны, славгородский отряд уездного продкома и два отряда местных комячеек оставить село Каип. При этом силы коммунистов хоть и были куда малочисленнее, имели несравненно большую огневую мощь, в том числе четыре пулемета. Десять часов длился 12 июля бой за село Большевладимировка, где двум крестьянским полкам противостоял сводный отряд советских войск комбрига Новика — пятьсот три штыка, шестьсот сабель и взвод артиллерии.

* * *

Отряд Корицкого прибыл в Славгород на другой день после подавления сопротивления повстанцев в одном из их главных опорных пунктов — Волчихе. Мятежное село советским частям удалось взять с упорного боя. В сражении за Волчиху и в последующей за ним расправе было убито свыше полутора тысяч кре-

стьян, их способность к упорному сопротивлению была поколеблена. Но еще не сломлена до конца...

Узнав о прибытии в Славгород хорошо вооруженного отряда с артиллерией, подступившие к городу повстанцы стали спешно отходить в степь. 16 июня 1920 года отряд Николая Корицкого без боя занял деревню Петухово. Повстанцы отступили дальше на юг.

В деревне начались обыски. Пока одни курсанты в поисках спрятанного крестьянами оружия методично обшаривали дома, дворы и домовые пристройки, другие начали наступление на село Каип — место формирования одного из повстанческих полков. Шли допросы пленных, а также крестьян, обвиняемых в агитации против советской власти и РКП. Среди прочих здесь оказались даже председатель и секретарь одного из волостных ревкомов, подписывавших приказы восставших о мобилизации. За «противосоветскую деятельность» были арестованы председатель и секретарь Петуховского сельсовета.

Вскоре в штаб отряда прибыли несколько посланцев стоявшего в Ключах повстанческого полка — четверо угрюмо-молчаливых, с опаской посматривающих на каждого близко подошедшего к ним курсанта, мужиков. Их обыскали и отправили на допрос. Они сообщили, что прибыли для переговоров, сообщив, что их полк состоит из крестьян Ключевской волости, насчитывает около двух тысяч человек и никто из них не пошел против советской власти добровольно. Все мобилизованы приехавшими из Михайловки чужими людьми. С красными они биться не желают и, как только михайловские уехали, решили послать делегатов к командиру ближайшей советской части с предложением о сдаче.

Пока шли переговоры, курсанты с ходу взяли Ключи, потеряв два человека ранеными. Без боев заняли крупные повстанческие села Каип, Ярославцев Лог, Ащегуль. 8 июля в штаб Корицкого поступили более четырехсот пятидесяти пленных, было захвачено два десятка винтовок при небольшом количестве патронов — вся огневая «мощь» сложившего оружие 6-го повстанческого полка. В плену оказались его командир крестьянин Иван Стрюк и начальник повстанческого гарнизона Ключей Комнуков.

Несколько человек были расстреляны, для остальных, так же как и для немногих крестьян села Петухово, проведен митинг с объяснением насущных задач советской власти, их правомерности и необходимости выполнения. Как отмечалось в очередном донесении Корицкого помглавкому по Сибири Шорину, «ораторы выслушивались со вниманием». Да и трудно, пожалуй, было оставаться нечутким к их высказываниям, разглядывая за спинами агитаторов тупорылые рыльца «максимов».

В большом селе Мазаргуль, куда советские агитаторы прибыли без пулеметов, на митинг по теме «Текущий момент» не пришел ни один крестьянин и ни одна крестьянка, потому, согласно донесению, «ревком создать не удалось». Сообщения из многих других степных сел были похожими: «Ревком создать невозможно, потому что не было подходящих граждан».

Не дожидаясь прихода регулярных советских частей и куда более страшных коммунистических отрядов, вслед за отступающими повстанцами из многих сел уходило поголовно все мужское население, включая подростков. Нередко уезжали целыми семьями, бросая долгими трудами нажитое добро. Хлебные поля перед уходом зачастую вытравливали скотом...

Узнав об этом, Корицкий приказал построить оставшиеся в селе два взвода курсантов и выступил перед ними с речью. С тех пор, как он был штабс-капитаном царской службы, времени минуло немало, и это поначалу новое для себя искусство он уже успел освоить неплохо.

— Мне стало известно, что от крестьян поступает масса жалоб на самоуправство отдельных красноармейцев из других, оперирующих здесь частей. Сообщают, что они ведут себя по отношению к крестьянам очень скверно. Были случаи воровства вещей, даже денег, самочинные обыски, реквизиции. — Командир спецотряда сделал паузу, внимательно обвел взглядом напряженно-хмуро смотревших на него курсантов. — Также замечено, что красноармейцы слишком грубо, даже жестоко обращаются с пленными повстанцами, не считаясь, кто бы они ни были. Я знаю, что передо мной сейчас стоят сознательные бойцы, лучшие из лучших, и не вам напоминать, что наша Красная рабоче-крестьянская армия призвана защищать интересы рабочих и крестьян. За восста-

ние должны нести ответственность не все крестьяне поголовно, а только те, кто был злостным зачинщиком такового.

С этими советская власть знает, как поступать, — резким движением краском указал пальцем в землю. — А к тем крестьянам, которые по несознанию, темноте своей поддались на провокацию разных проходимцев из эсеров и взялись за винтовку против советской власти, мы должны вежливо и корректно стараться разьяснить весь вред восстания, доказать на деле всю ложь буржуйской своры, которая среди крестьян распространяет слухи, что мы всех поголовно расстреливаем, вешаем и грабим.

Я верю в порядочность каждого из вас, в вашу революционную сознательность, верю, что не найдется и одного из курсантов, кто грязным пятном грабежа замарает наше боевое красное знамя. Ну, а коль все ж таки найдется... — Корицкий вновь замолчал, надвинул на глаза козырек фуражки. — Предупреждаю, что все замеченные в мародерстве, жестоком, совершенно ненужном обращении с пленными и в других подобных поступках будут жестоко караться вплоть до расстрела на месте преступления.

- Так это вохровцы, они только мужиков гонять да грабить и могут, обиженно заявил длинный, как оглобля, нескладный на вид курсант Александр Петров, которого, как слышал Ненашев, за бои на Тоболе представляли к ордену Красного Знамени, да награда «затерялась» где-то в политотделе армии. Среди них, открыто сказать, всякой дряни хватает. А нас это не касается, мы в Красную армию не за мужицкими штанами шли.
- Верно, поддержали его другие курсанты. На нас охулки не делайте, товарищ военком. Ни к чему нас агитировать.
- Все понятно, товарищи, неожиданно улыбнулся начальник Сибвуза. Но слова мои прошу все же запомнить. Вольно. Ра-а-зойдись!

* * *

На второй день стоянки курсантской колонны в Петухово Корицкий вызвал к себе Ненашева. Не ответив на его приветствие и не отводя устало-хмурого взгляда от окна, сказал:

— Пора уже вам действовать самостоятельно, товарищ Ненашев, как и полагается командиру, и действовать так, чтобы в грязь лицом не попасть. Сами знаете, что отношение к вам отдельных курсантов, в том числе тех, кто входит в партячейку, откровенно негативное, потому незамедлительно принимайте под командование взвод Филипчука и...

- Филипчука? опешил Ненашев. Так ведь... Разрешите...
- Не разрешаю, отрубил краском и уже мягче добавил: Делайте, что говорю, это в ваших же интересах. Филипчук будет у вас за комиссара. Он член РКП с дореволюционным стажем, боец отличный и человек рассудительный. Сам дров не наломает и вам глупостей не даст делать. Займете село Свищи, оно в нескольких верстах южнее, противника, по данным разведки, в нем нет. Обеспечите изъятие оружия у населения и вывоз положенного по продразверстке продовольствия. Соблюдать революционный порядок и дисциплину, но не миндальничать.

Предупреждаю, приказываю и просто прошу, — повернулся он наконец к Игорю. — Особое внимание уделите организации караульной службы и надежной обороне на случай налета повстанцев. Остальным займется Филипчук, ему поможет Акимушкин. Кроме того, проведите опрос среди местного населения на предмет понимания задач и действий советской власти. Подготовите мне отчет. Все ясно?

- Так точно, мрачно ответил Ненашев.
- И это все, что я могу для вас сделать, Игорь Вениаминович, при всем к вам душевном расположении. Корицкий подошел к Ненашеву, протянул ладонь для рукопожатия. Ну, в добрый путь.

Крепко тряхнув вялую руку Игоря, он раздраженно поморщился, но ничего больше не сказал. Посмотрел только долгим взглядом на закрывшуюся за Ненашевым дверь, походил взадвперед по комнате, проговорив несколько раз словно детскую считалочку: «Добром не кончится, не кончится добром. Жаль, жаль, жаль».

Остановился, глубоко вздохнул: «Эх, Коля, Коля, горячую кашу ты заварил. Благородным дураку побыть захотелось, нашел время. Обожогешься, как нянюшка говорила». Вновь прошелся по комнате, беспомощно развел руками: «Ну виноват, Дарья Афанасьевна,

обмишурился. А теперь дуй не дуй, похоже, что не остудишь...» Подошел к столу, мутноглазо уставился в карту.

* * *

- Так что, товарищ командир, задержали двоих за околицей, доложил Филипчук сидевшему в за столом в брошенном доме бывшей сельской управы Ненашеву. По обличью мужики как мужики, говорят, из соседней волости, бумага есть из ревкома ихнего, что в комбеде состоят. Говорят, от черных этих бежали. Все вроде в порядке, только...
- Что только? вяло спросил Игорь, отерев ладонью припухшее после бессонной ночи лицо.
- Да больно уж взгляд у одного недобрый и рожа чисто разбойничья, дите или бабу там до смерти испугать можно.
  - Хорошо, усмехнулся Ненашев. Заводите.

Перед Игорем предстали двое пропыленных, заросших густой щетиной молодых крепких мужиков. Один в перешитой из шинели куртке, другой в длиннополом, изрядно поношенном пиджаке. Прошаркали по полу порыжелыми сапогами, остановились посреди комнаты, уставив глаза вниз.

— Какой тут разбойник? — без особого интереса спросил Игорь. — Что-то не вижу таких.

Один из задержанных крутнул головой, словно усмехаясь, поднял глаза от пола, и Ненашев встретился взглядом со своим сослуживцем по Славгороду штабс-капитаном Михаилом Киржаевым.

- Что, товарищ командир, знакомый? заметив смятение Игоря, поинтересовался наблюдательный курсант.
- Нет, после короткой паузы ответил Ненашев, но кто бы знал, чего ему стоило это спокойствие. Просто прав ты, Филипчук, был бы я бабой, точно б испугался.
- Так я и говорю, хохотнул курсант. Разрешите идти или, может, помощь потребуется?
- Идите, будет нужно, позову. Думаю, что это люди мирные. А что вид такой, так уж какое обличие бог человеку дал, такое он и носит.
- Бога отменили, товарищ Ненашев, согнал с лица улыбку курсант. А что до обличия, так то не богово дело. Шрам у этого

на лице точно от шашки, а пониже осколочный, похоже. Сам такой, только на боку, ношу. Так что вы осторожнее с этим-то.

- Ничего, справлюсь, твердо сказал Ненашев. Нужно их обстоятельно допросить. Выяснить оперативную обстановку и настроение местного населения. Проследите, чтобы никто не мешал. Если что, наган при мне, а обращаться я с ним умею.
- Это уж точно, усмехнулся курсант. Дай бог каждому. Тьфу ты, сплюнул он на пол. Прилипчивая зараза. Так что зовите, если помощь потребуется.

Киржаев проводил взглядом курсанта и, когда за тем закрылась дверь, с кривой усмешкой взглянул на Ненашева. Тот смотрел на него с радостным недоумением и тоже, только гораздо мягче, улыбался. Спутник штабс-капитана, простоватый на вид деревенский парень с выправкой бывалого солдата, перевел внимательный взгляд с одного на другого, после чего стал молча смотреть в окно.

- Ты говорил, помнится, что не собираешься больше никого убивать, сказал наконец Михаил. Что же ты делаешь у красных? Служишь кашеваром или, подымай выше, лакеем?
- Хороший выстрел, Мишель. Почти в яблочко. Ненашев подошел к выходу и, выглянув за дверь, прикрыл ее поплотнее. И тот факт, что я нахожусь здесь против моей воли, по-твоему, не может служить мне оправданием?
  - Нет, жестко сказал Киржаев. А ты что, другого ждал?
- Согласен, кивнул головой бывший подпоручик. Я и сам так думаю. То, что меня мобилизовали, оставив у себя в заложниках мою жену и крохотную дочь, мне, конечно, не оправдание. Говорю это без всякого сарказма или желания вызвать жалость, просто как факт.
  - Пожалеть тебя все ж таки или без этого обойдешься?
- Обойдусь, мягко ответил Ненашев. Дело уже привычное.
- Тогда скажи все ж таки, как ты тут с этими оказался? Вижу, выдавать нас пока не собираешься... Я думал, по тебе еще в 18-м панихиду справили...
- Не собираюсь. А про тебя я тоже так, бывало, думал. Давай, Миша, обнимемся, что ли? Давненько ведь не видались...

Что с тобой случилось тогда в Славгороде? — живо поинтересовался Игорь, освобождаясь из медвежьих объятий Киржаева. — Как уберечься-то сумел? И каким ветром сейчас здесь оказался?

Михаил с опаской посмотрел на плотно закрытую дверь, бросил взгляд в сторону своего спутника. Тот вздохнул, медленно опустился на табурет, выхлопал о колено пыльную фуражку. Ткнул пальцами в давно не мытые и не стриженные белесые вихры, привычно потянул из кармана кисет с махорочной пылью. Бросил завистливый взгляд на блестевший на столе портсигар и снова вздохнул.

- Возьмите папироску, товарищ, не стесняйтесь, заметил его взгляд Ненашев. Пожалуйста.
- Товарищ, усмехнулся Киржаев. Мы вам не товарищи, мы для вас бандиты. И я, и Егор вот. На германской в одних окопах были, на «гражданке» друг в дружку пуляли, а теперь вот вместе судьба свела. Бандитами стали. Ладно, не хмурься, устало махнул рукой Михаил. Теперь товарищи, считай, везде, господа в Крыму только остались. Да и там, видать, ненадолго. А я... Что я? Когда мужики захватили Славгород, прятался до ночи в доме у Кати. Потом уже на пути из города едва не погиб, подобрали, отлеживался в Новониколаевском госпитале, воевал в Ижевской дивизии генерала Молчанова.

В декабре при отступлении опять ранило тяжело. Попал в плен, сидел в лагере вместе с партизанским вожаком Филиппом Плотниковым, он новой власти тоже врагом, как и я, оказался, такая вот метаморфоза. Бежали мужиков поднимать, он по идейным соображениям, а я просто так, чтоб дружкам твоим насолить. Ну не морщись, не буду больше. Главное, хотел я до Славгорода добраться, узнать, что с Катей, не забыла ли она меня... В Волчихе расхлестали нас. Еле ушли с Егором... У тебя случаем пожевать нет чего, а?

— Сейчас, — кивнул Ненашев. — Кое-что найдем.

Он выложил на стол полбуханки хлеба, прибавил пару луковиц, придвинул поближе к Киржаеву щербатую чашку с солью. Достал из-за спинки стоящего в углу деревянного конторского диванчика мутно-зеленую бутылку, понянчил ее в руке.

— По полстакана будет. Можно, конечно...

— Не надо, — прервал его Киржаев. — Этого вполне достаточно. Не на гулянке, да и засиживаться не след.

Белобрысый парень сожалеюще поморщился, но ничего не сказал, придвинулся ближе к столу.

- Сейчас перекусим маленько, двинем дальше на Славгород, Киржаев одним глотком осушил стакан, распластал ножом луковицу, потянулся за солью.
  - Нет Кати в Славгороде, коротко сказал Ненашев.

Рука Михаила на мгновение повисла в воздухе, затем он медленно опустил ее на стол и так же медленно повернулся лицом к Игорю.

- Откуда знаешь?
- Был у их дома, заколочено. Говорят, в Омск, к родственникам уехали. Куда точно, не знаю.
- Так... Михаил сгорбился на стуле, тяжело опустил руки между колен. Так вот. Тогда все, цели жизненной более не имеется. Ладно на том. Он крепко надвинул на глаза козырек фуражки, резко мотнул головой. Скажи лучше, как ты тогда уцелел?
- Сподобил Господь, вот и уцелел, сострадательно посмотрел на него Игорь. Но столько тогда испытал, столько всего в Славгороде нагляделся, что чуть умом не тронулся. В двух местах сам видел просто кучи порубанных, как говяжьи туши, людей, лужи крови, разрубленные шашками головы. Я побывал на германской, Господь заставил меня увидеть, как одни люди травят газами, словно клопов, других людей, зарывают их в землю «чемоданами» мортир, но это было еще страшнее. И сделали это не чудовища-немцы, не жидыкомиссары и озверевшее, потерявшее себя мужичье, а мы, так называемые цивилизованные люди... Цвет нации и тому полобное.
- Одно и то ж, с тяжелой тоской сказал спутник Киржаева. В Волчихе-то... Что белые, что красные... Правильно батька Рогов говорил, всем кровь мужичья копейка. Сволочи.

Он неожиданно шмыгнул носом и, отвернувшись от Ненашева с Киржаевым, стал молча и внимательно смотреть в окно.

В комнате зависла тишина.

- Что-то ты Господа Бога стал частенько вспоминать, раньше за тобой такого не водилось, заметил наконец Михаил, но погруженный в свои мысли Игорь будто и не услышал этих слов.
- Да-а. Думал... Верил, что уж не увижу такого, а тут... Ненашев достал из кармана портсигар, повлажневшими от волнения пальцами вынул из него папиросу. Вчера, когда вошли сюда, по решению тройки расстреляли четверых местных мужиков. На одного соседи показали, что повстанец, другой винтовку плохо спрятал, еще двоих за невыполнение продразверстки и пособничество бандитам.

Грешно говорить, но я чуть ли не обрадовался, поскольку думал, что этим и обойдется. Горе, конечно, но все ж по суду. Предупреждали, что за оружие расстрел. Слабое, конечно, утешение, но все ж себя как-то обмануть можно. Но тут... — Игорь сломал спичку о коробок, такая же участь постигла и вторую, наконец закурил. — Приехал комиссар-латыш, Шледе, со своим помощником Первухиным и расшумелся, что это не меры и не полумеры даже, а прямая измена революции.

А потом приказал немедленно собрать по селу тридцать — сорок пособников бандитов, а коль таких не найдется, просто крестьян позажиточнее да тех, кто властью недовольство высказывал, и в назиданье другим расстрелять. Филипчук ему, это тот, что вас привел, говорит, не было у нас такого приказа. Шледе ему — измена, Первухин в крик — доложить, иначе трибунал. Будь здесь Корицкий, может быть, и по-другому бы вышло... Ну и...

- Доложили? В глазах Киржаева пыхнул винтовочным выстрелом желтый огонек.
  - Незадолго до того, как вас привели. Тридцать два мужика...
  - Слышали мы пулемет, сипло сказал Егор и закашлялся.
- Шледе потом говорит: «Русские большие люди, все много-о, нет организация. Плохо. Революция это пять минута демонстрация, потом –организация. Дело дела-ать без всякий санимент, без глупый жалость. Тогда результат, нет смерть. Владимир Ильич еще до октябрь говорил, что крестьяне рабочий хлеба не дадут. Нужно взять самим, и тут нужны революционные меры, без всякий русский жалость». А Первухин, даром что его подчиненный, Шледе в ответ: «Вы, товарищ комиссар, очень оши-

баетесь. Русский коммунист другого не хуже и в жалости к пособникам контрреволюции пока не замечен».

Латыш поморщился, но ничего ему не сказал.

- Так, четким командирским голосом оборвал Ненашева Михаил. Где они сейчас, эти комиссары? Уехали уже?
- Нет еще. Через две избы от нашей заночевали. Утром сказали тронуться. Наш комиссар Филипчук им, опасно, мол, а Шледе этот и глазом не повел. Сам, дескать, знаю, что делать. Ты чего задумал, Михаил? вынул изо рта папиросу Ненашев. Ты что же, хочешь...?
- Про то тебе думать незачем, скажи вот только: куда они дальше ехать собрались и когда это делать намереваются? Он повернулся к Егору, коротко и деловито спросил: Ты как?

Тот молча кивнул.

- Погоди, Михаил... начал было Ненашев, но штабс-капитан вновь оборвал его на полуслове.
- Не тревожься, тебя с нами не зову. Покажи на карте дорогу, по какой они поедут, и скажи когда. Вот и все.
- Все, вздохнул Ненашев. Действительно, все. Такая малость... Ладно, может быть, и грех это, только... Местность обычная степь. Он развернул карту и уже выровнявшимся, ровным голосом штабиста стал давать все необходимые пояснения. Проселок на Николаевку, ткнул пальцем в тонкую извилистую полоску. В двух верстах от нас по пути их движения березовый колок, и ближе к дороге ложок. Очевидно, не особенно глубокий, но... Из деревни это место уже не просматривается...
  - Достаточно.
- Ты, значит, все с ними воюешь? складывая карту, спросил Ненашев.
- Ага, кивнул головой Киржаев. И намерен делать это дальше.
  - Надеешься их победить? грустно усмехнулся Игорь.
  - Нет. Думаю продолжать их душить.
  - А смысл?
- Они мне жизнь искалечили, отца моего, по сути, простого мужика, не буржуя никакого, к стенке поставили. Теперь здесь таких же, как он, в расход пускают. Думают, сойдет, а не сойдет...

Ужасно все плохо, глупо, нескладно выходит, Игорь, — помотал головой после паузы Киржаев. — Жить просто не хочется, пустота внутри, будто огнеметом там все выжгли. Чувствую себя козявкой какой-то, ничего в жизни изменить не могу, ни по большому счету, ни в своей жизни маленькой.

— Было у меня так, — кивнул головой Ненашев. — Ты вот заметил, что я Создателя стал вспоминать. Это верно, стал. Если признавать один этот естественный мир, то смысл жизни почти погибнет: стоит ли жить, если все кончается с могилой? Жизнь становится пустой, как ни заполняй ее делами и удовольствиями. А при этом еще сколько скорбей, забот, страха, мук! Зачем, для чего все это терпеть?! Не лучше ли все сразу оборвать самоубийством?! Одно мгновение — и нет ничего!

И взял я тогда карандаш, бумаги обрывок и решил написать записочку из двух слов, сам не знаю для кого. И слова-то те тоже не мои были, — поморщился он. — Прочел где-то. И что у меня вообще своего, все наносное, приобретенное, — досадливо махнул рукой он. — Так вот. Написал я «Нечем жить», взял браунинг...

- И что потом? весь напрягшись, спросил Киржаев.
- Живой, как видишь. Живой... Спас меня один человек. И от смерти спас, и душу бессмертную не дал потерять...
  - Кто?
- Теперь уже жена моя, улыбнулся Ненашев. Женат я, Михаил Петрович, и дочка есть. Маленькая такая... Такая, знаешь... Так что можешь мне позавидовать.
- А я тебе и правда завидую, очень серьезно сказал штабс-капитан. И рад за тебя, по-настоящему рад.
- Понимаешь, я знаю, что сейчас не место и не время для такого разговора, но мне очень нужно тебе это сказать. Вы подождете немного? повернулся он в сторону Егора. Тот удивленно посмотрел на Ненашева, затем на маячившую за окном фигуру часового и лениво кивнул. Вот и хорошо.

Так вот. Мне с детства дома, затем в гимназии, а тем паче в университете говорили, что вера — это глупость, мракобесие, и я сам позже говорил другим то же самое. Когда я поначалу спрашивал, почему, в ответ мне с ленивой снисходительностью

усмехались, удивляясь моей наивности и определяя этот вопрос как риторический. Позже, когда об этом спрашивали меня, точно так же усмехался я сам, искренне считая, что для образованного, интеллигентного человека такого вопроса не может существовать априори.

Но парадокс!

Игорь поднял вверх указательный палец, и Киржаев усмехнулся про себя, вспомнив их долгие разговоры в Славгороде в 18-м и этот хорошо ему знакомый жест.

— Если ты действительно образованный и по этому определению думающий человек, — продолжал между тем бывший подпоручик, — ты просто обязан мыслить объективно, изначально предполагая возможным и принимая во внимание даже тот вариант, который первоначально и кажется тебе абсолютно немыслимым. А следовательно, что Бог, возможно, есть.

Ведь создал же кто-то этот изумительно гармоничный мир и человека тоже. Ведь теория Дарвина о нашем происхождении не более чем одна из гипотез и, на мой взгляд, довольно слабая и малодоказательная. И нельзя с помощью конечного, ограниченного давать определения бесконечному. Гимназической линейкой не измерить расстояния между галактиками. С помощью скудного разума нашего не определить понятия и намерения нам неведомого, а потому для многих из нас страшного и безысходного. Но главное не в этом. Не в этом...

Игорь говорил горячо, и поначалу Киржаев слушал его, пряча в усах снисходительную усмешку. Но вскоре она исчезла, взгляд штабс-капитана стал задумчивым и печальным.

— Понимаешь, Мишель, нужно менять себя, а не общество, каждому, тогда, может быть... Да даже не в этом дело. Тогда в жизни появляется смысл. Ты понимаешь, что ты не один и никогда не будешь один, что Он тебя любит и будет любить любого... И тогда становится не страшно. Ничего не страшно... Он не господин тебе, Он отец, брат, друг. Ты боишься сделать что-то противное Его замыслу не потому, что боишься Его гнева, а просто потому, что не хочешь Его огорчить...

Мне так необходимо тогда было верить, чтобы просто жить. И я уверовал. Не нашел доказательств его существованию,

не внял чьим-то словам и убеждениям, а просто поверил и все. Так теперь и живу.

Ненашев провел ладонью по лицу, смахнул блеснувшую в уголке глаза слезинку и уже ровно, с привычным налетом иронии добавил:

- А вот в церковь хожу редко, грехи, наверное, не пускают. Он улыбнулся и, щелкнув крышкой портсигара, огорченно присвистнул. Слушай, Мишель, у тебя в Славгороде была привычка всегда иметь в запасе замечательные папиросы. Я надеюсь, ты ей не изменил?
- Нет, усмехнулся Михаил. Но вот сорт табака пришлось поменять. Он вынул из кармана тощенький махорочный кисет, широким жестом бросил его на стол.
  - Газетка внутри.

Егор довольно хмыкнул, не обращая внимания на строгий взгляд своего спутника, зацепил из кисета изрядную щепоть махорки. Затем еще раз усмехнулся и, разжав пальцы, высыпал большую часть табаку обратно.

Игорь между тем свернул тоненькую, «интеллигентную» цигарку. Аккуратно прикурил от самодельной зажигалки.

- Редко в храм хожу, повторил он после паузы. А коль пойду, и там молюсь редко, больше молчу. Чужих слов произносить нет желания, а своих не нашел пока.
- Ты-то, словесник, и не нашел? возвращая разговор в обычное житейское русло, пошутил Киржаев. У тебя же их на дюжину умников хватит.
- Потому и не нашел, наверное. Красивых много, а нужных нет. Ладно. Ненашев еще раз пыхнул самокруткой, положил ее на край блюдца. Поговорим о вещах обыденных, делах житейских. Ты откуда и куда? С кем сейчас? Помощь моя вам требуется?
- Ну, насыпал, как баба гороха, все больше привыкая к тому, что перед ним сидит живой, самый что ни на есть настоящий подпоручик Ненашев, к которому он успел крепко привязаться за время совместного пребывания в Славгороде, грубовато-ласково сказал Михаил. Свои дела мы сами сделаем, отпусти нас только, и так мы уж тут битый час сидим. Да и как бы не заподозрили тебя, бывший ведь, веры нету.

- Вот настырный же ты, восхищенно улыбнулся Ненашев. Каким был, таким и остался. Что тебе тот Шледе, до всех не дотянешься...
- До всех нет, а этих достанем, заверил его штабс-капитан. А потом, глядишь, и еще кого, пока сам на пулю не нарвусь.
  - Перспективы не особенно веселые, поморщился Игорь.
- Это точно, кивнул головой Михаил. Но других не вижу. Скажут потом: «Жил грешно и умер смешно». Слышал такую поговорку?
  - Нет.
- А мне вот приходилось. Да хватит об этом, чего душу лишний раз тянуть. Скажи лучше, кем ты здесь у них?

Ненашев пожал плечами.

- Я и сам точно не знаю. Что-то вроде батальонного адъютанта, точнее, офицера для поручений.
  - Чьих? Этого Корицкого, про которого ты упоминал?
- Так точно. Командира экспедиционного отряда товарища Корицкого, кстати, как и ты, в прошлом штабс-капитана, кадрового офицера царской службы.
- И он что, большевик, что ли? скривился, словно от зубной боли, Киржаев.
- Нет. Политических идей у него нет никаких, зато есть две любви Россия и воинская служба. А так как он считает, что Россию, как государственное образование, сегодня могут сохранить только большевики, служит им.
- И как служит? зевнул штабс-капитан. Разморило маленько, пожаловался он Игорю. Ничего, сейчас соберусь. Егор, ты как, поел? Пора нам с тобой.

Белобрысый парень, как обычно, молча кивнул.

- Так как же Корицкий твой, вновь зевнул Киржаев. Верно своим хозяевам служит?
- Как всегда, исправно. Игорь убрал со стола мусор, медленно провел рукой по плохо оструганным доскам. Прикажут сто человек расстрелять, сто и расстреляет. Прикажут тысячу тысячу под пулемет пошлет. Но вот кто из охочих до ненормативной крови тысячу первого убьет, того под трибунал от-

даст, а то собственной рукой в расход пустит. Правда, про такое не слышал, но не сомневаюсь, что и не задумается.

- Аккуратная сволочь, хмуро сказал Михаил. И, будто и не зевал вовсе, живо поинтересовался: А где он сейчас?
- В отъезде, с печалью и восхищением посмотрел на него Ненашев. Тебе не добраться. Да и пусть уж такой. Все лучше, чем Шледе с Пригожиным.
- Лучше, усмехнулся Михаил. Куда уж лучше. Ладно на том... Пора нам. И так уже долго ты с нас допрос снимаешь. Как бы товарищи не заподозрили чего. Смотри, с тобой лялькаться не будут. Быстро в расход пойдешь.
- От них мне в расход нельзя...—закаменел лицом Игорь.— За себя не боюсь, с любой судьбой смирился. Да не один я... Ну, не поминайте лихом. Удачи. Он подошел к двери, твердо пихнул ее ладонью. Часовой, отпустите задержанных. Это наши товарищи-комбедовцы. Проводите за околицу, чтобы их еще раз ненароком никто за бандитов не принял.

Глава шестая

Ненашев, присев на крылечке избы, закурил, стал смотреть на уже окрепнувшее, но еще не ставшее днем разноцветное летнее утро. Из-за плетня выбежали две собаки. Одна большая, поджарая, с длинной лисьей мордой, вторая — кудлатый, уже вышедший из младенческого возраста, но пока еще не ставший псом шенок.

Заметив Игоря, большая собака остановилась, настороженнолюбопытно посмотрела на человека, словно спрашивая: враг он или друг? Косточку даст или пинком под живот?

Щенок закрутился на месте, помахивая куцым хвостиком, стал смотреть на нее. «Как ты, так и я, — всем своим видом показывал он. — Что теперь делать, покажи».

«Вот такие мы все щенки и есть, — подумал Игорь, вяло затягиваясь папиросой. — Все время ждем, что нам большие «собаки» покажут-подскажут. Боимся своим умом жить, не верим

в себя, себе не верим. А ведь по образу и подобию, гомо сапиенс и все такое».

«А откуда же тогда большие «собаки» берутся, если все мы щенки? — поинтересовался у него давно привыкший во всем противоречить своему хозяину внутренний голос. — Нелогично, господин товарищ Ненашев. И почему вы, такой умный и рассудительный, за ними бегаете?»

«От слабости своей, наверное, по вялости душевной. Точно и не скажу. Себя-то самого сам понять не могу, как еще тебе объяснить? И потом, меня ведь не всегда спрашивают, чего я хочу, о чем думаю. Последнее время и вовсе моим мнением интересоваться перестали. А откуда большие «собаки» берутся? Ну уж точно не от Господа Бога. Он их тоже щенками в мир отправляет, а уж там... А уж там...»

Он вновь, в который уже раз за этот день, припомнил случайно услышанный им прошлой ночью, уже после ухода Киржаева и его спутника, разговор курсантов и, несмотря на жару, зябко поежился.

* * *

Насадив на шомпола ломтики хлеба, курсанты по мальчишеской привычке обжаривали их над костром. Стояла тихая и теплая ночь. Ни одного облачка не закрывало темную скатерть неба, и густо рассыпанная по нему звездная крупа сияла и искрилась в полную силу, перехватывая дыхание у поднявшего на нее глаза человека. Вселенная тянула к себе. Куда? Да кто ж про то знал и знает. Только, хоть и зябло при взгляде в необъятную и непостижимую даль слабенькое и маленькое человеческое сердце, звала и звала его в звездные переливы никем не постижимая, но у каждого имеющаяся человеческая душа.

- Мне вчера вот Петров говорит... Где он? повертел головой Акимушкин. Куда девался, соглашатель, барышня кисейная? При товарищах хочу высказаться.
- В карауле он, ответил ему неразличимый Ненашеву за пламенем костра курсант. А ты высказывайся. Тут, считай, все партейные, секретам места нету.

Игорь совсем притих, пряча в кулаке огонек папиросы, осторожно, словно бомбу, сунул окурок под подошву сапога, с силой вдавил каблук в землю. Надвинул на самые глаза фуражку, поднял воротник шинели, медленно, опасаясь самого малого шума, прислонился спиной к стене сарая. «Если заметят, скажу, что присел свежим воздухом подышать да и уснул. Работы много, устаю я». Впрочем, особого страха от того, что курсанты могут его заметить, он не испытывал. Просто неловко было слушать чужой, не для его ушей предназначенный разговор. А хотелось.

Хотелось узнать, почему у этих убивающих своих братьев людей он никогда не видел не только слез, но даже малой грустинки в глазах, а ведь никто из них, похоже, не был душевнобольным человеком, испытывающим паталогическую страсть к убийству себе подобных. Идея? Та самая идея свободы, равенства и братства, которую несли на штыках их предшественники-якобинцы, загубившие ради нее сотни тысяч французских жизней? Красивые слова на красивых знаменах — дорого они обошлись французским мужикам из мятежной Вандеи, когда овеянные этими знаменами парижские парни сыпали по ним картечью. Теперь здесь, в Сибири, эти слова были в ходу с обеих сторон — их писали на своих знаменах повстанцы, их же произносили на митингах в усмиренных селах политбойцы советских карательных отрядов.

— Вчера, когда куркулей местных в расход пустили, идем со степи назад, а Петров и говорит: «Ой, ребята, что-то не то мы делаем. Чево-й-то, ребята, страшно!» — резко бросал слова Акимушкин. — Я говорю: «Как это?», а он опять: «Понятно, что продразверстку надо проводить, свои без хлеба, а жалко мужиков. Какие совсем беднота, а мы у них последнее забираем, в расход пускаем. Своего брата, сельского пролетария, выходит».

Я ему говорю, так чего ж ты поперся в наше дело, жалостливый такой. Иди сдавай партбилет да отправляйся к мамке под юбку. Только шибче, пока пуля не догнала. Я говорю, на ячейке об твоих разговорах обскажу, молчать не стану. Тута жалости места нету. Нам дело безжалостное досталось, чтоб, значит, отца с матерью не пожалеть. Жалость детям своим оставим. Нашел кого жалеть, беднота они ему. Раз за куркулей враги хуже ихнего, потому как пролетарии. Изменники революции и весь разговор.

«Простой русский человек всегда избегал власти, сторонился ее и если и соприкасался с нею, то часто погибал. И сейчас, во время революции, дело власти воспринимает чистой частью души своей как мерзкое дело. Нет у нас призвания властвовать, — подумал Ненашев. — А скажи сейчас об этом, даже тому Петрову, в чека или в партячейку свою побежит о контрреволюционных разговорах сообщать. А то и за винтовку сразу схватится».

«Вот и жалей таких, — уколол его внутренний голос. — Люби их, как Господь учит. Это кого, Акимушкина, беса в обличье человеческом? Неужто и правда ты его полюбить сможешь? Палача, убийцу полюбить? Не обманывай себя, Игорь Вениаминович, не хватит тебя на это».

«Нет во мне такой силы, — безропотно согласился с ним Игорь. — Чувство вины только есть перед ними. И перед такими несчастными, изуродованными людьми, как Акимушкин, в первую очередь».

- Верно, неожиданно для Ненашева поддержал Акимушкина степенный, всегда добродушный на вид Филипчук. Вражины они, собственники. За полушку мать родную не пожалеют. Сам у таковских батрачил. Хозяин мой жила был страшная. Придет к нему человек с просьбой, детишки, мол, малые, хлеба не уродило. А у него на то поговорочка, страсть как ее любил: «Не плачут в Рязани о псковском неурожае». И в кабалу его. Приказчики у него в лавке на рубь больше, чем у других купцов, получали, а он им за это мог, когда захочет, по морде бить. Какие и уходили, а какие оставались. На грош у людей тех гордости было, так и ту своими кулачищами выбивал, сволочь, куражился. А в церковь исправно ходил, свечки пудовые ставил. И опять людям по морде. Увидел бы сейчас, на месте в расход пустил.
- Бога, говорят, мужик любит, почитает да боится, в церкву свою ходит, вступил в разговор чернявый, всегда подтянутый и собранный курсант Сергеев, парень лет тридцати. В прошлом, как знал Ненашев, рабочий одного из уральских заводов.

Человек он был грамотный и обстоятельный, все свободное время читавший книги или копавшийся в каком-нибудь механизме — часах, револьвере, имевшемся в училище до предела изношенном трофейном автомобиле «Пирс-Эрроу» — это ему было

все равно, лишь бы дело было позаковыристее. Таким же было и его отношение к чтению. Книги он выбирал потолще и посерьезнее, кроме Маркса и Энгельса, видел Ненашев у него и Прудона с Плутархом.

- Товарищ Ненашев, а кто такой, как его, Ницше? спросил он как-то у Игоря.
- Немецкий философ, удивленно ответил тот. А зачем он вам? Это довольно сложное учение.
- А мне простого и не надо, деловито заявил Сергеев. Чего ж интересного, коль сразу понятно. Покопаться, понять, чего там буржуазные умы излагают, другое дело. Есть у вас книжки его?
  - Есть одна, только она очень толстая.
- Вот и хорошо, довольно улыбнулся курсант. Это нам и надо.
- Ну и как, товарищ Сергеев? поинтересовался у него через несколько дней Игорь. Покопались? Осилили?
- Туговато идет, товарищ командир, признался тот. Сложная система. Ну ничего, я у нас на заводе английский станок освоил. Мастер ихний чуть трубочку свою не проглотил, как увидел, что я за ним управляюсь, а потом червонец из уважения вручил. Так что и тут справлюсь, германец англичанки не хитрее.
- В церковь ходит, а как попов били, тихо сидел, и как партизаны тут, в Сибири, церкви палили, тоже помалкивал, продолжал курсант. А как за мешок его взялись, хлебушек, что гноил, голодным стали посылать, он за винтовку и вилы ухватился. Вот тебе и все, никакой загадки для логического мышления. Куркуль, собственник и сволочь. Ему что Колчак, что власть советская, едино лишь бы его, живоглота, не трогали. И с богом тоже. Коль не накладно, можно и верить, в церковь ходить. А если опаска какая, а особенно мошны дело касается, тут и обойдется господь. Еще потерпит, ему дело привычное.
- Сволочи они все, ну, может, кроме самой голытьбы, а такой тут, считай, и нету, не то что у нас в России. А сволочи и там густо., злобно плюнул в костер Акимушкин, потыкал в напухшие жаром, сухие кизяки главное топливо в безлесой степи вин-

товочным шомполом. — У меня отца в 16-м году убило, как раз мне четырнадцать годков стукнуло. Кроме меня две сестренки еще малые. Оставили их тетке, а сами с маманькой пошли по миру христарадничать. Тогда еще давали кой-чего куркули эти, а уж когда в городе совсем туго с хлебом стало, совсем сволочи стыд-совесть потеряли. Издевались, гады, и в радость оно им было. Торгуются, торгуются, а потом и говорит такая гнида: «Идите с богом, добрые люди. Раздумали мы, не дадим вам картошки...»

Мы им про голод в городе, что люди мрут как мухи, а один там, гадина мордастая, седой уже: «Люди мрут — нам дороги трут. Кому такие нужны, туда им и дорога. У нас хлеб, у нас и сила».

Куркуль говорит: «А хочешь, баба, шмат сала дам, муки полпудика, а?» У мамки аж слезы выбило, и у меня тоже, как на нее поглядел, — медленно, словно с натугой, говорил Акимушкин. — Она ему: «Так чем мне за богатство такое рассчитаться? Вот кофточка, только ношеная, да ботинки мужины, те, считай, не обувал, на службу забрали». Смеется, гад: «Чего мне надо, у тебя всегда при себе. Дашь, и не убудет».

Он с силой вогнал в землю шомпол, нервно вытер о штаны ладони.

— Мамка у меня красивая, много кто заглядывался, ну и этот... Смотри, говорит, баба, сама думай. А чего думать, когда Катя дома дошла, что кости видно... Пошла она с ним. Не обманул, все отдал, что обещано было. Назад пошли, я молчу все. Она обнять меня хотела. Прости, говорит, Васенька. А я ужом от нее, не могу и все, будто слизь зеленая в пруду.

Акимушкин замолчал, молчали и все остальные. Слышно было только, как потрескивает, сгорая в кизячном жару, хлеб на шомполах.

— А вскорости я из дому ушел, не смог там, да и привык уже малость по свету бродить. — Василий взял из руки соседа до половины выкуренную тем самокрутку, густо пыхнул дымком, усмехнулся. — Тут Николашка покатился, и пошло дело веселое. Прибился к одним, анархисты себя звали. Шушера, но с винтовками. И мне дали... Все, думаю, куркули, господа буржуи, поповщина длинногривая, не жить вам, — ощерился по-собачьи Аки-

* * *

мушкин. — Того гада, что с мамкой, все хотел достать, да судьба в другие места повела-забросила. Красным бойцом стал у товарища Рокоссовского, с Тобола до Томска с ним дошел, — гордо возвысил голос он. — Там в партию вошел, как в боях отличившегося, пролетарского происхождения, без сомнений приняли. Теперь вот случай выпал и до куркульской сволочи добраться. Они от меня жалости не дождутся, я им не Сашка Петров — слюни пускать, слезками плакать. Сколь смогу, столь убью. И девок ихних портить буду, — уже тише сказал он. — Пусть живут шалавами, как мамка моя. Без счастья.

- За такое и перед трибуналом ответить можно, твердо сказал кто-то из курсантов. Да и по-людски ни к чему так-то.
- Отвечу, коль дойдет, вновь усмехнулся Акимушкин. А от своего не отступлюсь. Дай-ка табачку, Филипчук, повернулся он к сидевшему рядом, по-татарски подвернув под себя ноги, товарищу. Не поскупись.

Пока курсанты, досадливо ругаясь, грызли обуглившийся хлеб, он наклонился к тусклому свету костра, свернул аккуратную цигарку. Прикурил от раскаленного прутка шомпола, вздохнул.

— Баб я с тех пор презирать стал, змеюки они для меня все продажные. Катька вот только... — Он махнул рукой, улегся на бок, подпер ладонью голову. — В анархистах у меня первая баба была, старая уже, лет под сорок, наверное. Самогоном меня напоила и в постель. Помню только, мягкая, как тесто, колыхается вся да охает. Уснул потом, как провалился.

Утром уже пироги у нее, самогонка. Обнять меня хотела, как уходил, а я ... — зевнул Акимушкин. — По роже ей дал, так что на пол села, слезами залилась: «Ой-ой-ой, чего ты, милый?» — «А того, сука. Для памяти». Вышел и окошко ей палкой рассадил, чтоб знала, падла, как блядовать.

- Да-а, парень, задумчиво сказал Филипчук. Потрепала тебя жизнь. Куда тебя такого занесет, и не поймешь на раз.
- А куда понесет, туда и пойду, рассмеялся Акимушкин. Я за жизню не держусь. Моя порченая, так, может, другому кому, трудовому человеку, хоть на полушку ее получше сделаю да от живоглотов ее почищу. И мне в радость, и пролетариату на пользу.

Мысли вновь потекли так же лениво-сонно, как июльское солнце по безоблачному небу. Пригретый его жаркими, до пота, лучами, Игорь невольно задремал и в полусне-полуяви увидел склонившееся над собой курносое конопатое лицо своего недруга, курсанта Акимушкина.

- Боженьке своему молишься, душеньку боишься погубить? облизывая растрескавшиеся губы, ехидно спросил курсант. Гнева господня опасаешься, а?
- А ты Бога не боишься? не слыша своих слов, вяло спросил Игорь.
- А чего его бояться, раз его нету? расплылся-размазался в улыбке Акимушкин. А коль и есть, ты свой грех на нас не переложишь, в сторонке не останешься. Товарищ Ненашев! неожиданно заорал он так, что Игорь конвульсивно вздрогнул и едва не свалился с крылечка. Открыл глаза.
- Товарищ Ненашев, уже тише окликнул его подбежавший к крыльцу курсант Петров, с удивлением и боязнью взглянувший в шалые глаза своего временного командира. Товарищ начальник, вас к себе требуют. Сказали, чтоб срочно.
- Нашли в колке у дороги убитых продкомиссара Шледе и его помощника Пригожина. Раздеты до белья, у обоих пулевые ранения в голову, хмуро глядя на Ненашева, сказал Корицкий. И я узнал об этом раньше вас, оповестили нарочным. Так-то вот, товарищ Ненашев. Оружие и документы убитых похищены. Какая-то ловкая и, надо сказать, бесстрашная сволочь это сделала. Буквально в версте от деревни, практически днем. Стрелять не побоялись... Не похоже, чтобы простые мужики, те бы топорами или горло перерезали. А тут дело другое. Другое...

Начальник Сибвуза окинул взглядом вялую фигуру Ненашева, нервным движением поправил кобуру револьвера.

— Мне сказали, что перед их отъездом нашим караулом были задержаны двое подозрительных людей и после допроса вами отпущены. Ваш большой друг курсант Акимушкин считает, что вы с ними были раньше знакомы, долго разговаривали, подозрительно закрыли дверь. Как можете это объяснить?

- Не сказал бы, что так уж долго, пожал плечами Игорь, удивляясь собственному равнодушию перед грозящей ему опасностью. И люди как люди, самые обычные мужики. Документы у них были в порядке, потому и отпустил. А что касается разговора... Счел необходимым получить сведения о настроениях местного населения, его отношении к нашему с вами здесь появлению и к советской власти в целом.
- И что же вам удалось узнать? Какое впечатление сложилось от беседы? несколько расслабившись, спросил краском. И давайте присядем, Игорь Вениаминович. Нужно разобраться в этом вопросе, пока в нем не стали разбираться другие люди.
- Откровенно говорить? после недолгой паузы поинтересовался Игорь.
- Желательно, усмехнулся Корицкий. Я, вообще-то, полагал, что у нас с вами сложились вполне доверительные отношения.
- Хорошо. Ненашев вновь ненадолго замолчал, затем вынул из кармана кисет.
  - Возьмите папиросу, раскрыл портсигар краском.
- Благодарю. Ненашев прикурил, молча сделал две глубокие затяжки. У меня вообще сложилось твердое впечатление, что эти мужики и, думаю, большинство других местных жителей на сегодняшний день не видят принципиальной разницы между властью адмирала Колчака и властью нынешней, хотя эти двое по документам даже члены комбеда.

Колчаковская власть реквизировала у них хлеб и скот и мобилизовывала в свою армию на непонятную, а потому ненужную мужику войну крестьянских парней, и эта занимается тем же самым. А то, что на волостной управе вместо трехцветного повесили красный флаг, вряд ли может служить для них хотя бы слабым утешением. Враги мы им, Николай Иванович. Была бы у них сила, нас бы с вами уже в живых не было, и курсантов наших тоже, вот и все впечатление.

— Да-а, — протянул Корицкий. — Надеюсь, вы им ни с кем из своих сослуживцев не успели поделиться? Настоятельно бы не советовал.

- Я уже получал подобный совет от другого своего начальника, печально усмехнулся Игорь.
  - Когда и от кого? вновь жестко спросил краском.
- Первого сентября 1918 года от бывшего начальника славгородского гарнизона штабс-капитана Киржаева, спокойно ответил Ненашев. Ему тоже не понравились мои рассуждения по поводу отношения мужика к имевшейся здесь в то время власти. Мы с ним были приятелями, и я, конечно, воспользовался бы его советом, но не успел.
- Почему же? разминая в длинных пальцах папиросу, с видимым интересом спросил начальник Сибвуза.
- На другой день начался мужицкий бунт, в Славгород с винтовками и дрекольем ворвались крестьяне. Что случилось с Мишей Киржаевым, не знаю, а я, в отличие от многих других, жив остался чудом. Аналогии не просматриваете?
- Да-а, вновь протянул Корицкий. Несовременный вы человек, Игорь Вениаминович. Словно не от жизни сей. Пора бы уж вам все-таки определиться, с кем вы, всю жизнь на обочине не проживешь. Не одни растопчут, так другие.

Он воткнул в чашечку окурок, встав с табурета, расправил под ремнем гимнастерку.

— Значит, так, отзываю вас обратно для штабной работы, командование взводом передайте Филипчуку. И в путь, задерживаться нам тут некогда.

* * *

К 23 июля конные и пешие отряды курсантов навели революционный порядок на всем пути своего следования по селам Славгородского уезда. В этот день в штаб Корицкого поступил телеграфный приказ, предписывающий командиру отряда энергично двигаться в к Иртышу для занятия казачьих станиц Подпускная, Лебяжья и Черная и тем самым преградить пути отступления загнанным в бор и частью прижатым к реке повстанцам.

Резко повернув, курсанты быстрым маршем перешли в Павлодарский уезд, особой разницы в нем от Славгородского не заметив. Там хлебные поля мешались с разнотравьем напаханной

степи, и здесь было то же самое. Разве что ковыля с полынью стало побольше да солнце остервенело еще сильнее, до кирпичного цвета обжигая иссушенные знойным ветром усталые лица.

Игорь Ненашев шел вместе со штабом в правой колонне отряда, путь которой лежал через не отмеченные на карте, не обремененные окрест себя хлебными полями киргизские аулы с диковинными названиями Тагир и Карегул, КайЛекли и АйФоргла к станице Лебяжье. Утром 28 июля цель пути была достигнута. Правой колонной курсантов станица была занята без боя. Левая колонна курсантской пехоты с артиллерией в то же время подошла к станице Подпускной.

Вычертив солдатскими сапогами и конскими копытами пыльную четырехсотверстную подкову по степи, они подошли вплотную к Иртышу.

За время пути от Славгорода бойцы отряда потеряли лишь несколько человек, большинство из которых были ранены. Сказывалась высокая дисциплинированность и хорошая боевая выучка бойцов отряда. Другие советские части повстанцам порой удавалось «пощипать» довольно изрядно.

После тяжелых поражений и таких же тяжелых потерь у деревни Джентаевской в Малогатском бору они едва не уничтожили отряд 226-го пехотного полка Красной армии. Умело используя местность, около семисот всадников и порядка полутора тысяч пеших повстанцев сумели взять отряд в кольцо. Их наступление носило упорный характер, и только твердость командиров, поднявших своих бойцов на штыковой удар, помогла красноармейцам вырваться из окружения и отступить с небольшими потерями.

Немногим позже мятежники едва не захватили Павлодар. Когда наступавшие на город отряды повстанческой Народной армии Степного Алтая под руководством Филиппа Плотникова 27 июля подошли к станице Подстепная, перепуганное руководство Павлодарского ревкома во главе со старым большевиком Дерибасом постановило расстрелять двадцать четыре заложника, что и было исполнено 28 июля. Среди расстрелянных были восемь казаков, четыре «кулака», «павлодарские буржуа», причисленные к кадетам, а также врач и лесничий.

Глава седьмая

— Сколько мы уже прошли небольших деревень, а людей в них почти нет. Это они от нас бегут, как от татар. Добро и то оставляют. Это мыслимо ли мужику, по копеечке нажитое оставлять... — задумчиво сказал Ненашев. Медленно опустил на стол стакан с недопитым чаем, отодвинул занавеску на окне просторного казачьего дома, хозяева которого ушли за Иртыш.

Дом стоял на берегу густо поросшего камышом озера, так же, как и станица, носившего название Лебяжье. Когда-то во время перелетов на него садились лебеди, и волны озера носили на себе лебяжий пух. Как и лежащая неподалеку от них станица Ямышевская, это было одно из первых русских поселений на Иртыше, о котором путешественник Паллас написал в своем дневнике: «Противу Лебяжьего форпоста становится сия пещаная степь мало-помалу ровную, но в последних десяти местах покат в ту пространную долину в которой находится вливающееся двумя ручьями в Иртыш Лебяжье озеро». Народ здесь, по замечанию путешественника, жил трудолюбивый и расчетливый, но, несмотря на последнее качество, от гражданской войны не уберегшийся. Она его расчетливость в расчет не брала, гнала многих из родных домов железной метелкой и обещаний на возвращение не давала...

Чаевничали они вдвоем с Корицким. Тот, похоже, не мог обойтись без общения с людьми в прошлом одного с ним круга и соответствующего воспитания. Потому хоть и понимал, что часто встречаться со своим, в общем-то, случайным, явно чуждым революционному делу, знакомым не позволительно для командира, коммуниста и комиссара и что это стало для него уже просто опасным, вновь приглашал Ненашева обсудить то или иное дело. А по сути, попросту побеседовать, отвести душу в разговоре с трепетно сохраняющим врожденную порядочность и совестливость человеком.

— Ничего, вернутся. — Корицкий достал из кармана носовой платок, аккуратно вытер вспотевший после обильного русского чаепития лоб. — Нам же, татарам, как вы изволили выразиться, приказом помглавкома Шорина вменяется в обязанность в случае

оставления крестьянами деревень обязывать остающихся в них жителей охранять имущество бежавших.

- Это каким же образом? живо поинтересовался Ненашев.
- Про то не сообщается.
- Да-а, вздохнул Игорь. Единственное, что может служить, по крайней мере мне лично, хоть каким-то утешением, так это то, что всему этому ужасу должен, по всей видимости, вскоре прийти конец. Силы вандейцев на исходе.
- Похоже на то, согласился начальник Сибвуза. Но почивать на лаврах все же рано. Тем более что, по сведениям разведки, здесь мятежниками командует боевой офицер германской войны, казачий есаул Шишкин. Известно также, что до войны он служил топографом в военном округе, потому территорию боевых действий знает досконально.

Стручков сообщает, что наш батальон совместно с пехотным отрядом восемь часов вел бой за укрепленные позиции мятежников у станицы Владимировской. Трое курсантов убиты и шестнадцать ранены, из них один умер от ран.

- Каковы потери противника?
- На месте боя он оставил двести пятьдесят трупов, еще двести человек взято в плен, подставил опустевший стакан под самоварный краник Корицкий.
- Двести пятьдесят убитых с их стороны, четверо с нашей, болезненно сморщившись, покачал головой Ненашев. Где вы, офицер, имеющий огромный боевой опыт, видели такую войну? Мужики что, в ряд выстраивались и сами головы под пули и шашки подставляли? В Волчихе, говорят, полторы тысячи крестьян порубили. Это что, тоже война? Это безжалостное убийство своих же русских людей и ничего более.

Обычно белое лицо Ненашева по-мужичьи раскраснелось, на носу от волнения выступили капли пота, и волнение это, словно эфирной волной, обволокло Корицкого.

— Безжалостное убийство? Вполне может быть, — тоже покраснев, желчно сказал он. Обжегшись кипятком, нервно отодвинул в сторону стакан. — Я лично с жалостливыми убийствами как-то не сталкивался. Только вот что вам хочу сказать... Впрочем... — Краском расстегнул нагрудный карман френча, вынул

из него сложенный вчетверо лист бумаги. — Вот телеграмма предсибревкома Смирнова лично мне. Точнее, приказ. Всего несколько слов. Получена несколько дней назад, извините, не успел ознакомить, — Покривил щеку начальник Сибвуза. — Слушайте, будьте так любезны.

«Восстанавливая порядок в бунтовщических волостях, предоставьте возможность и окажите полное содействие Славгородскому упродкомиссару в деле безотлагательного выполнения разверсток хлеба, скота, масла; мобилизуйте подводы богачей, спешно вывозите продовольствие в Славгород. О принятых мерах телеграфируйте».

- Мобилизуйте подводы, спешно вывозите продовольствие. Знаете, что это означает? постучал указательным пальцем по столу Корицкий. Думаю, должны догадываться. Это означает, что за тысячи километров отсюда люди умирают от голода. Их вам не жалко? А вот еще одно сообщение в селе Марзагуль повстанцами при отступлении было расстреляно более ста пятидесяти взятых ими ранее в плен красноармейцев. Не коммунистов, Ненашев, просто обычных красноармейцев. Коммунистов-то они подчистую вырезают, как и всех нам сочувствующих. Этих людей вам, Ненашев, не жалко? Это ведь тоже крестьяне.
- Жалко, тоже отодвинул в сторону свой стакан Ненашев. Только если вот так мужиков рубить, через год-два в России и вовсе есть нечего будет. В том числе и упоминаемому вами партаппарату. Крестьяне знаете как говорят о продотрядовцах? «Ведут себя так, будто нам жить незачем и сами не собираются». А как говорил после расстрела герцога Энгиенского председатель Законодательной комиссии Буль де ля Мерт тоже упоминаемому вами как-то Наполеону: «Это было хуже преступления, это была ошибка».
- Ну, что преступление, а что ошибка, ваши коллеги-историки разберутся лет через сто, раздраженно махнул рукой Корицкий и неожиданно улыбнулся. И то вряд ли. Вполне возможно, что и они ничего не поймут в нашей нынешней кутерьме. Скажите лучше как специалист по борьбе с крестьянскими бунтами... Ну не морщитесь, мы же с глазу на глаз. Как оцениваете наши успехи в борьбе с повстанцами?

Ненашев взял папиросу из любезно протянутого ему портсигара, несколько раз хмуро втянул в себя табачный дым.

- Успехи есть, без сомнения, но, думаю, не стоит считать большой удачей победу регулярных частей над разрозненными кучками непривычных к бою и почти невооруженных крестьян.
- Ну не скажите, недовольно нахмурился краском. Ведь существует распространенное мнение, что будто бы победить партизан невозможно. И нужно признать, что здешние мужики довольно успешно противостояли даже достаточно крупным воинским формированиям белых, и в конечном итоге не Красная армия, а именно они очистили от колчаковцев всю эту губернию, включая Барнаул.

Конечно, в борьбе с белыми удача улыбалась им главным образом именно потому, что основные, лучшие силы Колчака были задействованы против Красной армии. Без этого им наверняка пришел бы конец. А что же касается их нынешних выступлений, то они в данном случае оказались в гораздо худшей ситуации. И по этому поводу мне хотелось бы поделиться с вами как с человеком, чье мнение для меня совсем небезынтересно, кое-какими соображениями.

Так вот. — Корицкий немного помолчал, затем стал говорить размеренно и веско, словно тезисы для будущей монографии набрасывал. — В борьбе с белогвардейцами очень важным и выгодным фактором для партизан была поддержка населения, зачастую весьма активная. Не буду спорить, это очень важно для успешного ведения партизанской войны. Она дает возможность оперировать на местности, пополнять запасы продовольствия, а главное, восполнять людские потери.

И здесь хорошим материалом могут быть различные изгои общества, такие как беглые рабы, разбойники, безземельные и прочие босяки. В нашем случае это дезертиры из бывших партизан, по сути, главный боевой костяк повстанцев. Терять им, кроме жизни, нечего, а погулять можно хорошо, опять же, и опыт имеется.

Сегодняшнее выступление мужика, возможно, даже превосходит антиколчаковское движение. И тем не менее мы их наверняка разгромим, и теперь уже достаточно быстро, — безапелляционно, как об давно обдуманном и решенном, заявил он. — Вся граждан-

ская война показывает, что никакие восстания никогда не приводили к успеху без помощи регулярных войск извне. Поддержки какой бы то ни было армии они сейчас не имеют, единой политической идеи тоже, поголовной поддержки населения у них нет, тогда как мы имеем и на Алтае, и здесь достаточно широкую социальную опору. Японцы и поляки далеко, и дела им до нашего мужичка нет, пока, по крайней мере.

И тем не менее они пошли на открытое выступление против власти. Мужик хитер и рассудителен и все же пошел фактически на авантюру. Почему? — многозначительно посмотрел на Игоря начальник Сибвуза. — А потому, что сибирское крестьянство живет не в пример зажиточнее, чем в Центральной России.

Общие термины — кулак, середняк, бедняк — здесь не приемлемы, — продолжил он после паузы. — По количеству лошадей и прочего скота местный середняк может заткнуть за пояс российского кулака. Он обеспечен, а следовательно, независим и, как абсолютно правильно отметил Владимир Ильич, социализмом не интересуется, более того, в основной своей массе он ему враг. По крайней мере, пока.

- Владимир Ильич это Ульянов, надо полагать? не отрывая глаз от столешницы, поинтересовался Игорь.
- Именно так. Ленин, твердо сказал Корицкий. Я выучил, и вы выучите. Это теперь необратимый процесс. Весь мир выучит, а многие и сейчас уже знают. Это понятно?
  - Так точно, по-прежнему глядя вниз, отозвался Ненашев.
- Их ударная сила дезертиры, продолжил после паузы излагать свои мысли Корицкий. Они уже в 18-м году доставляли нам серьезные проблемы, будучи активными участниками восстаний в областях Центральной России. Немало их и здесь. Примечательно, что воинские части, расквартированные в районах восстаний, в значительной степени состояли из тех же недавних партизан, и во время выступления бывшего их вожака Григория Рогова можно было в полной мере рассчитывать лишь на надежность одного- единственного формирования роты интернационалистов. С этим-то и связано направление сюда нашего сводного отряда, Петроградского полка и других частей из отдаленных губерний.

Проблема не нова. Всегда найдутся люди, не желающие воевать добровольно. — Он расстегнул ворот френча, потянул из кармана портсигар. — Уже во время первых походов в австрийские и немецкие земли много забритых в солдаты расейских мужичков бежало от службы. Причем не с пустыми руками. Оружие с собой тащили. А поскольку многие, опять же, как и сейчас, пошли после бегства в бандиты, за дезертирство полагалась или смертная казнь, или, коль повезет, вырезка ноздрей и пожизненная ссылка на галеры.

- А большевики, как помню, в своих газетах дезертиров с германского фронта чуть ли не героями называли, подняв наконец глаза, бестактно прервал монолог Корицкого Игорь. Писали, что они не шкурники, а это не что иное, как протест широких масс против войны и режима. А теперь тон, как я понимаю, другой.
- Другой. И вам, уважаемый Игорь Вячеславович, придется к этому тону прислушиваться внимательно, как сами понимаете, во избежание серьезных неприятностей. Корицкий чиркнул спичкой, прикурив папиросу, протянул портсигар Ненашеву. Это понимаете, надеюсь?
  - Понимаю, кивнул головой тот.
- Хорошо. Поначалу мы надеялись, что удастся обойтись добровольцами, но это оказалось утопией. В начале 18-го была поставлена задача довести численность Красной армии до трех миллионов человек, что, как вы понимаете, без призыва было абсолютно невозможно. В результате из трех ожидаемых миллионов явились только две трети. Стало так же ясно, что без жестких репрессий не обойтись.
- Расстрелов то есть, уточнил, раскуривая папиросу, Игорь.
- Не всегда, откинувшись на спинку стула, закинул ногу за ногу Корицкий. Товарищ Троцкий в одном из приказов распорядился нерасстрелянных дезертиров возвращать в часть и обязывать носить специальные черные воротнички, чтобы все солдаты знали, что за любую оплошность такого человека можно убить без пощады. Подписывали новобранцы бумагу, где говорилось, что, если он побежит, обязанностью

каждого честного воина будет застрелить его на месте. Кроме того, стали у семей дезертиров конфисковывать землю и скот.

- И помогло?
- Так или иначе помогло. Тем более что, кроме кнута, пошел в ход и пряник амнистии дезертирам, да и просто, как это ни покажется вам удивительным, Ненашев, сознательность повысилась. В Красной армии ведь сейчас бойцы сплошь из бедных слоев и середняка, городская и деревенская буржуазия в нее не допускается. Так кому же охота, чтоб тебя к ней причислили, изгоем сделали. В общем, в России мы с дезертирством в основном справились, веско закончил Корицкий. И здесь справимся. Силы и воли хватит.

Думаю, вы знаете, что в связи развитием нашей войны с поляками в Республике вновь официально восстановлена смертная казнь, — твердо качнул носком тщательно начищенного сапога краском. — К этому могу добавить, что не так давно я был ознакомлен с приказом товарища Троцкого от 16 июня нынешнего года, где говорится, что всякий негодяй, который будет уговаривать к отступлению, дезертир, не выполнивший боевого приказа, будет расстрелян. Так же как будет расстрелян всякий солдат, самовольно покинувший боевой пост, бросивший винтовку, и даже тот, кто продаст хоть часть своего обмундирования.

- Вы располагаете какими-нибудь данными, кроме того, что пишут в газетах, как на сегодняшний день обстоят дела на польском театре военных действий? с неподдельным интересом спросил Ненашев.
- Весьма приблизительными, поморщился его собеседник. Вы, наверное, тоже знаете, в газетах писали, что уже в нынешнем январе они взяли Двинск, Корицкий встал с табурета, разминая рукой затекшую поясницу, прошелся по комнате, а в марте Мозырь. В апреле они двинулись дальше, и, хотя в газетах об этом в полной мере не сообщалось, достаточно верно знаю нанесли нам очень серьезное поражение...
- Разбили войска вашего недавнего начальника Тухачевского? «невинно» поинтересовался Игорь.

- Разбить Михаила Николаевича дело не такое простое, как вам кажется, назидательно, словно пятилетнему карапузу, сказал Корицкий.
- А мне так и не кажется, согнал с лица улыбку Ненашев. К этому человеку, как к полководцу, я отношусь вполне уважительно. Он этого заслуживает.
- Не могу не согласиться. Командир особого отряда подошел к подоконнику, мягко взял за холку дремавшего на солнышке хозяйского кота. Тухачевский выдающийся военачальник, и мне в этом приходилось убеждаться неоднократно. Но потрепали нас поляки, конечно, изрядно.

Кот недовольно пискнул под командирской рукой и, освободившись от нее, шмыгнул в открытую дверь, за порог.

- И вот теперь, по полученным мною буквально вчера свежим сведениям, Корицкий вновь извлек из кармана галифе застиранный носовой платок, вытер тискавшую кошачью холку руку, наши части перешли в наступление и продвигаются стремительно. У поляков уже отбиты обратно Минск и Мозырь, и, думаю, уже скоро наши конники смогут напоить своих буцефалов водою Вислы...
- Товарищ начальник! появился на пороге часовой. К вам с донесением. Срочное!
  - Пропустить, коротко приказал краском.

Он принял от покрытого с ног до головы пылью курсанта измятый во время скачки пакет, махнул рукой, отпуская посыльного. Быстро прочитав несколько строчек, хищно усмехнулся, поднял глаза на Ненашева.

— Собирайте командиров, Игорь Вениаминович. Будем оперативное совещание проводить.

* * *

— Начальник правой колонны Бейнар сообщает нарочным, что занял со своим батальоном Гавриловку, — водил пальцем по разложенной на столе карте начальник штаба курсантского отряда Лавровский.

Игорю помнилось или казалось, что когда-то — или на позициях, или в госпитале — он мельком встречал на германской войне и его. Но спрашивать его об этом он не стал, поскольку еще в училище обратил внимание, что разговоров о былом тот избегает. И хотя сам явно был в прошлом офицером, ни с кем из бывших не только чаю не пьет, но подчеркнуто не здоровается. Позже от Корицкого он узнал, что Лавровский подавал заявление в партию, но получил отказ ввиду незначительности его революционных заслуг. Теперь эту значительность требовалось завоевать, воюя с мужиками и держась подальше от таких, как Ненашев, что начальник штаба и осуществлял с завидной последовательностью.

- Повстанцы ушли к бору, и, по его предположению, их туда от Павлодара теснят наши части. Черные после упорного боя выбили наш омский отряд из Подстепного, пробовали провести там мобилизацию, но местные казаки с ними не пошли. Лавровский оторвал от карты палец и, обнаружив на нем небольшое чернильное пятнышко, недовольно поморщился. Вытер его о платок, ткнул ногтем в дужку пенсне. Из Подстепного отряд противника отступил, но куда, точно неизвестно.
- Это уже и не маневренная война, а просто каша какая-то, — усмехнулся Корицкий. — Ну да ладно. Будем продолжать движение по намеченному плану, вдоль Иртыша. Что еще?
- Начальник передового отряда сообщает из Ольгино, что его разведкой пойманы два казака из ямышевской сотни, бежавшие из повстанческой армии домой. Их допрос выяснил, что их отряд состоит из семисот пехотинцев, пяти крестьянских и трех казачьих эскадронов конницы. Двигаются на Галкино с целью выбить оттуда отряд красных. Командующий повстанческой армией Шишкин, по их сообщению, ранен в бою под Подстепным, но легко, и двигается с отрядом. Начштаба у них Плотников.
- Ольгино, что за село старожилы, переселенцы? Поддерживают восставших? Возможно неожиданное выступление? Что о нем известно, Игорь Вениаминович? повернулся он к Ненашеву. Не слышали о таком селе?
- Об этом нет, пожал плечами удивленный вопросом Игорь. Наверняка переселенческое, вероятнее всего, украинское или немецкое.

- По словам курсанта-посыльного, село небольшое, небрежно взглянул в сторону Игоря начштаба. Живут голландцы-меннониты, которым ни до мятежников, ни до нас нет никакого дела. Так что не беспокойтесь, товарищ военком, там все будет в порядке.
- Хорошо. Выступаем через два часа. Да-а... протянул вдруг Корицкий.
- Что такое, Николай Иванович? живо поинтересовался Лавровский.
- Да вот подумал, кого здесь только нет: немцы, украинцы, староверы, казаки, русаки-переселенцы, даже голландцы и ничего, уживаются, усмехнулся начальник Сибвуза. Меня поражает тот факт, что крестьяне-повстанцы выступают рука об руку со своими извечными недругами казаками. Я с первых дней на гражданской войне, но с таким альянсом встречаюсь впервые. Необычно и, пожалуй, неприятно... Корицкий задумчиво побарабанил пальцами по столу, поднял глаза на командиров. Все свободны, товарищи. Ненашев, останьтесь.

* * *

— Вот, что Игорь Вениаминович... — Корицкий прошелся по комнате и, встав напротив Игоря, прямо и жестко поглядел ему в глаза. — Мы с вами в прошлом офицерыокопники, миндальничать не будем. Вам придется доказать свою лояльность революции в боевой обстановке, в противном случае можете столкнуться с очень большими неприятностями. Поверьте на слово, вы находитесь от них буквально на волоске, а косвенно и я. Прошу вас подумать о своей маленькой дочери, это важнее аморфных принципов.

Бывший штабс-капитан болезненно сморщился, но уже через мгновение его длинное породистое лицо вновь стало сухим и жестким.

— Нами перехвачено донесение начальника штаба повстанческой армии Захарова о том, что около Ямышево, выше последнего по Иртышу на десять верст, стоят пароходы, захваченные повстанцами, в которых размещается штаб черных. Подойдите к карте. — Он подождал, пока Ненашев

встанет рядом с ним у стола, крепко ткнул указательным пальцем в черный кружок у гибкой голубой ленты. — Это здесь. Немедленно берите людей...

- Я? растерянно спросил Игорь. Но...
- Да, вы, именно вы, краском Ненашев, сухо оборвал его Корицкий. Покажите курсантам в бою, какой вы командир. Взвод Филипчука на коней и немедленно туда. Если нам удастся захватить их штаб, это будет означать конец организованного сопротивления. Выполнять!
- Я с пулеметом последую за вами! крикнул он уже вдогонку Ненашеву. Наткнетесь на упорное сопротивление, в лоб не атакуйте. Главное, не дайте им уйти...

* * *

Степь пошла под уклон, к реке. На ней под жаркими лучами полуденного солнца стояли два парохода. На палубах и пристани мелькали фигурки людей.

— Спешиться! — коротко приказал Ненашев.

Быстро рассыпавшись в цепь, курсанты двинулись к Иртышу. Когда подошли совсем близко, с борта донесся окрик: «Кто илет?»

— Залпом в воздух, — скомандовал Игорь. — Огонь!

В ответ беспорядочно затрещали выстрелы. Позади Ненашева кто-то глухо охнул. Игорь сморщился, рванул застегнутый наглухо ворот гимнастерки, закричал сипло:

— Не стреляйте, братья!

И что было силы побежал вперед.

Он перестал ощущать свое тело, себя самого, не слышал выстрелов и криков, только кровь, стремительно пульсируя в венах, стучала молотом в уши превратившейся в пудовую гирю головы. Борт парохода становился все выше, пока не вырос в закопченную грязно-белую стену с исклеванной пулями надписью «Витязь». Застывший у этой стены немолодой уже бородатый мужик выстрелил ему прямо в лицо. Будто вынутым из горна железным прутком ожгло шею, Игорь остановился, вытянув вперед растопыренную ладонь правой руки, выдохнул:

— Сдавайтесь... Сохраните жизнь... Жизнь.

Бородатый осторожно положил на песок винтовку, стал медленно поднимать руки. Ненашев четко, как на книжной картинке, увидел, что на левой руке у него нет мизинца.

«Плотник, наверное, — мелькнуло в голове Игоря. — То-пором».

Мужик прижал покалеченную руку к животу, словно отгоняя муху, взмахнул другой и боком повалился в песок, рядом со своей берданкой. Запыхавшийся от быстрого бега Акимушкин остервенело передернул затвор трехлинейки. Стоявший рядом с бородатым рыжеватый парень, в рубахе распояской, обреченно застыл, судорожно смял пальцами ее подол. Ненашев изогнулся, резким ударом ладони сбил в сторону ствол курсантской винтовки, и предназначенная рыжему пуля ушла в небо над Иртышом.

— Ах ты ж! — по-собачьи оскалился Акимушкин. Словно обезумев, он вновь передернул затвор и, ни секунды не раздумывая, прицелился в Ненашева.

«Вот как, значит», — успел подумать Игорь до того, как сухо щелкнул впустую сработавший боек. Пятая пуля ушла в иртышское небо, а для шестого патрона места в магазине мосинской винтовки предусмотрено не было.

— Не настрелялся еще... — только и сказал он курсанту. Акимушкин с ненавистью посмотрел на Ненашева, закинув за плечо винтовку, пошел к пароходу. Курсанты уже карабкались по спущенным трапам, бежали по палубе, щелкали одиночные выстрелы, чей-то молодой голос весело заорал:

— Штаб взяли! Конец бандитам! Смотри, братва, какое знамя у них!

Обронивший в суматохе фуражку, высокий парень в застиранной, пропотевшей гимнастерке, как акробат, встал на борт «Витязя». Взмахнул красным знаменем с перекрещенными пиками на полотнище и надписью «Долой коммуну, долой всякое насилие. Да здравствует власть советов всех трудящихся».

Игорь расстегнул ремень, цепляя тяжелой кобурой белые верхушки ковыля, потянул его в опущенной руке за собой.

С трудом согнув одеревеневшие ноги, уселся на высоком бугре, у подножия которого катил свои мутные волны могучий Иртыш. Водная гладь уходила в обе стороны до горизонта среди зелени лугов, рощ и камышей. Чуть виден был вдали противоположный берег — такая же зеленая, бескрайняя свобода степного простора. Ненашев стянул с головы серую от пыли фуражку, размазал по лицу густо хлынувшие на него слезы.

С парохода уже сводили на берег пленных повстанцев, сортировали кого налево, кого направо. Тут же наскоро допрашивали их командиров, среди которых действительно оказался Захаров и весь его штаб. О местонахождении Шишкина никто из них не знал или не хотел говорить, а в другой информации необходимости у красного командования не было, потому...

— Этих в расход, — распоряжался у парохода Филипчук, наказавший курсантам не беспокоить пока Ненашева. Не понаслышке знающий об обессиливающем и обезволивающем человека дыхании близкой смерти, а также по старой солдатской привычке беречь по возможности своего командира, он давал ему время прийти в себя.

Подъехала повозка с пулеметом, и уже освеженный сырым ветром с реки Ненашев услышал обрываемые тем же ветром фразы:

- Так точно... Один убитый, двое раненых... Командир? Задело слегка... Захаров... Так точно... Говорят, хотели Сибирь поднять с Дальневосточной республикой, чтоб соединиться, а потом, значит, Россию побоку, своя страна. Так точно... Ценных сведений нет... Так точно. Адъютанта главного ихнего, Шишкина, есаула Богуевского, не удержались, шлепнули, виновато развел руками Филипчук.
- Почему? резко возвысился голос Корицкого. Нужно было допросить сначала.
- Он Петрова Сашку убил. На пароходе уже. В упор из нагана застрелил, сволочь...

Ненашев с трудом поднялся на ноги, туго затянул ремень, поправил на голове фуражку. Требовалось продолжать служ-

- бу. Уже обычной легкой походкой подошел к Корицкому, козырнул. Не заметив приветствия Игоря, начальник Сибвуза продолжал пристально смотреть на стоявшего перед ним начштаба повстанцев Захарова. Тот равнодушно мазнул взглядом по лицу краскома, повернул голову в сторону Иртыша. Жадно вдохнул сырой воздух, тяжело провел ладонью по лицу.
- От России, говорите, хотели отделиться? Не сводя глаз с лица врага, Корицкий расстегнул кобуру револьвера. С такими подлецами разговаривать не о чем. Именем Советской России... Он вскинул наган и дважды выстрелил в грудь Захарову. Вытер платком лицо и, ткнув стволом револьвера в распластавшееся на песке тело, приказал: Уберите.

Спрятав в кобуру наган, повернулся к Игорю:

— Краском Ненашев!

Игорь привычно вытянулся во фронт.

- За проявленные вами героизм и самоотверженность, как командир и политкомиссар отряда, объявляю вам благодарность! отчеканил начальник Сибвуза. Буду ходатайствовать перед командованием о награждении вас именным революционным оружием.
- Рад стараться, вяло приложил руку к козырьку фуражки Ненашев.
- Не рад стараться, а служу трудовому народу. Правильно нужно отвечать, строго взглянул на него начальник Сибвуза.
- Есть, служу трудовому народу, невнятно проговорил Игорь.
- Можете отдыхать. По прибытии в штаб обратитесь к врачу, пусть рану посмотрит. У вас вся шея в крови и гимнастерка на плече...
- Благодарность Ненашеву объявили, а наш он или нет, дело неясное, сказал, подходя почти вплотную к Корицкому, Акимушкин. Тяжелым мертвенным взглядом мазнул по лицу Игоря. Пусть преданность свою революции по-другому выкажет. В бою-то что, там ты не убъешь тебя

кокнут. Выхода нету, станешь преданным. Пусть в расстреле участвует или ручки белые замарать боится? Вы его, товарищ военком, на такое дело не посылаете. Своего бережете или как? Пусть пролетарии мужика в расход пускают, барчукам негоже? Этому, значит, братья, а мы...

Корицкий побледнел, затем лицо его стало наливаться кровью.

- Так как же, товарищ военком? засунув ладони за ремень, нагнул лобастую голову курсант. Как скажете?
- Как скажу? Корицкий поправил на голове фуражку, затвердел, как оловянный солдатик. Здесь нет своих и чужих, курсант Акимушкин. Здесь есть бойцы и командиры Рабоче-крестьянской Красной армии. Смирно стоять перед командиром! Вот так. Пролетарским происхождением гордиться надо, а не кичиться, как вы, словно дворяне раньше своим званием. Я от Волги вместе с товарищем Тухачевским, членом партии, краснознаменцем, хоть и тоже бывшим офицером, до Омска дошел. Слышали про такого? Наградные часы от ВЦИК имею. И без вас, рядового бойца, знаю, как и что мне решать.
- А к вам, товарищ военком, не как рядовой боец, а как коммунист обращаюсь. И вы мне как коммунист ответьте, будет этот беспартиец, чистоплюй, в сторонке отсиживаться или на деле преданность свою революции покажет, густо покраснев, еще ниже нагнул голову курсант, будто бодаться с командиром собирался. Приказ ваш, хоть на смерть пошлите, выполню, а тут от своего не отступлюсь, и не я один такой, так считаю. Надо будет, в Москву напишем, товарищу Ленину напишем. В ЧК пойду, а своего добьюсь. Верно говорю, товарищи?
- Верно. Правильно, вразнобой прозвучало несколько голосов сгрудившихся вокруг них курсантов.
- Не время для митинга, товарищи, твердо сказал молчавший все время хмурый Филипчук. Как я в партии с 15-го года, старше тут никого нету, ставлю этот вопрос на ячейку. Согласны, товарищ начальник? встал он по стойке смирно перед Корицким.

— Согласен, — кивнул тот. — Спасибо за поддержку революционной дисциплины, товарищ Филипчук.

Курсант молча откозырял, подошел к Ненашеву.

— Давайте-ка гимнастерочку снимем, товарищ командир. Надо на рану поглядеть. С этим делом шутковать нельзя, может антонов огонь пойти.

* * *

— Вы знаете, Корицкий, во времена Французской революции был у крестьян- вандейцев такой генерал, Морис д'Эльбе. Военный человек, служака вроде вас, — туго поводя перемотанной бинтом шеей и морщась от боли, говорил Ненашев.

Они сидели за столом друг против друга. Начальник Сибвуза курил одну папиросу за другой, настороженно-чутко прислушиваясь к шагам мерно ступавшего за окном часового. Ненашев выглядел абсолютно спокойным, решившим жизненно важную для него задачу, а потому переставшим носить привычную маску человека. Всего за несколько прошедших после боя часов его лицо успело сильно похудеть, кожа на щеках и подбородке отвисла и посерела, голубая эмаль глаз потускнела и словно подернулась дымкой, так что разобрать их выражение Корицкий не смог, сколько в них ни вглядывался. Говорил Игорь тихо и, хотя смотрел прямо в лицо краскому, его будто и не видел.

- Так вот этот генерал, когда крестьяне схватили несколько солдат и собирались их расстрелять, настоял, чтобы мужики французские сначала прочитали вслух молитву Господню. И когда дошло до слов «И остави нам долги наши, как и мы оставляем должником нашим», крестьяне эти, у которых наполеоновские каратели поднимали на штыки жен и детей, заплакали и отпустили пленников.
- Трогательная история, мрачновато сказал бывший штабс-капитан. Но я не ваши познания по истории Франции проверять пришел, а помочь вам уберечься от беды. Случись сегодня на месте этого генерала ваш покорный слуга, его тут же арестовали бы и расстреляли по приговору ревтрибунала. И пленных этих тоже. Время другое, опять же, Россия. Мы уж если начнем, никакое «Отче наш» не остановит. Кстати, если я не ошибаюсь,

и там было примерно так же. Морис этот был позже раненым взят в плен и расстрелян теми самыми солдатами, товарищей которых он спасал. Незавидная участь, согласитесь.

- Для кого как, раздумчиво вымолвил Ненашев. Я лично так не считаю. Те, кто стоял под прицелом, были с Христом; те, кто стрелял нет.
- Вы что, серьезно это сейчас говорите? Корицкий раздраженно дернул щекой. Может быть, даже намерены повторить содеянное этим французом? Перестаньте наконец говорить и, паче того, делать глупости. Речь идет о смертельной для вас опасности. Вы будете командовать расстрельным взводом это решено. Партийная ячейка была единодушна. Я ничего не смог бы сделать. И, говоря по чести, не решился.

И потом... Не вы один. Это общий крест, судьба. Моей вины тут нет. Позвал вас я, а пошли вы сами.

- Я вас ни в чем не виню, ровно сказал Игорь. Пошел я сам, верно... Коготок увяз всей птичке пропасть, тихо добавил он.
- Что? поморщился Корицкий. О чем вы сейчас, какая еще птичка, в самом деле? Вы что, не понимаете...
- Простая птичка, певчая, как казалось. Впрочем, это неважно и к делу не относится. Ненашев опять туго повел шеей, хрипловато сказал: Я только прошу вас, как человека чести прошу, сделать так, чтобы моя семья не пострадала.
- Если вы откажетесь, вас отдадут под трибунал, встав напротив поручика, сухо отчеканил Корицкий. И тогда, как вы сами понимаете, я уже ничего не смогу для вас сделать. Ни для вас, ни для них. Вы же знаете, что согласно...
- Не отдадут. Ненашев отвернулся к окну, поправил пальцами занавеску. Не отдадут...
- Не понимаю вас, недоуменно посмотрел в его спину краском, как вдруг его жесткое лицо обмякло. Он поднял было руку, чтобы коснуться плеча Ненашева, но тут же бессильно опустил ее. Спросил шепотом: Вы что же?.. Вы решили?
- Это не важно, не отводя взгляда от оконной занавески, ответил Игорь. Не важно. Важно другое. То, о чем я вас попросил.

В наступившей тишине стало отчетливо слышно, как клацают револьверным курком часы-ходики в соседней комнатушке.

— Сделаю все, что в моих силах, — после долгой паузы глуховато сказал командир особого отряда. — Честь имею.

Он протянул было руку не заметившему этого Ненашеву и, словно испугавшись чего-то, отдернул ее назад. Мешковато повернулся и, задев носком сапога невысокий порог, вышел за дверь.

Ненашев положил на стол револьвер, вдавил ладони в плохо струганные доски, закрыл глаза.

— Господи, кто ты ни есть, каков ты ни есть, не покидай меня, — еле слышно шептал он. — Ты любишь меня больше, чем я сам. Смиряюсь перед волей твоей и на нее полагаюсь. Сохрани душу мою, не оставь близких моих любовью твоей. Наташеньку, Ирочку, маму, если жива... Прости меня, грешного, в великом грехе моем. Иду на суд твой. Укрепи меня, избавь от смертного страха и отчаяния. Ты добрый, простишь... Скажи, что простишь...

В мертвенной, пустой и гулкой, как рассохшаяся бочка, тишине прохрустели у крыльца шаги часового. Тонкий молодой голос пропел: «Не печалься, друг мой, я с тобой». Игорь вздрогнул, к глазам его густо прихлынули слезы.

— Товарищ Ненашев, — донесся с улицы голос Филипчука. — Выходите, взвод построен.

«Теперь не удержишь... Все...» — только и подумал он, вдавливая в застиранную ткань гимнастерки дуло нагана...

* * *

Разговор по прямому проводу помглавкома по Сибири В. И. Шорина и начальника отряда особого назначения Н. И. Корицкого (31 июля 1920 года).

Омск. Шорин: — Считаете ли вы, что в настоящее время умиротворение внесено в том районе, где таковые вспыхнули восстания? Из Павлодара и Славгорода сейчас уже угрожающего ничего нет?

Павлодар. Корицкий: — Угрожающего ни в Славгороде, ни в Павлодаре нет, если будет здесь командование и часть, которая выловит остатки мятежников. Думаю, с приходом в Павлодар

13-й кавдивизии, а в Славгород — особого отряда 26-й дивизии здесь больше ничего быть не может. Но нужно объединяющего одного руководителя, а не целые советы, разнородно руководящие операциями, которые я своими приказами на основании устава полевой службы, как старший по должности, распускаю.

Омск. Шорин: — Садите свой отряд на пароход и баржи и немедленно возвращайтесь в Омск.

* * *

По прибытии в Омск начальник Сибвуза составил записку о гибели нескольких курсантов и краскома Ненашева, в которой сообщил, что тот в кулундинском походе проявил себя как грамотный и смелый, преданный долгу командир и по досадной случайности погиб от неосторожного обращения с оружием. Это же утверждение он повторил и на заседании специальной комиссии по разбору контрреволюционной деятельности бывшего подпоручика Ненашева, созданной по ходатайству курсанта Акимушкина и еще двух курсантов-партийцев. Репрессивные меры к семье бывшего офицера не применялись.

* * *

После захвата курсантами отряда Корицкого парохода «Витязь» Дмитрий Шишкин с ядром своей армии сумел пробиться из окружения и вернуться в крестьянский Марзагульско-Волчихинский район Алтая. К 3 августа 1920 года у него осталось не более шестисот человек, в том числе до двухсот сибирских казаков. Их непрерывно преследовали части двух красных дивизий. 9 августа отступающие повстанцы с боем заняли Змеиногорск, где объявляли мобилизацию всего мужского населения уезда от двадцати- до сорокапятилетнего возраста. Тогда же штаб повстанческой армии обратился к гражданам уезда с воззванием.

В нем говорилось: «...Мы боремся только против коммуны, за народные права, завоеванные революцией. Мы хотим права и настоящей гражданской свободы слова, собраний и выборов. Русские люди, давайте же кончим разрушать Россию и начнем строить. Давайте заживем настоящей гражданской свободной жизнью без потоков крови...»

Осуществить мобилизацию повстанцы не смогли. Под натиском преследующих советских частей они покинули Змеиногорск, пробиваясь в направлении Горного Алтая. Выйдя на Бийскую линию Сибирского войска, они заняли станицу Верх-Алейскую. Дальнейшее отступление отряда проходило по казачьей линии на северо-восток. Станицу Верх-Алейскую и поселок Ключевский Шишкин сдавал с боем. Он обошел заслоны красных частей в поселке Тулатинском и станице Чарышской и ушел в Горный Алтай, затем через горы — в Монголию и Китай...

* * *

За проведенную в степном Алтае операцию курсантский отряд Николая Корицкого был награжден почетным Красным знаменем Московского совета рабочих и солдатских депутатов «За кулундинский поход». Оно долгие годы хранилось в музее Омского общевойскового училища.

Барнаул — Павловск. 2012–2013 гг.

Об авторе

Сомов Константин Константинович. Родился в 1961 году в г. Славгороде Алтайского края. Был студентом, солдатом, рабочим, мастером-строителем, зав.отделом городской газеты «Яровские новости». С 1995 года журналист краевой газеты «Алтайская правда». В 90-е годы в журнале «Алтай» были опубликованы его повести «Бесы, черпаки и другие (армейские истории)», «Цирк», «Обещанный обелиск», позднее в журнале «Барнаул» — документальные очерки «Хлеб войны» и «Оружие войны», фрагмент романа «Усобица».

Автор книг «Про гражданскую войну» (Барнаул, 2008), «Война:ускоренная жизнь»

(Барнаул, 2010. Премия Алтайского отделения Демидовского фонда в номинации «Литература»), «Сибирский батальон» (Барнаул, 2011), «Год Колчака» (Барнаул 2012. Краевая литературная премия им. Г.В. Егорова).

Содержание

Часть первая	3
	109

Константин Константинович Сомов

Одна Жизнь

(повесть)

Корректор *Е.Б. Семьянова* Компьютерная верстка *Ю.А. Буракова*

Подписано в печать 00.12.2013. Формат $62 \times 84^{1/}_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Усл. печ. л. . 3аказ № 3218. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Алтай» г. Барнаул, ул. Короленко, 105.